

Степаненко Надежда Васильевна

**Формирование
польской диаспоры
в Казахстане**

*Посвящается 85 годовщине
депортации поляков в Казахстан*

Нур-Султан, 2020

УДК 314
ББК 60.7
С 79

Рецензенты:

Петр Кардела, доктор исторических наук, Директор Филиала Института Национальной Памяти (IPN) в Белостоке.

Дмитрий Максимович Легкий, доктор исторических наук, профессор Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова.

Издатель:

Посольство Республики Польша в Нур-Султане

Ведущий редактор:

Агнешка Марчак

Дизайн обложки:

Агата Юсковяк

Данное издание финансировалось за счет средств Департамента Общественной и Культурной Дипломатии Министерства Иностранных Дел Республики Польша.

Степаненко Н. В.

С 79 Формирование польской диаспоры в Казахстане. Издание второе исправленное и дополненное / Степаненко Н. В. – Костанай: «Костанайский печатный двор». – 2020 г. – 241 с.

ISBN 978-601-227-283-3

УДК 314
ББК 60.7

ISBN 978-601-227-283-3

© Степаненко Н. В., 2020
© Посольство Республики Польша
в NUR-SULTANIE, 2020
© ТОО «Костанайский печатный двор», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

О трагической и героической истории поляков в далёком казахском крае. Д. Легкий	4
Предисловие	6
Глава 1. Исследование вопроса насильственного переселения поляков на территорию Казахстана	
Историография вопроса	9
Хронологические и территориальные рамки исследования	23
Методологическая основа и источниковая база исследования	27
Глава 2. Исторические условия формирования польской диаспоры на территории Казахстана (XIX – нач. XX вв.)	
Польские политические ссыльные в областях Казахстана	42
Культурно-просветительная и научная деятельность политических ссыльных в Казахстане	55
Поляки среди этносов Казахстана во времена царской России и в первые десятилетия советской власти (кон. XIX – 20-е гг. XX вв.)	83
Глава 3. Польское население в этнической структуре Казахстана (30–50-е гг. XX в.)	
Насильственное переселение поляков в Казахстан в 30-е гг. XX в.	103
Польские спецпереселенцы в 40–50-е гг. XX в.	119
Глава 4. Польская диаспора в социально-культурной, экономической и общественной жизни Казахстана	
Поляки в социально-культурной и общественной жизни Казахстана	156
Польская интеллигенция в культурной, экономической и общественной жизни Казахстана	170
Заключение	190
Список использованной литературы и источников	197
Приложение А. Таблицы	215
Приложение Б. Архивные фотографии	225
Послесловие. Селим Хазбиевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польша в Республике Казахстан	234
Список принятых сокращений	239

О трагической и героической истории поляков в далёком казахском крае

Автор несомненно права, что объективное исследование проблемы истории поляков на территории Казахстана имеет огромное научное и практическое значение как для этнодемографической истории на протяжении веков, так и для консолидации казахстанского общества и укрепления основ общенационального единства в современных условиях.

Несомненной заслугой Н. В. Степаненко является системное освещение малоисследованных вопросов формирования польской диаспоры на территории Казахстана с 30-х гг. XIX в. вплоть до настоящего времени.

Автор прониклась судьбой политических ссыльных, участников польского национально-освободительного движения в XIX веке, сосланных в Казахстан. При этом она как историк на фактическом материале сумела доказать, что в условиях нехватки на территории Казахстана специалистов разного профиля, лица польской национальности, по большей части интеллигенты, имущие люди с высоким образовательным цензом, в том числе ссыльные революционеры (среди которых были учёные, учителя, врачи, инженеры, финансисты, чиновники), внесли значительный вклад в развитие науки и культуры до-революционного Казахстана.

Судьба поляков вполне правомерно прослеживается в книге на фоне исторических и внешнеполитических процессов взаимоотношений Польши с Российской империей и Советским Союзом в XIX–XX вв., что позволяет читателю более углубленно разобраться в сути событий.

В течение длительного времени Н. В. Степаненко плодотворно изучала архивные фонды Казахстана (Архив Президента Республики Казахстан, областные государственные архивы Алматы, Актюбинской, Жамбылской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Северо-Казахстанской областей) и Российской Федерации (Архив Президента Российской Федерации, Государственный архив Российской Федерации,

Государственный архив Оренбургской области).

Как опытный исследователь Н. В. Степаненко впервые вводит в научный оборот ряд уникальных исторических документов по истории поляков в Российской империи и Советском Союзе. Из-за особой засекреченности органами НКВД сохранилось мало сведений о судьбах репрессированных лиц польской национальности (на что автор справедливо обращает внимание) и фактические материалы книги позволяют восполнить этот пробел. Так, например, в монографии отражены материалы (лично переведенные автором с польского на русский язык) архивного фонда Делегатуры польского посольства в Актюбинской области в годы Второй мировой войны.

В итоге, проанализировав на основе широкого круга источников и исследований особенности этнополитической истории поляков в Казахстане, автор сумела дать объективную оценку национальной политике Российской империи и Советского Союза и показать вклад польской диаспоры в социально-экономическое и культурное развитие многонационального Казахстана.

Некоторый научный академизм в изложении исторического материала в книге только подтверждает серьёзное, углубленное изучение учёным трагической и, одновременно, героической истории поляков, оказавшихся не по своей воле в далёком казахском крае.

Современное состояние казахстанско-польских плодотворных экономических взаимоотношений двух суверенных государств позволяет надеяться на широкое сотрудничество в области науки и культуры. Своей книгой, представляющей несомненный интерес для широкого круга читателей двух стран, Надежда Степаненко внесла свой личный вклад в укрепление дружеских связей многонационального народа Казахстана с Польшей.

**Профессор Костанайского регионального университета
им. А. Байтурсынова, доктор исторических наук
Дмитрий ЛЕГКИЙ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях глубоких социально-экономических преобразований, переживаемых Казахстаном, проблема общенационального согласия и единства народов, составляющих население государства, относится к одной из социальных задач современности. В Послании Первого Президента Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», в концепции формирования государственной идентичности Республики Казахстан и других документах выделяется стратегическая задача – становление в перспективе национального государства, граждане которого независимо от национальности, социального или иного положения образуют единый народ.

Современный полиэтнический состав населения республики складывался на протяжении длительного исторического периода. Изучение истории появления народов на территории Казахстана не только важно с точки зрения осознания этими народами своего прошлого, но имеет огромное научное и практическое значение для этнодемографической истории республики.

Процесс формирования многонационального населения Казахстана в основном был связан с общественно-политическими событиями XIX–XX столетий, в первую очередь с миграцией и насильственной депортацией народов. Казахстан из-за малонаселенности обширных территорий был излюбленным местом ссылки «неудобных» народов, среди которых были и поляки.

Польские колонии на территории Казахстана начали появляться в середине XIX века. Это были политические ссыльные, участники национально-освободительных движений в Польше середины XIX в., сосланные в Казахстан. По большей части все они были интеллигентами, имущими людьми с высоким образовательным цензом. В условиях нехватки в крае специалистов разного профиля, они составили внушительный отряд инженерно-технической, учительской, медицинской,

финансовой, управленческой и прочей интеллигенции, внесшей значительный вклад в развитие науки и культуры дореволюционного Казахстана.

Поляки, прибывшие в Казахстан в дореволюционный период и первые десятилетия советской власти, согласно польско-советскому соглашению от 24 февраля 1921 г. могли вернуться на родину. Но репатриация коснулась не всех ссыльных поляков. Большинство из них остались в Казахстане добровольно. Согласно первой переписи населения Советского Союза 1926 г., на тот момент на территории Казахской АССР проживало 3742 гражданина польской национальности.

В 30-е гг. в период усиленной внешнеполитической самоизоляции Советского Союза и «зачистки» границ от «социально опасных» элементов с территории Западной Украины в Казахстан (1936 г.) было насильно депортировано 15000 семей польской и немецкой национальности.

Массовые репрессии по «национальной линии» (1937–1938 гг.) привели к обвинению 139 835 человек польской национальности в шпионаже. Осуждённые отбывали наказание в исправительных лагерях ГУЛага, в т. ч. на территории Казахстана. Из-за особой засекреченности органами НКВД сохранилось мало сведений о судьбах репрессированных.

В годы Второй мировой войны поляки пережили тяжелую участь спецпереселенцев: массовые неорганизованные переезды, эпидемии, голод. В послевоенный период были случаи добровольной миграции поляков с Украины и других территорий СССР в Казахстан. Было установлено, что это связано только с воссоединением семей.

В 1954 г. в результате массовой миграции по всесоюзной программе освоения целины поляки, наряду с представителями других национальностей, дополнили отряды целинников. Ослабление режима по отношению к полякам наступило только в 1956 г. Большая часть граждан польской национальности вернулась на родину. Польское население, оставшееся по субъективным причинам на постоянное жительство в

Казахстане, составило основу польской диаспоры республики. В настоящее время поляки – одна из 130 диаспор, проживающих в Казахстане, – составляет 39 568 человек, или 0,2% населения республики.

Автором впервые предпринимается попытка системного освещения (главным образом, на основе архивных документов) малоизученных, а также не исследовавшихся ранее вопросов формирования польской диаспоры на территории Казахстана в период с 30-х гг. XIX в. по 50-е гг. XX в. На основе углубленного изучения и сопоставительного анализа определены методологические и правовые аспекты развития диаспор и межнациональных отношений в национальной политике республики, а также проанализированы особенности этнополитической истории поляков Казахстана; на основе обширного архивного и фактологического материала представлена полная картина национальной политики в Казахстане; показан вклад польской диаспоры в социально-экономическое и культурное развитие многонационального Казахстана.

Автором впервые переведены с польского на русский язык и изучены материалы архивного фонда 504 – Делегатуры польского посольства, образованного в Актюбинской области в декабре 1941 г.

Через призму исследования данной проблемы представляется возможным анализировать исторические процессы в республике в XIX–XX вв. в целом, внешнеполитические и исторические процессы взаимоотношений царской России и Речи Посполитой, а также конфронтационную политику советского руководства в отношении Польши.

Сама возможность работы над темой – подтверждение уважения и интереса Республики Казахстан к истории депортированных народов. Объективное исследование проблем по формированию диаспор будет способствовать консолидации казахстанского общества и укреплению основ общенационального единства.

ГЛАВА 1.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСА НАСИЛЬСТВЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ПОЛЯКОВ НА ТЕРРИТОРИЮ КАЗАХСТАНА

Историография вопроса

До настоящего времени фундаментального исследования формирования польской диаспоры Казахстана с XIX по 50-е гг. XX вв. в исторической науке не предпринималось. До середины XX в. вопросы насильственной депортации народов в Казахстан были, в основном, освещены российской и зарубежной историографией. Отечественная историография до 80-х гг. XX в. вопросы этнодемографического характера рассматривала лишь в связи с общими проблемами истории советского общества и развивалась как составляющая часть советского обществоведения в целом. Только в начале 90-х гг. отечественная историография стала самостоятельной ветвью мировой историографии и серьезно занялась изучением истории формирования полиэтничного состава населения республики.

Первые исследования истории ссылки поляков в Сибирь и на Южный Урал (ныне приграничные территории Северного Казахстана) начинаются в конце XIX – начале XX вв. В научный оборот были введены сведения о польской шляхте, сосланной из Речи Посполитой на Закаспийскую оборонительную линию в конце XVIII в., общие данные по периодизации и составу ссыльных поляков [84; 130; 137; 154; 166]. Конкретным историческим сюжетам, связанным с появлением поляков в Уфимско-Оренбургском крае, посвящены труды П. П. Пекарского и Р. Г. Игнатьева [132; 177], о выдающихся

ссылных поляках писал Н. Н. Модестов [122]. Значимость польской политической ссылки на Южный Урал и в Сибирь вызвала появление ряда статей на эту тему в российских исторических журналах [186; 188]. В это же время появляются публикации воспоминаний о пребывании поляков в этих регионах [169; 170; 172; 208]. Эти работы, написанные, в основном, историками-любителями, представляют не только историографическую, но и конкретно-прикладную ценность для современных исследователей, так как большинство источников, по которым они были написаны, уже утрачены.

Не менее ценными являются этнографические материалы Е. Э. Бломквиста и Н. П. Гринкова, в которых впервые упоминается о поляках, заселивших долину Бухтармы еще в XVIII в. Это группа старообрядческого польского населения, бежавшая из-за религиозных преследований и основавшая в Ветке (Гомелевский уезд) поселение. В 1764 г. по приказу императрицы Екатерины II произошла «выгонка Ветки» и польское население было отправлено в Сибирь. Оставшиеся на Алтае поляки основали поселения по рекам Ульба и Уба, в т. ч. деревни Шемонаиху, Екатериновку и др. [80, с. 65]. Основываясь на документах по выплате ясака, исследователи определили численность поселений – 630 человек, в т. ч. 326 мужчин и 304 женщины [81, с. 115].

Наступивший после 1917 г. развал академической науки в России, уничтожение провинциальных научных обществ, гонения в 30-е гг. на краеведение, господство марксистской идеологии вычеркнули тему русско-польских связей из круга научных исследований на долгие десятилетия. С 1918 г. до середины 1950-х гг. не появилось ни одной работы по данной проблематике.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. наступила «оттепель», которая оживила интерес к истории русско-польских отноше-

ний. К столетию окончания национально-освободительного движения в Польше (1860-е гг.) выходит ряд публикаций, магистральной темой которых стали польские политические ссылки. Среди них необходимо отметить работы В. А. Дьякова [98–100; 102; 103], наиболее плодотворно изучившего политическую ссылку поляков в Оренбургский край. Жизнь и общественно-политическая деятельность польских ссылных в Оренбургской губернии довольно подробно освещается в работе Г. С. Сапаргалиева и В. А. Дьякова [143]. Г. С. Сапаргалиев, изучая вопрос ссылки поляков, исследует их общественно-политическую деятельность в начале XIX в., связывает данный вопрос с проблемой ссылки политических врагов самодержавия в целом, при этом отмечая, что крепости, построенные царизмом на границе с казахской степью, стали местом ссылки поляков сначала в основном дворянского происхождения, а затем их социальная база расширилась [143, с. 17].

Восстанию 1863–1864 гг. в Польше посвящена работа исследователя Н. В. Зайцева [105]. Автор, изучив социальный состав восставших, обратил внимание, что репрессиям за участие в восстании не подлежала молодежь 17-ти лет, составившая 19% восставших [105, с. 32]. Судьбе польских политических ссылных, отбывавших наказание в Сибирском Линейном казачьем войске, посвящены работы Н. И. Симонова [148], Б. С. Шостаковича [158; 159], М. Б. Лысоченко [121].

Изучению населения Казахстана в XIX – начале XX вв. посвящена работа А. Н. Алексеенко. Автор отмечает, что формирование многонационального населения Казахстана имеет свою специфику. Так, с 70-х гг. XIX в. началось переселение крестьян из европейской части России, сыгравшее существенную роль в формировании славянского и другого некоренного населения страны. Согласно переписи 1897 г., в националь-

ном составе Степного Казахстана поляки составили 0,05% населения (1688 чел.) [73, с. 82].

Революционным связям России и Польши в 1815–1917 гг. посвящена работа В. А. Дьякова и Р. А. Ермолаевой [101]. Вопросы влияния русского народничества на польское общественное движение середины XIX в. проанализированы в монографическом исследовании Т. Г. Стынько [150]. Эта работа содержит фактические данные о влиянии русских революционных сил на развитие и распространение революционных идей в Польше, которые польские переселенцы перенесли с собой в Казахстан. Подробная историография оренбургской политической ссылки дана в работе И. М. Гвоздиковой [88]. Автор подробно анализирует этапы формирования своеобразной колонии польских ссыльных, акцентируя внимание на актуальности данной проблемы.

Интересные сведения относительно жизни ссыльных поляков на Урале встречаются в работах литераторов и историков, посвятивших жизнь творчеству: Т. Г. Шевченко, Э. Ю. Желиговского и др., а также в работах самих литераторов периода ссылки [139; 156]. Отдельные вопросы польской политической ссылки в Казахстан нашли отражение в работе В. З. Галиева [87, с. 110]. В частности, автор выделил периоды политической ссылки польских революционеров в Казахстан: 1) 20–30-е гг. XIX в. – участники восстаний 1831–1833 гг.; 2) 50-е гг. XIX в. – польские революционеры конспиративных организаций; 3) 60–80-е гг. XIX в. – участники польского восстания 1863–1864 гг.

В статье исследователя В. Пищулина мы находим объяснение того, почему не все области Казахстана в равной степени являлись местом политической ссылки. Так, например, по его мнению, Уральская область не получала ссыльных, так как уральские казаки и без того были крайне беспокойным элементом [185, с. 107]. В статье Н. Конкина отмечалось, что

«до 1884 г. Степной край был изъят из числа Западной Сибири, куда выдворялись лица, высланные из европейской России административным порядком за политические преступления» [178, с. 3]. Однако Г. С. Сапаргалиев, не вполне соглашаясь с утверждениями Н. Конкина, доказывает, что уже в 1866 г. 36 ссыльных поляков проживали в Семипалатинской области и 30 – в Усть-Каменогорском уезде [143, с. 17]. Степной край не был изъят из числа мест ссылки до 1881 г. Более того, Совет по тюремным делам МВД в 1887 г. принял официальное решение, согласно которому города азиатской России определялись как места ссылки.

В XX в. вопросы польского национально-освободительного движения и его связи с декабристами, с русскими революционерами, роль и значение революционной деятельности польских ссыльных в России поднимались в зарубежной историографии. Эти аспекты обсуждались в работах польских историков конца 50-х – 70-х гг. XX в. Ч. Милоша [203], И. С. Яжборовской [162; 163], П. С. Ольшанского [131].

Большой вклад в изучение истории раздела Речи Посполитой, национальных восстаний XIX в. и их последствий внесли польские исследователи Г. Самсонович, Я. Тазбир. Имея различные мнения по отдельным вопросам, историки сходятся в том, что восстания способствовали формированию польского национального самосознания, за которое была заплачена высокая цена – потеря целого поколения в результате ссылки в Сибирь и на Южный Урал [141; 142]. С культурологической точки зрения взаимодействие польских переселенцев с русскими и коренным населением рассматривал в своих трудах А. Кучинский. Автор внимательно проанализировал жизнь и деятельность Б. Залеского, Б. Дыбовского, высланных за патриотическую деятельность на окраины России, где они написали несколько работ по истории, географии, этнографии местных народов [179; 180]. Теме политической ссылки поль-

ских революционеров в Сибирь посвящены очерки польского писателя и революционера-конспиратора Бронислава Пилсудского, детально проследившего в своей работе расселение политических ссыльных, политику их взаимодействия с местным руководством и причины отказа возвратиться на родину после принятия законов о реабилитации [138].

В работах исследователей М. Ж. Миллера и С. Костла [191], Ж. Р. Нарисса и М. П. Тордаро [196], Е. Моровски [204] подробно анализируется процесс добровольной и принудительной миграции поляков на национальные окраины России в период с XIX по XX вв.

В западноевропейской историографии особого упоминания заслуживает монография французского исследователя Г. Богдана, который изучал историю поляков на протяжении нескольких столетий. Однако вопросы переселения поляков в Казахстан не нашли в ней отражения в силу того, что автор не ставил своей целью конкретизировать перемещения польских переселенцев в отдаленные районы России [190].

В 60–80-е гг. исследовательские возможности историков расширились. В 70-е гг. XX в. вышли статьи Е. Н. Гладышевой о взаимодействии миграции и национального состава населения (на материалах Казахстана), на долгое время определившие подходы к анализу проблемы [90; 91]. Указывая на взаимосвязь и изменения национального состава населения в результате интенсивных миграционных процессов в Казахстане на разных этапах его истории, автор пришла к вполне справедливому выводу о том, что многонациональное население Казахстана формировалось в результате большого потока извне. В статье также отмечается, что «резкие сдвиги в национальной структуре населения Казахстана произошли в период между переписями 1926 и 1939 гг., в течение которого наблюдался не только значительный приток неказахского на-

селения, но и большая убыль казахов», причем «продолжался приток сельских переселенцев, главным образом из Украины, Белоруссии и России». Автор приходит к верному выводу о том, что к моменту переписи населения 1939 г. в результате сокращения численности казахского населения и массового притока представителей других народов произошли резкие изменения в национальной структуре республики, чего не было ни до этого, ни в последующие периоды [91, с. 120].

Первым комплексным исследованием по проблеме влияния миграционных процессов на сложный и многоплановый исторический процесс формирования национальной структуры населения Казахстана является монография Н. Ф. Базановой «Формирование и развитие структуры населения КазССР (национальный аспект)» [78]. На основе широкого комплекса источников автор прослеживает специфику социально-демографического развития в конкретных условиях ряда регионов, в особенности миграционных процессов, социальных перемещений. Вместе с тем в силу известного идеологического табу вне поля исследования остались такие важные стороны миграционных процессов, как: насильственная депортация репрессированных народов, вынужденные переселения и высылка народов в Казахстан.

Во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XX в. в советской историографии выходит целый ряд комплексных научных исследований, посвященных истории католичества и особенностям его распространения на территории Российской империи и ее бывших национальных окраин. В своих монографиях М. М. Шейнман [157], З. И. Маровский [127], опираясь на широкую источниковедческую базу, попытались разобраться в причинах и особенностях многовекового противостояния католиков и православных.

В историографии принудительная миграция населения как

порождение тоталитарного режима стала рассматриваться лишь в последние годы. Закрытость проблематики и необходимых для ее анализа источников объясняет пока еще небольшой список литературы, имеющейся по данному вопросу. В конце 80-х гг. этой работой серьезно занялся российский исследователь В. Н. Земсков [107; 173–176]. Им была начата публикация находившихся ранее под специальной охраной документов и комментариев к ним, проливающих свет на масштабы спецпереселенческой политики Советского государства с конца 20-х до середины 50-х гг. Заслуга В. Н. Земскова состоит в том, что он впервые сделал доступным для исследователей разнообразный источниковый материал, позволяющий выявить основные тенденции и закономерности функционирования одного из страшнейших механизмов в репрессивной системе СССР – так называемой кулацкой ссылки.

Вопросы насильственной миграции, репрессий и истории ГУЛага в последнее время являются объектом особого внимания ученых. Изучение этого вопроса представлено как в российской, так и в отечественной науке. В отечественной историографии вопросу репрессий в 20–30-е гг. и заключению в исправительно-трудовые лагеря посвящена монография Д. А. Шаймуханова и С. Д. Шаймухановой «Карлаг» [155]. На основе закрытых ранее источников в ней впервые раскрыта история самого гигантского спецлагеря, показаны условия содержания заключенных, их численный состав, раскрыты вопросы участия заключенных в сельском хозяйстве и промышленности Центрального Казахстана. Этой же теме посвящена диссертационная работа С. Д. Дельмановой «Исправительно-трудовые лагеря на территории Казахстана» [94], в которой на основе изучения архивных документов Российской Федерации автор представляет численный и национальный состав политических заключенных Карлага на 1947 г. и Степлага на

1954 г. Теме исправительно-трудовых лагерей в Казахстане посвящена книга, выпущенная Ассоциацией жертв незаконных репрессий, «Эхо массовых политических репрессий: Судьбы людские» [161]. Книга посвящена узникам АЛЖИРа (Акмолинский лагерь жён изменников родины), в ней собраны биографические материалы бывших заключенных, их мемуары, воспоминания и фотографии, а также документы архивов по правовой статистике и спецучёту Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

В конце 80-х – начале 90-х гг. в Казахстане начался процесс демократизации, в результате которого стали рассекречиваться архивные документы, связанные с массовыми репрессиями против народов, подвергшихся насильственному переселению в Казахстан. Появилась возможность изучения массовых миграций и насильственной депортации народов в разные периоды истории. Необходимо отметить, что сам факт в основном насильственной депортации народов в Казахстан долго замалчивался, что было в духе того времени. Сейчас отечественная историография обстоятельно занимается изучением проблемы формирования многонационального населения Казахстана.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на монографию академика Н. Е. Бекмахановой «Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917 г.)» [79]. Миграция населения рассматривается автором как основной фактор изменения этнодемографического развития Казахстана. Массовое переселение русско-украинского крестьянства изменило национальный состав и привело к формированию многонационального населения. Поляки среди переселенцев были в незначительном количестве, в монографии они указываются в числе прочих народов.

Среди публикаций по истории депортированных народов следует назвать сборник статей Ж. Б. Абылхожина «История Казахстана: белые пятна» [71], в котором объективно раскрыты катастрофические социально-демографические последствия внешнеэкономической силовой политики тоталитарного режима в 1920–1940 гг. Исследования Ж. Б. Абылхожина и М. К. Козыбаева стали теоретико-методологической основой в изучении истории массовых репрессий. Изданный в 1998 г. коллективом отечественных ученых (М. К. Козыбаев, Ж. Б. Абылхожин, К. С. Алдажуманов, М. Т. Баймаханов) сборник «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» [95] стал одним из основополагающих трудов в отечественной историографии по проблемам преступлений тоталитаризма, репрессий и депортации народов в 1930–1940-х гг.

Большой вклад в изучение истории формирования многонационального населения Казахстана вносит выполненное творческим коллективом известных казахстанских историков (Н. Э. Масанов, Ж. Б. Абылхожин, И. В. Ерофеева, А. Н. Алексеенко, Г. С. Баратова) учебное пособие «История Казахстана: народы и культуры» [109]. В пособии раскрываются общие условия и параметры культурно-исторического развития разных народов, населяющих Казахстан. Ученые считают, что история Казахстана – это история общности судеб всех народов страны, независимо от их этнического происхождения, расовой, языковой и конфессиональной принадлежности.

В историко-демографическом справочнике «Этносы Казахстана», выполненном другим творческим коллективом историков (А. Н. Алексеенко, Н. В. Алексеенко, М. К. Козыбаев, Ю. И. Романов) [74], содержатся сведения по численному составу народов, проживающих в Казахстане и их территориальному расселению. В сборнике представлены итоги переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 и 1999 гг.

При характеристике каждого этноса указывается его самоназвание, язык и основное вероисповедание. Один из разделов справочника посвящен полякам.

Известный ученый Ж. Б. Абылхожин являлся консультантом энциклопедического справочника «Народы Казахстана», где приведены сведения о 125 национальностях, проживающих в Казахстане [72]. В энциклопедию включены научные статьи информационно-обобщающего характера по наиболее важным темам: демографические процессы, сведения о каждом народе, включая историю формирования поляков среди национальных диаспор в Казахстане.

Изучению истории формирования населения Западного Казахстана с XVIII до начала XXI вв. посвящена монография профессора М. Н. Сдыкова [146]. Богатая источниковая база и использование материалов переписей и текущего учета населения позволили автору осветить проблемы исторического развития населения Западного Казахстана. Изучая историю миграции в годы Великой Отечественной войны, автор обращает внимание на многонациональный поток беженцев в регион (из 25 национальностей поляки были в меньшинстве и составляли 114 человек) [146, с. 249].

Вопросам насильственного переселения народов посвящена диссертационная работа Л. К. Шотбановой «Национальный аспект переселенческой политики и коренизации в Казахстане в 1917–1941 гг.» [160]. Автор дает анализ демографических процессов, происходивших в Казахстане в годы Великой Отечественной войны. Этой же теме посвящена работа А. Б. Есимовой «Демографические процессы в Казахстане в годы Великой Отечественной войны» [104]. Автор обращает внимание на миграционный поток ссыльных на территорию Казахстана, указывая на их национальный состав и территориальное расселение. Заслуживает внимания работа Ж. У. Кы-

дыралиной «Спецпереселенцы и трудармейцы в Западном Казахстане (1937–1957 гг.)» [112], раскрывающая историю спецпереселенцев и трудармейцев в Западном Казахстане, жизнь депортированных на спецпоселении, интеграцию их в народно-хозяйственную жизнь региона и республики в целом.

В контексте изучения формирования многонационального населения республики возрос интерес к истории депортации отдельных народов в Казахстан. В отечественной историографии формирование польской диаспоры в Казахстане представлено фрагментарно в работах известных казахстанских историков. Большой вклад в освещение истории польских переселенцев, их хозяйственного устройства, трудовой деятельности и развития духовной культуры вносят публикации таких исследователей, как К. С. Алдажуманова «Депортация народов в Казахстан» [165], С. Жаманкулов «Поляки в Казахстане в 30-е годы» [171], Л. Михайлова «Их везли словно скот в товарных вагонах» [182]. Следует также отметить совместный труд С. М. Машимбаева и Л. И. Исовой «Проблема истории польских переселенцев в Казахстане (1936–1946 гг.)» [125], отдельные работы по истории поляков Казахстана Чрезвычайного и Полномочного Посла Казахстана в Польше А. А. Волкова [168], сборник документов «Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.)», подготовленный Архивом Президента РК [108].

В 1995 г. с образованием Ассамблеи народа Казахстана изучением диаспор на общественных началах начали заниматься национально-культурные центры. Эпизодически история отдельных народов Казахстана представлена в книге председателя Ассоциации болгар Казахстана О. Дымова «Тепло казахстанской земли» [97]. Одна из глав книги посвящена краткой предыстории появления поляков в Казахстане, знаменитым людям диаспоры и поль-

ским национальным обычаям и традициям [97, с. 220]. 70-летию юбилею села Ясная поляна Тайышинского района Северо-Казахстанской области посвящена книга К. А. Полянского «Ясной поляне – 70 лет» [140]. Село было основано семьями польских и немецких переселенцев в 1936 г. Книга представляет собой очерки воспоминаний старожилов села – детей бывших польских спецпереселенцев, депортированных в северный Казахстан из Украины 70 лет назад, о сложных испытаниях в 1930-е гг., в годы Великой Отечественной войны и в сложный послевоенный период. Теме насильственной депортации поляков-спецпереселенцев из Украины в Северный Казахстан в 1936 г. посвящена книга председателя польского культурно-просветительного общества в Кокчетаве «Полония Пулноцна» А. С. Касонич [199]. В книге описана история села Донецкое, основанного польскими спецпереселенцами в 1936 г. В ней представлены фотографии, архивные справки, материалы из газет и журналов по истории села, особое место отводится роли казахского народа в жизни поляков-спецпереселенцев и возможности сохранения ими национальной самобытности и языка. Книга написана на русском и польском языках.

Что касается зарубежной, в частности польской, историографии, то в конце 90-х гг. возникший бум способствовал появлению множества работ по данной проблематике. Большой интерес среди них представляют научные труды М. Гавецкого [193; 194], С. Цесельского и А. Кучиньского [195], в которых исследуется география расселения польских переселенцев, численность, возрастно-половая структура польского народа и вопросы их реэмиграции. Известные польские ученые и этнографы М. Яник и З. Либрович [197; 202], В. Евсеницкий и В. Сливовский [198; 205; 206], А. Кучиньский [200; 201] ввели в научный оборот ряд документов польских и российских

архивов по истории пребывания и социальном составе поляков, сосланных в Сибирь и северные регионы Казахстана.

Опубликованная в 2005 г. в Польше монография известного польского историографа Р. Бадовски «Польские певцы Казахстана» [189] посвящена жизнеописаниям Томаша Зана, Адама Янушкевича, Северина Гросса и других польских политических ссыльных, отбывавших ссылку в Казахстане и внесших огромный вклад в развитие литературы, науки и образования дореволюционного Казахстана. В монографии представлены отрывки из поэмы Густава Зилиньски «Киргиз» и рисунки Бронислава Залеского из альбома «La Vie des Steppes Kirghises», изданного в 1855 г. в Париже. Работа написана на польском и русском языках. Огромный интерес в изучении истории Польши представляет книга, изданная авторским коллективом польских историков А. Дыбровской, М. Жарын и Я. Жарын в Варшаве в 1995 г., «История Польши с древнейших времен до наших дней» [96]. В ней дано подробное описание истории Речи Посполитой, становления независимой Республики Польши, а также представлена история взаимоотношений Польши и России в интересующий нас период – XIX–XX вв.

Научные работы украинских историков также содержат информацию по польскому вопросу. Среди них можно отметить работы Г. Стронського «Злет і падіння. Польський національний район в Україні у 20–30-і роки» [207], В. С. Парсаданова «Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.» [183].

В завершение историографического обзора необходимо отметить, что за годы независимости Республики Казахстан отечественная историческая наука совершила прорыв в изучении многих ключевых проблем истории многонационального государства. Однако вопрос формирования польской диаспоры

Казахстана не получил в ней (как, впрочем, и в зарубежной и российской историографии) полного освещения и изучен лишь эпизодически. Данная диссертационная работа, охватывая длительный исторический период с XIX в. до середины XX в., предполагает детальное и объективное изучение польского вопроса и истории формирования диаспоры республики с новых концептуальных позиций.

Хронологические и территориальные рамки исследования

Хронологические рамки исследования охватывают довольно длительный исторический период – с начала XIX по 50-е гг. XX вв. Появление поляков в Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областях связано с историей Оренбургского и Сибирского Казачьего войска (СЛКВ), созданного в 1808 г. для охраны Иртышской пограничной линии. Отправной точкой исследования является октябрь 1813 г., когда сюда прибыла первая партия польских военнопленных – участников Отечественной войны 1812 г.

В течение XIX в. на Урал и в Сибирь продолжали прибывать ссыльные поляки – участники непрекращающихся национально-освободительных движений. В этот период можно выделить три основных волны массовой ссылки: 20–30-е, 40–50-е, 60–70-е гг.

Незначительные миграции поляков в Казахстан в дореволюционный период и массовые депортации в советский период привели к началу формирования польской диаспоры Казахстана.

Хронологические рамки исследования заканчиваются 50-ми годами XX в. Ослабление режима по отношению к польским спецпереселенцам связано с принятием постановления

Совета Министров СССР от 17 января 1956 г. о снятии с учета спецпереселенцев поляков и членов их семей и возможности их возврата на родину. Поляки, оставшиеся на постоянное жительство в Казахстане, пополнили численность диаспоры.

Территориальные рамки исследования охватывают всю территорию Казахстана с учетом территориально-административной структуры периода XIX – 50-х гг. XX вв.

В 1854 г. на юге Западной Сибири были образованы область сибирских киргизов (с 1868 г. стала называться Акмолинской областью, центр Омск) и Семипалатинская область.

В 1859 г. по территории Младшего жуза (Западный Казахстан) в Зауральских степях была образована область оренбургских киргизов. В 1867–1868 гг. было принято Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Территория Казахстана вошла в состав трех генерал-губернаторств: Оренбургского, Западно-Сибирского и Туркестанского.

В Оренбургское генерал-губернаторство вошли Уральская и Тургайская области, в Западно-Сибирское – Акмолинская и Семипалатинская области и в Туркестанское генерал-губернаторство – Сырдарьинская и Семиреченская области.

В дореволюционный период территория Казахстана делилась на два генерал-губернаторства: Степное генерал-губернаторство с центром в Омске, в состав которого входили Семипалатинская и Акмолинская области, и Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, куда входили Тургайская и Уральская области. Кроме того, Букеевская (Внутренняя) орда входила в состав Астраханской губернии, а территория между Каспийским и Аральским морями (п-ов Мангышлак, плато Устюрт) входила в Закаспийскую область [93, с. 73].

После победы Октябрьской революции и образования

КАССР административное и экономическое районирование было определено в соответствии с декретом от 25 августа 1920 г. В состав КАССР были включены следующие административные единицы:

– Семипалатинская область с уездами: Петропавловским, Семипалатинским, Усть-Каменогорским, Закаспийским и Каркаралинским;

– Акмолинская область с уездами: Атбасарским, Акмолинским, Кокчетавским, Петропавловским и частью Адаевского уезда;

– Тургайская область с уездами: Кустанайским, Актюбинским, Иргизским и Тургайским;

– Уральская область с уездами: Уральским, Лбищенским, Темирским и Гурьевским;

– Мангышлакский уезд Закаспийской области и две Адаевские волости Красноводского уезда той же области;

– Синеморская волость, территория бывших казенных оброчных земель, и Букеевская (Внутренняя) орда Астраханской губернии.

По дополнительному декрету ВЦИКа в сентябре 1920 г. в состав Казахской АССР была включена часть Оренбургской губернии с г. Оренбург [93, с. 76]. После размежевания со Средней Азией к Казахстану были присоединены Сырдарьинская и Семипалатинская области.

По переписи населения 1926 г. административно-территориальное деление республики было пятизвенным: центр, губерния, уезд, волость, аул/село – и состояло из следующих губерний и уездов: Акмолинская, Актюбинская, Джетысуйская, Семипалатинская, Сырдарьинская, Уральская губернии, Адаевский уезд и Кустанайский округ [85, с. 126–153].

В 1928 г. было утверждено новое устройство Казахстана –

окружное. Было сформировано 13 округов: Адаевский, Акмолинский, Актюбинский, Алма-Атинский, Гурьевский, Каркаралинский, Кзыл-Ординский, Кустанайский, Павлодарский, Петропавловский, Семипалатинский, Сырдарьинский, Уральский [77, с. 30].

15 июля 1930 г. округа были ликвидированы, вместо них введена районная система административного деления. Всего было образовано 183 района.

В 1932 г. в Казахстане произошел переход к областному делению. Было образовано 6 областей. В 1936 г. было уже 8 областей, и этот процесс продолжался. К Всесоюзной переписи населения в 1939 г. в Казахстане было уже 14 областей: Актюбинская, Алма-Атинская, Восточно-Казахстанская, Гурьевская, Джамбульская, Карагандинская, Кзыл-Ординская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Семипалатинская, Уральская, Целиноградская, Чимкентская [13, л. 38–40; 86].

В марте 1944 г. из Северо-Казахстанской области была выделена Кокчетавская, а из Алма-Атинской – Талды-Курганская область. Таким образом, к 1945 г. число областей в Казахской ССР достигло 16-ти. В 1959 г. Талды-Курганская область была упразднена и число областей сократилось до 15-ти соответственно. Согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г., в административно-территориальное устройство Казахской ССР входили области: Актюбинская, Гурьевская, Уральская, Кокчетавская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Целиноградская, Джамбульская, Кзыл-Ординская, Чимкентская, Алма-Атинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская и Семипалатинская [111, с. 14–16].

Методологическая основа и источниковая база исследования

Методологическую основу исследования представляет формационно-цивилизированный подход. В качестве методологических приемов в работе использовались рациональные системные принципы: историзма, объективности, системности, альтернативности, а также общеисторические методы: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, систематизации, периодизации, позволившие рассмотреть проблемы не в узко-региональном, краеведческом плане, а на более широком территориальном и историческом фоне.

Для достижения поставленных задач были использованы также методы всестороннего анализа различных видов источников и выявления определенных закономерностей. Широко применялись данные исторической ономастики и этнонимии, поскольку в результате ассимиляции в большинстве случаев произошло обрусение бывших польских подданных, вследствие чего многие из них регистрировались как русские.

Кроме того, при определении национальности в ряде случаев были использованы методы этнической лингвистики, где в первую очередь принимались во внимание отличительные фонетические признаки. Таким образом, при отнесении отдельных лиц к польской народности учитывался целый комплекс различных критериев, проводилась перекрестная проверка отдельных фактов.

Для исследования «островных» польских групп, проживающих на территории Оренбургской области, Западно-Казахстанской, Актюбинской областей, применялся метод непосредственного сбора первичной вербальной информации. Для этого были специально разработаны вопросники по духовной

и материальной культуре польского народа, по социальным отношениям и семейным обрядам исследуемых групп населения. Кроме того, с отдельными респондентами в качестве сбора информации были использованы беседы в «биографическом плане».

Следуя принципу историзма как универсальному методу исторического познания, исследуемый материал представлен в хронологической последовательности в тесной связи с политикой, осуществлявшейся государством по отношению к польским переселенцам.

Статистический метод использовался при анализе численности, внутренней миграции спецпереселенцев по областям республики, их репатриации после освобождения.

Основу источниковой базы исследования составляет комплекс документов и материалов архивных фондов Казахстана и Российской Федерации. Автором изучены документы и материалы 40 фондов 6 архивов. При написании работы сохранены административные и географические названия изучаемого периода.

Документы фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГАРК):

Ф. Р. 30 – Совета народных Комиссаров Казахской АССР, дело 8 – о хозяйственном устройстве в Карагандинской области 15 тыс. польских и немецких хозяйств;

Ф. Р. 74 – Народного комиссариата земледелия Казахской АССР, дело 251 – о хозяйственном устройстве спецпереселенцев;

впервые при работе с фондом Ф. Р. 1146 подробно изучено дело 287, в котором особую ценность по изучаемому вопросу представляет «Справка НКВД о размещении польских граждан на территории Казахской ССР на 28 января 1942 г.» (информация о 103 757 лицах польского происхождения, рас-

селенных по 14 областям Казахстана (оп. 1, д. 287, л. 9);

Ф. Р. 1692 – Министерства просвещения КазССР в 1940–1945 гг., дело 1073 фонда содержит информацию о польских школах и детских учреждениях в Казахстане в годы Великой Отечественной войны, сведения об организации их работы и подготовке учителей из числа польских спецпереселенцев для работы в школах, интернатах и детских домах (оп. 1);

Ф. Р. 1137 – среди материалов фонда подробно изучены: дело 139 – о трудоустройстве польских спецпереселенцев в годы войны; дело 48 – о реэмиграции польских граждан на родину после принятия постановления от 6 июля 1945 г.; в деле 139 (оп. 18) содержатся сведения об итогах реэмиграции, по которым можно проследить причины, почему 723 поляка остались в Казахстане, и как результат, часть из них составила польское население Казахстана в послевоенный период;

В работе над диссертацией использовались документы фондов Архива Президента Республики Казахстан (АПРК):

Ф. 8 – Алма-Атинского областного комитета Компартии Казахстана, дело 306 – о выделении промышленных товаров бывшим польским гражданам в районах Алма-Атинской и Талды-Курганской областей в апреле 1944 г. (оп. 8);

Ф. 12 – Илийского районного комитета Компартии Казахстана Алма-Атинской области, дело 643 – о ходатайстве польского посольства на выделение помощи польским инвалидам (оп. 5);

Ф. 141 – Казахского Краевого комитета ВКП(б), дела 10644, 12263 и 12277 – о выделении средств на обустройство польских переселенцев из Украины в 1936 г. (оп. 1, д. 10644), их медицинском обслуживании (оп. 1, д. 122630) и исполнении решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР об устройстве переселенцев из Украины (оп. 1, д. 12277);

Ф. 708 – Центрального Комитета Компартии Казахстана,

дела 203 и 1628 – о хозяйственно-трудовом устройстве польских выселенцев в Кокчетавской области на 1949 г. (оп. 13, д. 203) и культурно-просветительной работе среди переселенцев Кокчетавской области (оп. 15, д. 1628). Особую ценность представляют материалы дела 54 данного фонда – о соблюдении спецпоселенцами Чкаловского района Кокчетавской области режима спецпоселения, об антисоветских проявлениях в действиях на 1952 г. (оп. 16/2);

Ф. 725 – уполномоченного Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Казахстану, дела 185 и 1113 – по личным делам польских спецпереселенцев и политэмигрантов, а также дела о состоянии детских домов и детприемников.

Материалы Архива Президента Республики Казахстан (АПРК) дополняют и подтверждают информацию Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГАРК) по теме изучаемого вопроса. Дело 12289 фонда 141 (оп. 1) АПРК содержит информацию по польским переселенцам из Украины на 1936 г., дополняя сведения фонда Р. 30 (оп. 1, д. 8) ЦГАРК, и подтверждает большее количество поляков среди переселенцев с указанием на их процентное количество – 75,7% а также их расселение по территориям Северо-Казахстанской и Карагандинской областей, уточняя, что именно здесь был выделен большой земельный фонд – 468 тыс. га. Это же подтверждают материалы дела 39 фонда 11 (оп. 1) Государственного архива Карагандинской области.

Ценность в изучении формирования польских военных соединений в Казахстане в 1942 г. представляет дело 4 фонда 708 (оп. 1) АПРК, в котором содержатся официальные постановления СНК КазССР и ЦИК КП(б)К о размещении польских военных соединений на станциях Отрар и Луговая Туркестано-Сибирской железной дороги и шахтном поселке Чокпак Джувалинского района Южно-Казахстанской об-

ласти, это подтверждает и дополняет информацию дела 287 фонда Р. 1146 (оп. 1) ЦГАРК.

Фонд 708 содержит ряд дел о работе со спецпоселенцами в 50-е послевоенные годы:

дело 54 (оп. 162) – о спецпоселенцах Чкаловского района Кокчетавской области. На примере данного района можно проследить хозяйственно-трудовую устроенность поляков-спецпоселенцев в послевоенный период и работу, проводимую облисполкомами по их привлечению к общественной деятельности;

дело 203 (оп. 13) – о хозяйственно-трудовом устройстве поляков – выселенцев в Кокчетавскую область;

дело 1628 (оп. 18) – о культурно-просветительной работе среди переселенцев Кокчетавской области.

Среди материалов Государственного архива Карагандинской области (ГАКО) по теме исследования особого внимания заслуживают фонды:

Ф. 906 – Карагандинского областного земельного отдела, дело 27 (оп. 1) – о размещении и устройстве польских хозяйств Украины на территории областей Казахстана и организации условий для их устройства на новых местах;

Ф. 239 – Ворошиловского районного управления Министерства внутренних дел КазССР по Карагандинской области, дело 20 (оп. 1) – о снятии с учета спецпоселенцев-поляков, переселенных в Казахстан в 1936 г. по приказу УМВД Карагандинской области.

Из фондов Государственного архива Западно-Казахстанской области (ГАЗКО) для работы по исследуемому вопросу ценными являются архивные фонды:

Ф. 1 – Уральского Губкома РКП(б) – документы по работе с нацменами;

Ф. 693 – Статистического управления Западно-Казахстан-

ской области, документы переписи населения по Западно-Казахстанской области на 1926 г., а также документы по переселенческому отделу Западно-Казахстанской области;

Ф. 850 – Крайисполкома Западно-Казахстанской области, документы о длительности советско-польской комиссии по эвакуации населения на территории области (1945 г).

В данной диссертационной работе впервые были использованы архивы Уральского завода «Зенит», бывшего Ленинградского завода № 231 им. К. Е. Ворошилова, эвакуированного в Уральск в 1941 г. В учетных книгах архива сохранилась информация о поляках, прибывших на завод в 1942 г. в составе 366 человек рабочих, ИТР и служащих.

По исследуемому вопросу подробно были изучены материалы Государственного архива Актыобинской области (ГААктО):

Ф. 1 – Актыобинского уездного совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и его исполкома, дело 354 – о беженцах, эвакуированных в империалистическую войну 1914 г. из пределов Польши и проживающих в поселке Броиловское Николаевской волости Актыобинского уезда (оп. 1);

Ф. 3 – Актыобинского губернского совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и его исполкома (губисполкома), в деле 7 указаны итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Актыобинскому уезду (оп. 1);

Ф. 13 – партийного архива, дело 218 – списки коммунистов по национальному составу в Актыобинской области на 1937–1938 гг. (оп. 6);

Ф. 30 – Актыобинского городского совета народных депутатов и его исполкома (горсовета), дело 2 – списки учета населения по участку пос. Курашасай (оп. 12), дело 629 – списки спецпереселенцев-женщин, проживавших в жилгородке завода ферросплавов (оп. 1) и дело 637 – списки спецпереселенцев,

работавших в системе здравоохранения г. Актыобинска (оп. 1);

Ф. 63 – Актыобинского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполкома (окрисполкома), дело 20 – содержит сведения по национальным поселкам в Актыобинском округе на 1928 г. (оп. 1);

Ф. 85 – Актыобинского областного совета народных депутатов, дела 1533 и 1624 – о польском детском доме Ванды Василевской, открытом в 1944 г. в Актыобинске. В делах даны сведения о численном составе детей-сирот, их возрасте, месте рождения и состоянии здоровья;

Ф. 281 – Отдела народного образования, исполнительного комитета Актыобинского областного совета народных депутатов (облоно), дела 7 и 8 дополняют информацию по польскому детскому дому и содержат сведения о педагогическом коллективе, который состоял из эвакуированных поляков, а также даны отчеты по обучающей и воспитательной работе, которая проводилась в польском детском доме Ванды Василевской;

Ф. 2068 – документы по личному составу учреждений, организаций и предприятий, дело 323 – материалы по промыслово-кооперативной артели «Краснотранспортник» (оп. 2), дело 326 – документы артели по обработке сельхозсырья «Дружба» (оп. 2);

Ф. 913 – хозяйственные книги по районам Актыобинской области на 1940–1948 гг.;

Ф. 1509 – Актыобинского шахтоуправления Министерства местной топливной промышленности КазССР, дело 61 содержит документы по Шубаркудукской шахте на 1946 г. с указанием численного состава поляков-спецпереселенцев среди шахтеров (оп. 1);

Ф. 1533 – годовые отчеты о работе областного отдела социального обеспечения на 1944 г., дело 147 – списки эвакуированных поляков по Актыобинской области, а также списки

детей эвакуированных и детей-сирот семей военнослужащих (оп. 1).

В научной работе впервые использованы материалы архивного фонда 504 делегатуры польского посольства, образованной в Актюбинской области в декабре 1941 г. Фонд содержит 116 дел, написанных на польском языке:

дело 35 – содержит материалы по Бюро доверенного лица, образованного при делегатуре польского посольства в 1942 г. (оп. 1);

дело 53 – списочный состав лиц, работающих в делегатуре польского посольства по Актюбинской области (оп. 1). Дело 53 дополняет материалы по польским детям Актюбинской области, в нем указан численный состав польских детей при Челкарском, Мартукском, Джурунском, Темирском, Хобдинском и Алгинском детских домах на 1942 г., до открытия детского дома Ванды Василевской, куда дети-сироты были направлены по путевкам в 1944 г. (оп. 1);

дело 111 – об открытии в Джуруне в 1942 г. детских яслей для польских детей 1938–1942 годов рождения (оп. 1);

дело 14 – об открытии в 1943 г. и трудовой деятельности швейной артели «Рекорд», где работали 85 человек польских переселенцев, зарегистрированных при делегатуре с 1941 г. (оп. 1). Здесь же содержатся сведения о регистрации польских женщин по Актюбинской области на 1941–1942 гг.;

дело 41 – списки мужчин-военнообязанных по Актюбинской области, здесь же указан реестр регистрации польских военных с 17.09. по 17.10.1941 г., прибывших из Северо-Двинского, Идвельского, Сорокского, Усольского и других исправительных лагерей, всего 547 человек, с целью комплектации в польские военные подразделения (оп. 1) (при делегатуре польского посольства с 1941 г. работал призывной пункт

и регистрационная комиссия под руководством подпоручика М. К. Онишкевича, которые занимались призывом мужчин-поляков в армию);

Основное содержание фонда 504 делегатуры польского посольства составляют дела с заявлениями от польских граждан:

дело 15 – заявления о розыске родственников (320 заявлений) (оп. 1);

дело 2 – заявления с просьбой оказания материальной помощи нуждающимся (250 заявлений) (оп. 1);

дело 8 – заявления с просьбой выдачи заработной платы, зерна, топлива семьям военных и инвалидам (оп. 1).

Из российских архивов особый интерес по изучаемому вопросу представляют материалы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Сведения о прибытии польских ссыльных на Южный Урал в XIX в. и их положении отложились в фонде 6:

дело 529 – содержит распоряжения оренбургского генерал-губернатора о сопровождении польского ссыльного врача Владислава Матусевича в Томск, а также распоряжения по отношению к другим ссыльным полякам (оп. 18);

дело 508 – содержит просьбы к оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому о «выдворении в местности более отдаленные» поляков, которые оказывали плохое влияние на русских, и распоряжения по расселению их на окраины губернии под строгий полицейский надзор (оп. 18);

дело 604 – содержит ведомости учета польских ссыльных – участников восстания 1864 г., находившихся под гласным надзором в Оренбургском уезде в 1864–1865 гг., с указанием места ссылки, занятости в местах ссылки и семейном положении (оп. 18);

дело 61 – сведения о положении пленных польских чинов на 1831 г. (оп. 18).

В архивных документах содержится информация о расселении польских революционеров под полицейский надзор на территории Оренбургской губернии. Фонд 165 Оренбургского статистического комитета содержит информацию о польском населении губернии на 1895–1897 гг. с указанием занятости, расселения по уездам и проценте грамотности. В деле 26-а фонда содержатся данные переписи населения по Оренбургской губернии за 1897 г., особую ценность представляют материалы по знанию поляками родного языка, вероисповеданию и расселению их по уездам Оренбургской губернии (оп. 1).

Наряду с архивными документами были изучены материалы местной периодической печати второй половины XIX – начала XX вв., в частности, статьи в газетах: «Оренбургская губерния» от 1 ноября 1897 г., «Оренбургский листок» от 16 апреля 1889 г., «Оренбургская жизнь» от 26 августа 1914 г. и от 5 сентября 1915 г., «Оренбургское слово» от 29 июля и 2 августа 1916 г.

В диссертационной работе использованы материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. по областям: Акмолинская область – т. 81; Закаспийская область – т. 82; Семипалатинская область – т. 84; Семиреченская область – т. 85; Сырдарьинская область – т. 86; Тургайская область – т. 87; Уральская область – т. 88 [133]; материалы всесоюзных переписей 1926 [85], 1939 [13] и 1959 гг. [111]. В работе были использованы как архивные, так и опубликованные материалы переписей.

В начале 90-х гг. материалы переписей были опубликованы с учетом допустимого процента неточностей, принятых в мировой практике переписного дела. Это дает возможность использовать материалы опубликованных переписей в научных исследованиях. При использовании итогов переписей необходимо учитывать исторический период их проведения, подго-

товленность и административно-территориальное устройство регионов.

Особенно ценной в работе является информация по Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной 9 февраля (28 января по новому стилю) 1897 г. Перепись была проведена по всей стране по единой программе и общей инструкции, учитывала наличное, постоянное и юридическое (приписное) население на одну и ту же дату (9 февраля 1897 г.). Ее программа состояла из 14 пунктов: пол, возраст, брачное состояние, сословие или звание, место рождения, место прописки, место постоянного (обычного) проживания, вероисповедание, родной язык, грамотность, занятие, наличие физических недостатков или душевного заболевания. Перепись была проведена по принципу однодневной переписи. Переписные листы раздавались и заполнялись в сельской местности за 20–30 дней, в городах – за 5–10 дней до назначенного дня Всеобщей переписи. Затем с 9 по 12 февраля счетчики-регистраторы собирали заполненные листы и вносили в них исправления по состоянию на критический момент.

Определить в результате Первой Всеобщей переписи точное число поляков, проживавших на территории Казахстана в тот период, довольно сложно. По итогам переписи, из 4 147 748 человек поляков насчитывалось 1253 человек (1,2%) [133]. При этом необходимо учитывать, что сбор информации в период переписи происходил не по национальной принадлежности, а по «родному языку». В зависимости от среды и условий проживания, многие поляки указывали как родной язык – русский или украинский. Однако именно эта цифра взята за основу при подсчете количества поляков, проживавших в Казахстане на конец XIX в.

Сложность работы с материалами Первой Всеобщей переписи 1897 г. состояла еще и в том, что из состава Акмолинской

области нужно исключить Омский уезд и г. Омск; Уральская область включает Букеевскую орду; Семипалатинская включает Павлодарский уезд; из Сырдарьинской области следует исключить Пишпекский и Пржевальский уезды; Мангышлакский уезд включен в Закаспийскую область, а Тургайская область берется вся – с Кустанайским и Актюбинским уездами.

За изучаемый период истории в Казахстане официальная перепись населения проводилась в 1897, 1920, 1926, 1937, 1939, 1959 гг.

Первая советская Всеобщая перепись населения была осуществлена 28 августа 1920 г., т. е. в годы гражданской войны. Ее организацию проводил созданный в 1917 г. в составе Верховного Совета народного хозяйства отдел переписей и статистики. Перепись проводилась в тяжелых социально-экономических условиях: не хватало квалифицированных кадров, бумаги, типографии, транспорта, из-за военных действий плохо была налажена связь. Данные этой переписи для нашего исследования не являются особенно ценными: поскольку гражданская война еще не завершилась, не вся территория Казахстана была охвачена переписью.

Наиболее полной оказалась Всесоюзная перепись 1926 г. По методике и организации эта перепись охватила как академические, так и производственные достижения мирового учета населения. Переписью занимался отдел демографии КазЦСУ. Опубликованные итоги Всесоюзной переписи 1926 г. содержат данные по КазАССР о численности населения по народности, родному языку, возрасту, грамотности. Согласно итогам переписи, из 6 197 932 человека [110, с. 15–46], проживавших в Казахстане, поляки составляли 0,06% – 3742 человека [85].

Объективные трудности при проведении и обработке материалов Всесоюзной переписи 1926 г. были связаны с нехват-

кой специалистов и счетных устройств, а также неточностью первичных записей о возрасте в переписных листах, особенно это касалось казахского населения. Всё это заставило организаторов переписи ограничиться подведением лишь уездных итогов, не рассчитывая их по волостям, как это было сделано в других районах СССР. Поэтому мы не имели возможности на основании переписных материалов получить полные данные о возрастном составе и грамотности по народностям (национальностям) в региональном разрезе по КазАССР, сведения о профессионально-классовой структуре, о составе семьи, занятости. Перепись 1926 г. была проведена в целом по Казахстану и включена в общесоюзный том, что также накладывает ограничения на исследование региональных особенностей.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. проводилась в январе. Это была так называемая «расстрельная перепись». Несмотря на значительную организационную работу и огромные затраты, результаты переписи были признаны фиктивными, а ее организаторы большей частью расстреляны.

В результате голода и репрессий численность населения Казахстана по сравнению с 1926 г. сократилась на 1 070 467 человек. Неутешительные результаты переписи не устраивали Сталина и его окружение. Материалы переписи не были обработаны и опубликованы. В конце 80-х гг. стало известно, что материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г. хранятся в Российском государственном архиве экономики. В начале 1990-х гг. сохранившиеся итоги переписи были опубликованы с разной полнотой. В нашей работе мы использовали только итоговые данные по численности населения Казахстана (5 126 тыс. чел. [86]), чтобы подсчитать сокращение численности населения Казахстана по сравнению с 1926 г. и увеличение численности по итогам переписи 1939 г.

Следует также отметить, что в переписи 1937 г. нет област-

ных итогов в национальном разрезе по половозрастному, образовательному, профессионально-классовому составу, и это снижает ее информативность.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. менее представительна, чем 1926 г. В ней отсутствуют сведения о половозрастной структуре населения по республике и областям, по отдельным национальностям, менее широко представлены данные о численности и размещении населения. К сожалению, в переписи 1939 г. о миграции населения никаких сведений не содержится. Статографы не сочли возможным включить в переписной лист вопрос о миграции даже в наиболее простой форме (с указанием места рождения), как он ставился во время переписи 1926 г. В качестве причины выдвигались трудности сбора материала и его дальнейшей разработки. Указывалось, что переселение в СССР осуществляется главным образом в организованном порядке и имеются материалы текущего учета по миграции, что изучение миграции не представляет ценности для плановых организаций экономики. Но была и другая причина, которая замалчивалась: вопрос о миграции не ставился, дабы скрыть истинные масштабы вынужденных переселений людей в период политических репрессий [115, с. 13].

Учет миграции населения всегда был более трудным и сложным по сравнению с естественным движением, что обусловлено как трудностями самого учета, так и недостаточно разработанной теорией миграционного движения. Согласно итогам переписи 1939 г. накануне войны польское население Казахстана составляло 0,8% (54 809 чел.) от общей численности населения республики – 6 151 102 человека [13].

15 января 1959 г. в Казахстане была проведена очередная Всесоюзная перепись населения. Перепись учитывала наличное население, к которому относились лица, находившиеся в

данном помещении на момент учета (в ночь с 14 на 15 января 1959 г.), независимо от того, проживали они в данном помещении постоянно или временно. Материалы этой переписи пересчитаны по административно-территориальным границам на 1 января 1960 г.: Талды-Курганская область была присоединена к Алма-Атинской области, Бескарагайский район Павлодарской области передан в Семипалатинскую область, изменился состав городских поселений Алма-Аты, Джамбула (Тараза), Усть-Каменогорска, Кокчетавы, Темиртау. Согласно переписи, от общей численности населения Казахстана в 9 294 741 человек [14, л. 1–42] поляки составляли 0,5% – 53 102 человека [111].

Итоги переписей 1897, 1926, 1939 и 1959 гг. стали фундаментальными в работе над темой диссертации.

ГЛАВА 2.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ
КАЗАХСТАНА (XIX – нач. XX вв.)**

**Польские политические ссыльные
в областях Казахстана**

XVIII век – самый трагичный период в истории Польши. В результате политических комбинаций и военно-политических столкновений Польша утратила свою национальную независимость и была включена в государственные границы Австрии, Пруссии и России. После трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) России отошли территории Белоруссии, Правобережной Украины, Литвы, Курляндии – 62% территории и 45% населения [96, с. 164].

На протяжении более ста с лишним лет (1795–1918 гг.) ни одно поколение поляков не признавало раздела Польши и чужую, навязанную силой, власть. Польские патриоты вели борьбу за национальное освобождение, и не раз эта борьба приводила к вооруженным столкновениям. Одной из мер наказания, применяемой Россией к участникам этой борьбы, являлась политическая ссылка. В административном порядке поляков ссылали в отдаленные провинции Российской империи – на Южный Урал и в Сибирь. Ссыльные гражданские лица отбывали армейскую службу в арестантских ротах, а военные – в штрафных батальонах или войсковых казачьих соединениях.

Первое массовое выселение поляков на Южный Урал произошло во второй половине XVIII в. Это были участники Барской конфедерации (1768–1771 гг.), выступившие «в защиту

веры и свободы», то есть во имя Римско-католической церкви и Речи Посполитой и ее независимости от России. В стихийно организованные отряды, так называемые партии, вошли шляхтичи от магнатов до бездомных, в т. ч. многочисленные горожане и крестьяне. Барская конфедерация расценивалась как первое восстание в защиту независимости Речи Посполитой [96, с. 157].

Конфедераты открыли историю польской политической ссылки в России. В 1772 г. на Южный Урал в Оренбургский край было сослано 1000 человек польских конфедератов. Из них на службу в армию – 400 человек и на поселение – 500 человек. В Уфу солдатами было сослано около 30 конфедератов, на поселение – более 100 человек [116, с. 82]. Среди ссыльных были богатые и бедные шляхтичи, духовенство, взрослые и дети. Ссылали целыми семьями.

Польские конфедераты оказали большое влияние на культурное развитие Южного Урала. Они были учителями и наставниками юного поколения, знакомили его с передовой европейской культурой. Из-за отсутствия профессиональной медицинской службы оказывали врачебную помощь местному населению. Конфедераты стали первыми проводниками католицизма в Оренбургской губернии. Вот что по этому поводу сообщает «Оренбургский листок» за 1889 г.: «Первое появление лиц католического исповедания в г. Оренбург в качестве постоянных жителей города можно отнести к 1772 г., ко времени первого раздела Польши и усмирения бывших в ней участников Барской конфедерации. Императрица Елизавета повелела за участие в мятеже сослать конфедератов на жительство в Сибирь, а также в Оренбургскую и Казанскую губернии» [21]. Ссыльные ксендзы пытались обратить православных в католиков, за что к конфедератам предпринимались репрессивные меры: им было запрещено бывать в обществе,

был усилен надзор за их поведением, их отправляли на службу в крепости по Оренбургской пограничной линии.

Окончательно усугубила положение ссыльных конфедератов начавшаяся в сентябре 1773 г. крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Конфедераты принимали участие в этой войне, причем одни вступили в отряды повстанцев, а другие сражались в правительственных войсках, надеясь в награду получить освобождение из плена. Большая часть конфедератов была освобождена на основании указа Петра I от 29 ноября 1796 г. и покинула места ссылки к концу XVIII в. [117, с. 14].

Не все конфедераты вернулись на родину. Часть их осталась на жительство в Оренбургской губернии. Генерал-губернатор Западной Сибири В. Г. Чичерин самовольно удерживал молодых и сильных польских конфедератов, принуждал их войти в Сибирское казачье войско. Некоторые конфедераты добровольно остались в Сибири, приняли православие и женились на сибирячках.

Общее количество польских конфедератов, оставшихся на постоянное жительство в Сибири и на Южном Урале, установить сложно. Тем не менее можно утверждать, что это был первый этап в формировании польского населения на данных территориях.

Появление поляков на территориях Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областей связано с историей Сибирского казачьего войска. Потребность в охране растущих границ Российской империи вызвала необходимость увеличения численности казаков на Ишимской укрепленной линии. Поселения на линии составили Сибирское линейное казачье войско (СЛКВ).

Образование СЛКВ в 1808 г. связано с присоединением к России Верхнего Прииртышья. Строительство Ом-

ской, Ямышевской, Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей, ряда форпостов и редутов положило начало Иртышской линии.

В середине XVIII в. образовалась Колываново-Кузнецкая линия (от Усть-Каменогорска до Кузнецка). К моменту создания казачьего войска в 1808 г. самым восточным форпостом был Омск. В 1812 г. на Южный Урал и в Сибирь начали прибывать военнопленные поляки, участвовавшие в Отечественной войне 1812 г. на стороне Наполеона, а также виновные в сношениях с подданными Франции. Все они помещались под надзор местного начальства и распределялись по казачьим подразделениям до конца войны.

В октябре 1813 г. в Сибирское линейное казачье войско прибыло 438 пленных поляков [126, с. 71]. Все они были распределены по казачьим полкам. Военнослужащие, принявшие присягу на верность российскому престолу, по их желанию были причислены к казачьему сословию и поставлены под знамя тех полков, в войсках которых они пожелали в дальнейшем служить. По своему социальному сословию военнопленные делились на три основные категории: дворяне (шляхтичи), крестьяне и мещане.

Дворяне составляли весьма незначительную часть пленных в 130 человек [126, с. 73]. Самыми богатыми у дворян считались Юзеф Ложимский, который владел 350 крестьянами, Юзеф Юташевский – 50 семьями крестьян и Станислав Вицкий – 18 дворовыми крестьянами. Остальная масса дворян либо не владела крестьянами, либо их незначительным количеством от 8 до 10 человек. Крестьяне-пленные составляли 150 человек [126, с. 74], причем один из них, Ян Станчик, происходил из государственных крестьян, Антоний Дубановский – из барских людей, то есть находился на службе в доме шляхтича, остальные – крепостные крестьяне. Мещан в со-

ставе пленных насчитывалось 158 человек [126, с. 76].

Все пленные поляки исповедовали римско-католическую религию. Их уровень образованности был крайне низким, даже дворяне большей частью были неграмотными. Хотя имелись и лица, умевшие писать на двух-трех языках, в основном на польском, немецком и французском. Возраст пленных – от 19 до 56 лет. О пленных собирались полные сведения, даже о внешних данных, на случай их побега.

Бывшие польские военнопленные после определения в полки были размещены в составе полков Сибирского линейного казачьего войска, укрепления которого находились в тех краях, где находятся нынешние Томская, Омская, Тюменская, Курганская, Новосибирская, Северо-Казахстанская, Акмолинская, Павлодарская и Семипалатинская области, а также города Железинка, Семипалатинск, Ишим, Петропавловск, Тобольск, Омск, Усть-Каменогорск.

В связи с реформами 20-х гг. XIX в. и введением Устава о сибирских киргизах в 1824 г. был образован Кокчетавский округ и станица Арык-Булакская. Название станицы связано с оригинальным способом добычи осетровых рыб (балыка). В период нереста русло реки делилось на множество арыков, основное назначение которых заключалось в том, чтобы справедливо поделить улов между станичниками. При образовании станицы Арык-Булакской было переселено 27 семей донских казаков, которые и стали основателями станицы. Станица подразделялась на четыре района: Донской, Старый, Военный и Польский.

Польский район станицы был основан в 1827 г., когда сюда были направлены четверо казаков пятого полка Сибирского линейного казачьего войска с семьями. Все они были из числа польских военнопленных – участников Отечественной войны 1812 г.: Андрей Кожицкий Михайлов-сын, Доброслав Червин-

ский Янов-сын, Иосиф Савицкий Тимофеев-сын.

На протяжении XIX в. Арык-Балыкская станица неоднократно укреплялась поселенцами. Одну из самых значительных групп в 12 человек составили польские военнопленные – участники восстания 1863–1864 гг. [75, с. 19]. В 1903 г. в станице было 152 дома, 46 из них принадлежали военным польским переселенцам и их потомкам [75, с. 28].

Начиная с середины XIX в., на Урал и в Сибирь продолжали прибывать ссыльные поляки – участники непрекращающихся национально-освободительных движений. В течение XIX в. можно выделить три основных массовых волны ссылки: 20–30-е, 40–50-е, 60–70-е гг.

Вхождение Польши в состав Российской империи привело к нарушению конституционных прав поляков. Не имея возможности напрямую, в форме гражданского противостояния, выступить против нарушения свобод, поляки стали создавать тайные кружки и союзы. В 1824 г. по решению следственной комиссии на Урал в Оренбургскую губернию были сосланы на поселение активисты союзов и обществ «филоматов» Т. Зан, Я. Чечот и А. Сузин. В этом же году в Оренбургский корпус солдатами были заключены члены кружка «Черные братья» из города Вильно – учащиеся Крожской гимназии Я. Виткевич, В. Ивашкевич, А. Песняк и И. Сухотский. Все они были из дворянского сословия, людьми грамотными. Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский стал «духовным отцом» для ссыльных поляков, привлекал их на важные должностные посты. Так, Т. Зан был магистром философии, служил в Оренбургской пограничной комиссии, Я. Виткевич был переводчиком пограничной комиссии и выполнял специальные дипломатические задания в Степи, В. Ивашкевич был назначен унтер-офицером второго линейного батальона Оренбургского корпуса [145, с. 19].

С 1827 по 1830 гг. в Западной Сибири и на Алтае отбывали ссылку члены польского общества «верных друзей» Иван Высоцкий, Феликс и Карл Орынские. Они были лишены дворянства и сосланы в дальние крепости на крепостные работы на 10 лет с поселением в Сибири. Высоцкий находился в Усть-Каменогорске около двух лет восьми месяцев (с 25 августа 1827 г.), затем с 27 января 1830 г. был отправлен рядовым в Сибирский линейный батальон № 3 г. Петропавловска, где и проходила его длительная служба.

После подавления в Польше ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Сибирь и на Урал было сослано 90 тыс. семей малой шляхты [96, с. 113]. В Оренбургский отдельный корпус сослано 1400 человек. Все они были распределены по корпусам и вошли в состав 28-ми пехотных дивизий. В Оренбургское казачье войско причислено 200 пленных поляков [119, с. 176].

Среди ссыльных были представители шляхты и интеллигенции. В государственном архиве Оренбургской области сохранились документы о поляках, состоявших на государственной службе по Оренбургскому таможенному округу. Клавдий Решка – коллежский советник, Леонард Яздовский – человек особых поручений и коллежский секретарь, Ипполит Калюга – надзиратель Звериноголовской таможенной заставы, Селивестр Балычевский – писец Оренбургской таможни. Они были сосланы на Урал в Оренбургский гарнизон в 30-е гг. [129, с. 28].

Численное количество поляков, сосланных на Урал и в Сибирь в 40–50-е гг. установить сложно. Известно только, что в этот период через Отдельный Оренбургский корпус прошло около 2000 человек, а в бумагах генерал-губернатора Оренбургской губернии В. А. Обручева имеется упоминание о наличии в его подчинении 1667 «штрафников нижних чинов» [147, с. 15].

В 1848 г. в Омск на каторгу, а затем на поселение в Усть-Каменогорск был сослан Шиман Токажевский, активист крестьянского консервативного союза из числа помещиков Люблинского воеводства. В 1849 г. «за политические преступления» был лишен прав и состояния Александр Левицкий, дворянин, римско-католической веры. Он был сослан на каторжные работы и на постоянное поселение в Усть-Каменогорскую крепость. В момент ссылки ему было 29 лет.

В 40-е гг. XIX в. в Сибири, а затем и в Казахстане отбывали ссылку польские повстанцы А. Янушкевич, Г. Зилиньски, С. Кржановский, К. Балинский.

С восхождением на трон царя Александра II многие политические ссыльные получили помилование и могли вернуться на родину. Однако в Сибири на постоянное жительство остались поляки, поступившие на государственную службу, либо связавшие себя семейными узами, либо занимавшиеся торговлей и предпринимательством, либо остались на службе в Оренбургском и Сибирском казачьем войске. К концу 50-х гг. XIX в. среди иностранцев и инородцев Оренбургского казачьего войска числилось 80 поляков. В Сибирском казачьем войске 360 бывших польских ссыльных, в большинстве своем из дворян, размещались по укреплениям Сибирской линии на территории в 2400 верст [187, с. 18].

В 1861 г. Сибирское казачье войско подверглось существенной реорганизации, в результате стало состоять из 12 полковых округов и 12 конных полков. Поляки и другие ссыльные переселенцы входили, в основном, в состав Сибирского казачьего конного полка № 1, штаб-квартира которого находилась в станице Кокчетавской. В 1867 г. из 9-го и 10-го полковых округов было образовано самостоятельное Семиреченское казачье войско. В 1868 г. при образовании степных областей

земли с 1-го по 6-й полковой округ вошли в состав Акмолинской области, 7-й и 8-й полковые округа – в состав Семипалатинской области. Главное управление этими казачьими войсками было вверено генерал-губернатору Западной Сибири, который одновременно был и командующим войсками Западно-Сибирского военного округа в звании войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска [148, с. 105].

В 1863–1864 гг. в Королевстве Польском, а также на Украине, в Белоруссии и Литве произошло восстание поляков. Оно явилось самым массовым и стало важным этапом в национально-освободительной борьбе поляков за права и свободы. Последствием восстания стала массовая ссылка из Польши, Литвы, Белоруссии и Украины на Урал и в Сибирь 40 тыс. польских повстанцев [96, с. 195].

Социальный состав ссыльных в 60-е гг. XIX в. значительно демократизировался: дворяне и духовенство – организаторы восстания – составили 50%, мещане – 25%, большая доля репрессированных приходилась на крестьян – 30% [105, с. 28].

Духовенство среди восставших было представлено ксендзами и монахами католических монастырей. Возрастной диапазон репрессированных участников восстания был достаточно широк – от несовершеннолетних до преклонного возраста. В списках репрессированных содержались сведения о возрасте только 4618 человек. Повстанческие власти стремились удержать юношей до 17 лет от участия в вооруженной борьбе. Репрессиям подвергались только лица с 18 лет, они составили 166 человек (81,37%) [105, с. 32].

На Южном Урале большее количество ссыльных было расселено по крепостям и городам Оренбургской и Уфимской губерний под присмотр так называемых «надзорных команд». В 1865 г. там находилось под надзором полиции 485 человек,

высланных из западных губерний Царства Польского, в том числе: в Уфе – 138 чел., Стерлитамаке – 67 чел., в Оренбурге – 64 чел., Бирске – 38 чел., Белебее – 44 чел., Троицке – 46 чел., Челябине – 54 чел., в Верхнеуральске – 34 человека.

Среди поляков, сосланных на Южный Урал, преобладали дворяне и разночинцы (в основном, врачи и учителя). Кроме того, в г. Бирске находились на поселении 27 ссыльных ксендзов [118, с. 43–46]. Согласно ведомости за 1864 г. выдворенные в города Оренбургского уезда поляки по социальному происхождению распределялись следующим образом: дворяне – 62,5% из общего числа; неутвержденные дворяне – 4,2%; разночинцы (в основном, врачи, учителя) – 11,4%; мещане – 7%; духовенство (ксендзы) – 6%; обер-офицеры и их дети – 5,2%; унтер-офицеры и рядовые – 0,9%; иностранные подданные (Австрии, Пруссии, Франции) – 1,3%; бродяги – 0,4% [1, л. 10].

Политические ссыльные следовали в места отбывания наказания по Сибирскому тракту. Осужденных отправляли партиями от 100 до 200 человек. Шли по 20–40 вёрст в день, два дня были в походе, а на третий день отдыхали. Ссыльные шли в кандалах, условия перехода были тяжелейшими. Польский ссыльный Алоизий Песьляк писал: «К месту назначения мы следовали закованными в тяжелые и пудовые цепи, причинявшие нам в пути жестокие мучения от непривычки носить и справляться с ними, так и от чрезмерной для наших слабых сил тяжести, дававшей себя чувствовать во время больших переходов по этапам» [181, с. 178].

С 1863 по 1866 гг. в Сибирь было сослано 20 тысяч человек. Из этого числа 4 тысячи осудили на каторжные работы, 4 тысячи – на временное поселение, 2 тысячи добровольно пошли

за ссыльными, 10 тысяч были осуждены на вечное поселение [138, с. 20]. В Западной Сибири на Алтае отбывали ссылку 144 человека. Основными местами сосредоточения ссыльных были Барнаул (50 чел.), Бийск (45 чел.), Кузнецк (15 чел.) и Усть-Каменогорск (30 чел.) [49, л. 16].

На службу рядовыми в Сибирский линейный казачий батальон были направлены 60 человек, из них 40 человек – в батальоны № 12 и 14 г. Усть-Каменогорска и 20 человек – в батальон № 7 г. Семипалатинска [121, с. 87].

Сословная принадлежность ссыльных: дворяне – 55 человек; ксендзы – 20 человек; мещане – 12 человек; чиновники – 8 человек; крестьяне – 5 человек; кузнецы – 4 человек; военные – 3 человека [114, с. 244].

Сосланные на Алтай 20 ксендзов были расселены по городам: Бийск – 5 человек, Кузнецк – 7 человек, Колывань – 5 человек, Усть-Каменогорск – 3 человека [51, л. 90]. Все они находились под полицейским надзором как вторые после шляхтичей организаторы национального сопротивления. 13 польских ссыльных прибыли на Алтай с женами и детьми, среди них: Франц Юхневич, поступивший в Бийск 9 апреля 1865 г. с женой Софьей и сыном Станиславом; Казимир Острович, поступивший в Усть-Каменогорск 20 сентября 1865 г. с женой Марцианой и сыном Иорданом; Михаил Еринович, поступивший в Кузнецк 16 августа 1865 г. с женой Екатериной и детьми Константином и Амалией, и др. Все ссыльные семьи от казначейства городов, в которые были расселены, получали пособие по 75 коп. квартирных денег [51, л. 94]. Некоторые из ссыльных женились на местных жительницах. Так, в Усть-Каменогорске женился на солдатской вдове Викентий Арцишевский, сосланный в Сибирь «за похождение в шайке мятежников» по конфирмации командующего войска-

ми военного округа от 24 сентября 1863 г. и определенный «в военную службу с лишением прав дворянства». Игнатий Бурачевский, сосланный за участие в восстании по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа на поселение в Томскую губернию с лишением всех прав и преимуществ, в 1869 г. «вступил в брак с девицей православного вероисповедания». Петр Станкевич, высланный по решению военного суда в Томскую губернию за участие в мятеже, женился в Усть-Каменогорске на крестьянке Ефросинье Матвеевой [51, л. 92].

В целом, материальное положение ссыльных было крайне тяжелым. С разрешения шефа корпуса жандармов политические ссыльные, находившиеся в Западной Сибири и не имевшие средств к существованию, получали казенное пособие 57 руб. 41/4 коп. или 114 руб. 281/2 коп. серебром в год. Это пособие выдавалось за каждый истекший год в феврале или марте следующего года [51, л. 95]. Ссыльным из дворян, высланным без лишения и ограничения прав и не имеющим собственных средств к жизни, выдавалось по 15 копеек в сутки [51, л. 105]. Следует отметить, что польские ссыльные долгое время не получали определенного от казны пособия, затем оно стало выдаваться частями и ссыльные долгое время не могли обзавестись хозяйством. Казенное пособие выдавалось полякам периодически. Эта выдача находилась в непосредственной зависимости от материального состояния ссыльных. Если ссыльный имел занятие, которое поддерживало его материальное положение, или получал денежную помощь от родственников, то выдача казенного пособия временно прекращалась. Вместе с тем размер пособия был ничтожен, и ссыльным необходимо было работать, чтобы обеспечить себя средствами к существованию.

К 70-м годам XIX в. в Королевстве Польском начинается развитие социалистического движения. Деятельность народных кружков, рост массовых рабочих, создание первой польской партии «Пролетариат» приводит к увеличению репрессий административных ссыльных. На этом этапе основным районом ссылки по-прежнему была определена Сибирь, заселение которой являлось главной целью политики царизма. Поток ссыльных на Южный Урал сократился из-за коллективной борьбы с существующим порядком в данном регионе.

В Сибири основным местом ссылки в XIX в. был определен Алтай. Сюда были сосланы Северин Гросс, Адам Бяловский, Ян Виторт, Гинтовт-Дзевялтовский и др. В Усть-Каменогорске в 80–90-е гг. XIX в. отбывали ссылку Адам Бяловский и Гинтовт-Дзевялтовский. Адам Бяловский, в частности, участвовал в народном движении с 1875 г. В 1878 г. был сослан в Архангельскую губернию за участие в киевских волнениях. В июне 1880 г. в Одессе он вошел в народовольческую организацию. В 1880–1882 гг. Бяловский был видной фигурой в одесских кружках «Народной воли». В 1882 г. он был сослан в Семипалатинскую область, а затем в Усть-Каменогорск [89, с. 102].

К концу XIX в. царскому правительству удалось подавить революционное движение в Царстве Польском, и массовый поток ссыльных на Южный Урал и Сибирь прекратился.

Таким образом, польские ссыльные, отбывавшие наказание в арестантских батальонах Сибирского линейного казачьего воска, стали первыми поляками, появившимися на территориях Северо-Казахстанской, Акмолинской, Павлодарской и Семипалатинской областей. Оставшись в местах отбывания ссылки на постоянное жительство, они положили начало длительному и сложному процессу формирования польского населения Казахстана в дореволюционный период.

Культурно-просветительная и научная деятельность политических ссыльных в Казахстане

Польские политические ссыльные XVIII–XIX вв. не только положили начало формированию польского населения на территориях Северного и Восточного Казахстана, но и в силу своей образованности внесли большой вклад в развитие этнографии, геологии, географии и прочих наук, оказали большое влияние на хозяйственную, общественную и культурную жизнь Казахстана.

Политические ссыльные служили учителями, врачами, активно занимались культурно-просветительной деятельностью, создавали краеведческие музеи, открывали библиотеки, изучали природу края. Среди них: Томаш Вернер, Эдвард Желиговский, Бронислав Залеский, Зигмунт Сераковский, Эинцетий Лигурский.

Одним из основателей Оренбургского краеведческого музея был ссыльный поляк Томаш Зан. Дворянин, получил образование в Виленском университете, удостоен научной степени магистра наук. В 1824 г. выслан в Оренбург, где служил в канцелярии генерал-губернатора, а в свободное время изучал геологию и метеорологию. Вот что он пишет о своей жизни в те годы: «Занимаюсь поручениями и предметами весьма приятнейшими моему расположению, пользуюсь хорошим мнением и благорасположением всего высшего общества в Оренбурге, в коем судьба велела мне находить новую Родину» [122, с. 50].

В 1827–1837 гг. Томаш Зан совершил многочисленные исследовательские поездки по Уралу, углублялся и в казахские степи. Казахи называли его «искателем камней». Он собрал не только образцы минералов, но и ботанические и энтомо-

Томаш Зан

логические экспонаты. Его коллекции привлекли внимание властей, и ему поручили создание природоведческого музея в Оренбурге.

В апреле 1831 г. по инициативе Оренбургского военного губернатора Павла Петровича Сухтелена при Неплюевском военном училище был основан музей. Музей состоял из 5 кабинетов (отделов): минералогического, ботанического, зоологического, статистики и истории. Смотрителем музея был назначен Томаш Зан, сыгравший

большую роль в деле становления музея. В 1833 г. губернатор В. А. Перовский перевел музей в собственность края [1, с. 115].

О том, что представляет собой музей Томаша Зана, можно судить по ведомости, датированной 1837 годом. В ней представлен следующий суммарный перечень экспонатов:

- ископаемых: 1) горно-каменных пород – 1500; 2) руд и ископаемых – 150, 3) окаменелостей – 63; 4) минералов – 610;
- ботанических: 5) 13 травников, содержащих растений до 1800; 6) семян растений – 45; 7) дерев в кустах – 35;
- зоологических: 8) насекомых – до 2000; 9) пресмыкающихся – 2; 10) раковин – 125; 11) рыб – 2; 12) чучел птичьих – 44; 13) яиц – 100; 14) чучел зверей – 6;
- статистических (этнографических): 15) костюмов – 13; 16) предметов вооружения – 2; 17) предметов для верховой езды – 2; 18) самоловов – 3; 19) агрономических моделей – 2;

20) чугунных изделий – 24; 21) метеорологические наблюдения с 1829 по 1837 гг.;

- исторических: 22) археологических памятников – 12; 23) монет и медалей – 660; 24) отпечатков – 92; 25) атлас турецких карт – 1; 26) автографов – 14; 27) рукописей – 5; 28) книг – 60; 29) гравюр – 6; 30) портретов – 9 [122, с. 51].

Рассказы Томаша Зана о Казахстане были опубликованы в 1863 г. в Кракове под заглавием «Жизнь и корреспонденция Томаша Зана».

Друг Томаша Зана Адам Сузин имел степень кандидата философских наук, служил бухгалтером Оренбургской пограничной комиссии. В 1834 г. Сузин совершил поездку в степи Казахстана, во время которой переправился через реку Илек и добрался до реки Ульбы. Он какое-то время жил среди казахов, изучал их обычаи. Свои представления о них зафиксировал в труде «Экспедиция в киргизские степи, совершенная в 1834 году Адамом Сузиным» [189, с. 109]. Для этнографов представляет особый интерес та часть рассказа, в которой Сузин описывает встречу с султаном Махмудом, когда он побывал в султанской юрте: «...тем временем уже четыре часа теленгут (султанский служащий) переливает деревянной ложкой белый нектар в огромной кожаной миске, чтобы предать ему таким способом лучший вкус и сделать его более достойным уст его султанской милости. Кумыс напиток питательный, обладающий, кроме того, удивительной силой, и как я убедился, чудесным образом помогает переварить жирную баранину. По знаку хозяина было налито два стакана и подано на подносе. Я не хотел брать первым, и султан, кажется, был доволен таким почтением. Это было только вступление к великому пиршеству. Затем султан встречал своих гостей. Главный гость уселся по правую руку от султана. Меня посадили по левую руку, а потом киргизы полукругом расселись по обе-

**Тайное общество
«филоматов».
Т. Зан, И. Домейко,
А. Мицкевич,
А. Э. Одынец,
Я. Чечот (1889)**

им сторонам. Всего было около сорока человек. У киргизов такой обычай, что никому нельзя запретить войти в кибитку. И так званые и незваные входили толпами, здоровались с султаном, почтительно приближаясь к нему и пожимая ему руку, рассаживались по местам в соответствии со своим званием. И опять начали раздавать в больших мисках кумыс...». Адам Сузин описывает колорит жизни аула, в котором он гостил, сетуя лишь на то, что с трудом разбирал казахскую речь и часто обращался к помощи переводчика.

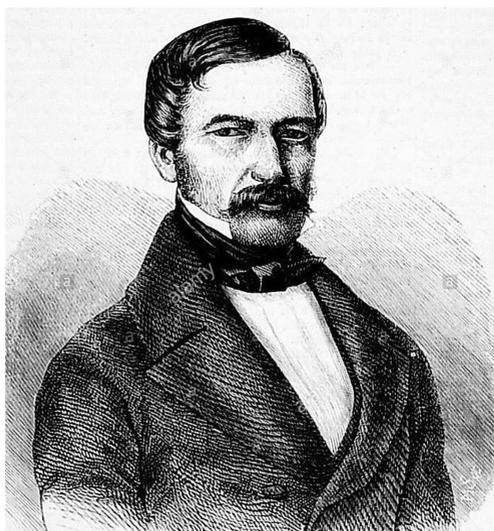
Вместе с «филоматами», к которым относились Адам Сузин и Томаш Зан, в Казахстан для отбывания ссылки были сосланы члены другой тайной польской организации «Черные братья», к которым относился и Ян Виткевич. Виткевич был арестован и сослан на Урал в 1824 г. и в дисциплинарном по-

рядке зачислен в один из Оренбургских линейных батальонов. Сын богатых родителей, принадлежавших к одной из старых дворянских фамилий Шавельского уезда, Ян Виткевич в период ссылки не достиг совершеннолетия. Талантливый и даровитый, знавший все европейские языки, в ссылке он изучил персидский, арабский и узбекский языки, читал на память почти весь Коран, обладал обширными знаниями в области этнографии и географии.

Губернатор Оренбурга генерал В. А. Перовский назначил Яна Виткевича своим адъютантом. По поручению губернатора Виткевич совершил много экспедиций вглубь нынешнего Казахстана. К заданиям Пограничной комиссии в Оренбурге, которые выполнял Виткевич, относились контакты с вождями различных племен, а также с купеческими караванами, проходившими по казахским степям. Виткевичу поручали решение споров и примирение различных казахских родов. Прозвище «Батыр» пристало к нему в 1832 г. Тогда о нем начали так говорить и писать поляки, находившиеся в Оренбурге. Томаш Зан в одном из своих писем в Польшу сообщает: «Батыр отправился в степи киргиз-кайсаков, чтобы изловить разбойника, промышлявшего кражами и разбоем. Под его командованием пятьсот казахов и султан Юсуб» [189, с. 37].

Виткевича часто вспоминал в своих казахстанских воспоминаниях Виктор Ивашкевич, другой польский ссыльный из организации «Черные братья». В 1824 г. он был рядовым Оренбургского батальона. В 1834 г. после получения офицерского звания был уволен со службы по болезни и назначен чиновником по особым поручениям Омского пограничного управления. В этой должности в 1846–1847 гг. участвовал в двух экспедициях в Северо-Западный Казахстан с целью проведения переписи населения.

Необычайное сплетение истории привело к тому, что имен-

Густав Зелиньски

но польские политические ссыльные начали изучать культуру, религию и традиции казахского народа. Первым в мировой литературе произведением на казахскую тематику стала поэма «Киргиз» польского поэта Густава Зелинского, сосланного в Степи в 1834 г. за связь с тайной патриотической организацией «Мечь народа».

Густав Зелиньски родился в 1809 г. на Приозерье, его родовое гнездо находилось в Скемке, возле Липно на территории Польши, аннексированной Россией. Однажды его навестили эмиссары, вербующие добровольцев в партизанские отряды, которые польские эмигранты из Парижа намеревались создать в Польше после разгрома восстания 1830 г. Этого было достаточно для того, чтобы царские власти сослали его в Сибирь. В 1834 г. Густав Зелиньски прибыл в Тобольск, откуда его отправили в Ишим [189, с. 16].

Во время семилетнего пребывания в Ишине Зелиньски много раз путешествовал вглубь Степи. Добрался до Акмолы, которая именно тогда была основана как царская крепость на караванном пути, ведущем из Хивы и Бухары в европейскую часть России. Царская империя заканчивала тогда многолетний процесс присоединения Казахстана к своим сибирским землям. Путешествуя, Густав Зелиньски делал поэтические заметки, содержащие бесценные этнографические наблюдения. Польский

Поэма «Киргиз»

путешественник пылливо интересовался жизнью, обычаями и легендами казахов. Сам ссыльный, он стал выразителем интересов высоко ценящего свою свободу казахского народа [189, с. 22].

Густаву Зелиньски было 25 лет, когда он оказался в ссылке, а свою поэму «Киргиз» он написал восемь лет спустя. Поэма издана в Вильно в 1842 г. Поэтический сюжет произведения – трагическая любовь двух молодых людей. На нее пала тень кровной мести. В письме, посланном из Ишима в 1841 г. одной из знакомых дам, Зелиньски

сам называет эту историю «коротким рассказом», потому что она была только поводом для показа очаровавшей его жизни казахов. Благодаря этому сохранилось сделанное почти полвека назад его описание кочевий, обозов, странствующих по степи, вечерних пиршеств в юртах, традиций и обычаев. Вот как описана в поэме смена стоянки одного из родов:

По данному знаку снялись аулы,
Собрана утварь – юрты свернуты
И уложены на двухколесные повозки...
Медленно трогаются тяжелые обозы,
Степь оживает, пестрит и населяется.
А над обозом – летучими перьями –

Перелетные тучи диких птиц
С криком воспаряют в сторону юга

(начало шестой части поэмы) [189, 23].

Густав Зелиньски своей поэмой ввел в польский язык много казахских слов, значение которых лично разъяснял в комментариях к своим поэмам. Прочитируем еще один отрывок поэмы с пояснительными замечаниями:

Вдоль равнин тянутся многочисленные стада.
Впереди идет множество овец,
Сильных, тучных и с темной шерстью,
У каждой курдюк полон жира.
Дальше – крупный бугай впереди,
Красно-бурый в черные полосы,
Медленно, пригнув свою голову к земле,
Ведет за собой мычащее стадо.
Дальше – с промежутками – тут дойные кобылы,
Там табун жеребят играет и скачет.
Там серьезные бородатые козы,
Вьючные верблюды, нагруженные возы –
Под зорким глазом, что за всем присматривает,
Ведь обоз движется в степи.
Киргизы – старые и молодые –
В остроконечных шапках – сверкающих ерхаках,
Женщины в чадрах и пестрых колпаках,
Девки и детвора, которая едва ходит,
Нарядно, богато – все на конях [189, с. 23–24].

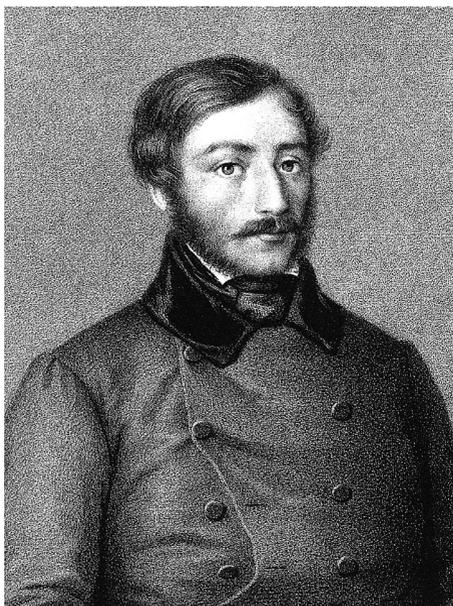
Зелиньски дает следующие пояснения: *ерхак* – «мужское платье из жеребьячьей кожи, волосом наверх вывернутой, с обшивками бархатными ярких расцветок. Сам ерхак бывает черного или коричневого цвета, покромом совершенно похож на халат». *Чадры* он сравнивал с заслонками, которые «у киргизок

белые, закрывающие голову, кроме лица, и половину фигуры) (казашки не закрывали лицо перед незнакомыми мужчинами, также и в том случае, если это были европейцы). *Курдюк* он представлял как «короткий хвост у киргизских овец, который так заполняется жиром, что в конце концов приобретает форму горба. Это особенно отличает киргизских овец от всех пород овец» [189, с. 24].

Свои письма в Польшу с рассказами о казахских путешествиях Зелиньски расцвечивал интересными подробностями: «Вид просторной степи таит в себе немало поэзии, так как внушает какие-то тоскливые, меланхолические чувства и невольно взор отрывается от земли к небу». Он подчеркивал, что жители этой степи, потомки некогда воинственных племен, стали народом «исключительно пастушеским, единственный промысел которого – разведение лошадей и скота <...> дикий гостеприимный киргиз почти рождается на коне. Он – часть степной природы, которая с детства приучает его к опасностям» [189, с. 25].

Поэма «Киргиз» хотя и имела экзотический характер, являлась как бы продолжением деятельности Зелиньски в Польше. Нетрудно заметить в ней сознательную аналогию между жизнью низшего слоя казахского и польского народов. Поэма дважды переводилась на русский язык (в 1857 и 1910-е гг.), четырежды на немецкий (1851, 1855, 1858, 1888 гг.), позже на чешский, французский, итальянский и английский. Это литературное произведение Густава Зелиньски о казахах, живущих в Ишимской степи, стало очень популярным во многих странах мира. Благодаря поэме мир узнал о «киргизах» – народе, населяющем бескрайние степи, вольном и гостеприимном.

Кроме поэмы «Киргиз» Зелиньски написал поэму «Степь», где описал красоту природы Казахстана. «Степь» была опубликована в 1856 г. в Познани. Она также переведена на мно-

Адо́льф Янушкевич

жество языков [189, с. 21].

Вместе с Густавом Зелиньски в Ишиме отбывал ссылку Адольф Янушкевич. Он был осужден за участие в ноябрьском восстании 1831–1832 гг. Приговором суда от 4 марта 1832 г. приговорен к смертной казни через повешение, потом приговор был заменен вечной ссылкой в Сибирь с потерей дворянства и с конфискацией имущества. Янушкевича сослали в Тобольск, где он был заключен в острог, затем сослан в деревню Желяково под Ишимом.

В 1835 г. Янушкевич переехал в Ишим, выписал туда из родных мест свою библиотеку, родные пересылали ему периодику, и дом Адольфа Янушкевича стал местом встречи и библиотекой для ссылке. В Ишиме он познакомился с А. И. Одоевским и Г. Зелиньски, который использовал записи и письма А. Янушкевича при работе над поэмой «Киргиз». Одоевский некоторое время жил в одном доме с Янушкевичем, посвятил ему два стихотворения: «Ты знаешь их, кого я так любил» и «А. М. Янушкевичу, разделившему со мной ветку кипарисовую с могилы Лауры».

В 1841 г. Янушкевич был переведен в Омск. По случаю бракосочетания цесаревича ему разрешили поступить на государственную службу, где он начал работать в канцелярии Пограничного управления сибирскими киргизами. После

принятия Великой ордой подданства России Янушкевич проводил на территории Семиречья перепись населения. В 1845 г. добрался до гор Тарбогатая на границе с Китаем. Он был первым поляком, описавшим подножье горной цепи Алатау. Перед этим изучил Ишимскую степь, живописно описал ее в письмах матери в начале июня 1843 г.

Янушкевич хорошо знал казахский язык и легко налаживал с жителями степей приятельские отношения. Бывая в гостях у казахов, он имел возможность изучать их обычаи, традиции, культуру. В течение восемнадцати лет он собирал казахские песни, легенды и поверья и опубликовал их в своих «Дневниках и письмах из путешествий по киргизским степям» в 1861 г. в Париже. Особый интерес вызывает тот факт, что Янушкевич в своих дневниках оставил много сведений о прославленном тогда среди всех племен народном творце Кунанбае, отце великого казахского поэта Абая. Слегка идеализируя Кунанбая, Янушкевич называет его «судьей неподкупной честности и примерным мусульманином», стяжавшим себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешили за советом молодые и старые, бедные и богатые. Более того, заявляет, что «все баи недостойны развязать ремешок на обуви Кунанбая». Из описания Янушкевича видно, что Кунанбай имел недюжинный ум и большие организаторские способности. Друг Янушкевича – Абай рос в семье, глава которой служил верой и правдой царскому правительству.

Янушкевич не просто описывал жизнь казахского народа, он их изучал. Часто цитируя казахскую поэзию, описывал словесные поединки знаменитых акынов Орынбая и Джананбая (народных певцов-импровизаторов), рассказал о легендарном султанине Бараке, одном из вождей Средней орды [143, с. 115].

А. М. Янушкевич был не просто наблюдателем, описывающим многотрудную, тяжелую, нищенскую жизнь большин-

ства казахского народа, он задумывался над тем, как облегчить их жизнь. Основываясь на принципах просветительства, он считал, что нужно, во-первых, организовать обучение людей грамоте и посадить в административных органах чиновников, которые бы добросовестно выполняли работу; во-вторых, шарлатанство (лечение, которое применяли муллы, ходжи) заменить медицинской помощью; в-третьих, поскольку главным богатством казахов является скот, необходимо улучшить породу лошадей и овец; в-четвертых, целесообразно создать при волостном управлении советы для улучшения управления населением.

В предложениях Янушкевича было много рационального, но в целом исполнение высказанных предложений в тот период было нереальным. Царские власти не могли допустить и не допускали демократизации управления казахского народа.

В 1856 г. Янушкевич был помилован и вернулся на родину. На следующий год он умер, так как был тяжело болен туберкулезом [143, с. 221].

Еще одним из поляков, оказавших немаловажные услуги казахскому народу, был Карл Гутковский. Он родился в 1815 г. в Подольской губернии. Сын отставного поручика польской армии, окончил кадетский корпус и военную академию генерального штаба. Вся практическая деятельность Гутковского была связана с Казахстаном. В 1838 г. он приехал в Омск и занял должность старшего адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири, позже стал военным губернатором Семипалатинской области. В течение 12 лет (1851–1868 гг.) Гутковский был председателем областного правления сибирских казахов. Административную деятельность он совмещал с преподаванием географии и геодезии в Сибирском кадетском корпусе. Гутковский был высокообразованным и демократически настроенным человеком, к угнетенному казахскому

народу он относился с большим сочувствием. Одна из его заслуг заключалась в том, что он был учителем, искренним заступником и верным другом великого казахского ученого Чокана Валиханова.

Всей своей служебной деятельностью Гутковский стремился облегчить положение казахских трудящихся. Он неоднократно обращал внимание высших должностных лиц на «безобразные принципы», на основе которых управляют степью. В 1865 г. Гутковского как знатока казахского быта ввели в состав назначенной правительством Степной комиссии по изучению хозяйства и административного устройства казахов. Ее цель заключалась в подготовке материалов для нового положения по управлению краем. С членами комиссии Гутковский объехал почти всю казахскую степь. Он выступал против введения в казахской степи управления, действующего в Центральной России, полагая, что оно будет лишь отравлять жизнь народа и ронять престиж правительства. Взгляды Гутковского на систему управления казахами близки и созвучны политическим идеям великого казахского ученого Ч. Валиханова. Эта идейная близость объясняется еще и тем, что они были хорошими друзьями.

Гутковский проявлял особую заботу о воспитании Валиханова, содействовал его успехам в науке и в продвижении по службе. Валиханов часто посещал дом Гутковского, состоявшего в родстве с семейством сибирского чиновника Я. Ф. Капустина. Дом Капустина посещало много людей, любивших литературу и искусство. В своих воспоминаниях Ч. Валиханов так отзывался о доме Гутковского: «Это был маленький клуб избранной омской интеллигенции, светилом которой был Карл Казимирович Гутковский, поклонник Кювье по философским вкусам, энциклопедист. Здесь собиралась лучшая омская молодежь. Ни один проезжий не оставлял Омска, не

побывав в этом доме». Валиханов часто пользовался библиотекой Гутковского, что имело исключительное значение для формирования его политических взглядов. Гутковский, видя, что Валиханов одаренный и умный юноша, рекомендовал редакции газеты «Русский инвалид» его статью «О Баян-Аульском округе» (1857 г.).

После того как Гутковский получил место губернатора и управляющего областью сибирских киргизов, отношения между ним и Валихановым становятся еще более близкими. Сближаются и их взгляды на политическую организацию казахского общества. Именно Гутковский поручил Валиханову составление записок по вопросам об управлении киргизами и помогал Валиханову в обработке материалов по кашгарскому путешествию. Конечно же, в процессе изучения политического строя казахов и размышлений об их будущем Гутковский и Валиханов делились своими взглядами и идеями [143, с. 158]. После отставки Гутковского Валиханов продолжал поддерживать с ним дружеские отношения. Подводя итог деятельности К. Гутковского, необходимо отметить его большую роль в воспитании для науки Казахстана выдающегося ученого Ч. Ч. Валиханова.

Вторым учителем Ч. Валиханова был еще один поляк – Хилари Гонсевски, принадлежавший к числу наиболее самоотверженных учителей-передвижников. Будучи студентом, он принял участие в польском освободительном движении, за что был выслан из Вильно во внутренние губернии России. Затем он окончил Казанский университет, в Сибирском кадетском корпусе преподавал историю. Он был очень эрудированным педагогом, большим знатоком истории Франции, особенно эпохи Великой французской революции. Гонсевски и в жизни старался подражать деятелям этой революции, в частности Жан Полю Марату.

Гонсевски не ограничивался только изложением учебной программы. Нарушая все запреты, он освещал европейские события, происходившие в самые последние годы, рассказывал о революции 1848 г., о жизни и деятельности венгерского революционера Шандора Петефи, итальянского революционера Джузеппе Гарибальди. Всё это произвело огромное впечатление на Ч. Валиханова. Благодаря Гонсевски Валиханов в юном возрасте познал передовые политические взгляды, что оказало большое влияние на нравственное воспитание будущего ученого [187, с. 82].

Малочисленность местной интеллигенции, нехватка грамотных людей среди населения и достаточно высокий образовательный уровень ссыльных вызывали их привлечение в качестве педагогов, писцов, врачей и т. д. Примером этому может служить пребывание в Усть-Каменогорске Викентия Арцишевского, имевшего частные письменные занятия с 1870 г. и служившего писцом после окончания полицейского надзора. С 1875 г. работал бухгалтером в городской управе [89, с. 109].

Несмотря на стремление правительства к изоляции политических ссыльных от населения посредством запретов и ограничений, многие из них занимались учительской деятельностью, способствуя, тем самым, расширению кругозора, повышению культурного уровня народа. Поляки занимали почетное место среди педагогов, работавших в XIX в. на территории Казахстана. Некоторые из них занимались педагогическим трудом открыто, в соответствии со своими служебными обязанностями, другим же как «политическим преступникам» обучением детей заниматься было запрещено, и они делали это тайно. Так, Зигмунд Сикорский, будучи заточенным в Новопетровское укрепление, взялся за воспитание сына одного из служивших там офицеров, в Оренбурге он обучал дочерей

своего ротного командира.

В 1867 г. сосланный в Оренбургскую губернию польский политический ссыльный Ян Ястржемский, находясь под надзором полиции, обучал детей местных чиновников, купцов, мещан. Он преподавал русскую грамматику, арифметику, географию и латинский язык. Некоторые из ссыльных имели частные школы в Усть-Каменогорске. Среди них можно назвать Леона Берберецкого, Николая Боровского, Бронислава Вецкого и других [89, с. 119]. Особенно необходимо отметить Солеймана Сокольского, который без всякого разрешения открыл в своей квартире школу, где обучались 30 мальчиков и 2 девочки. Он сам преподавал чтение, письмо, арифметику и закон Божий. За обучение мальчиков оплата была от 50 копеек до 1 рубля в месяц с ученика. Школа просуществовала 5 лет [89, с. 201].

Особый след в культурно-просветительной деятельности в Казахстане принадлежит польскому политическому ссыльному художнику Брониславу Залескому. В 1865 г. культурной сенсацией Парижа стал альбом «Жизнь киргизских степей» Б. Залеского, очередного поляка, очарованного Казахстаном. Альбом был украшен рисунками автора.

Залеский принадлежал к новой волне польских патриотов, в дисциплинарном порядке отправленных царскими

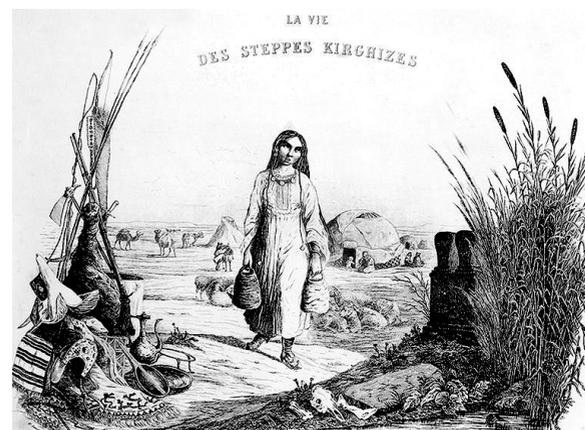

Бронислав Залеский 1850 г.

властями на военную службу в Оренбург. Его виной было участие в заговоре Шимона Конарского, бывшего офицера, лидера ноябрьского восстания (1830 г.), деятеля организации «Молодая Польша» и одного из организаторов «Общества польского народа».

В Оренбургский корпус Бронислав Залеский попал в 1848 г. Он служил здесь больше десяти лет и принял участие в нескольких экспедициях по исследованию новых территорий. В 1848 г. в Оренбурге он познакомился с Тарасом Шевченко. Первую совместную экспедицию они совершили осенью 1849 г. на Аральское море, вместе с группой геологов, изучавших полезные ископаемые Арала. Шевченко в экспедиции являлся главным рисовальщиком, Залеский был назначен его помощником. Затем они оба выполняли функции документалистов и рисовальщиков экспедиции, которая в 1851 г. исследовала залежи каменного угля на Мангышлаке. После этой экспедиции Залеского повысили в чине до унтер-офицера.

Летом 1853 г. Тарас Шевченко и Бронислав Залеский побывали в горах Каратау, где работали над зарисовками ущелья Ханга-Баба.

Книга Г. Залеский «Жизнь киргизских степей»

Обоих заинтересовало святое дерево – единственное на почти тысячекилометровой дороге между Орском и побережьем Аральского моря. Залеский создал целую серию рисунков священного дерева казахов, а Шевченко дал его

подробное описание. «Верстах в двух, в ложбине, зеленело тополиное старое дерево. Вокруг дерева и на ветках кусочки разноцветной материи, крашенные лошадиные волосы и самая богатая жертва – это шкура дикой кошки, крепко привязанная к веткам». Позже к рисункам Залесского Тарас Шевченко написал стихи «У бога за дверью лежала секира».

Дерево стоит большое, позабытое богом,
И топором не тронутое, и божьим пожаром,
И шепчется с долиною о времени старом.
И кайсаки почитают дерево святое,
Любоваться приезжают зеленою листвою
И молятся над деревом, его умоляя,
Чтоб корни пустило в их убогом краю.

В феврале 1855 г. по распоряжению генерал-губернатора В. А. Перовского в Оренбурге была открыта первая публичная библиотека, смотрителем которой был назначен Бронислав Залесский, он же следил за состоянием книжного фонда [180, с. 29].

Польские политические ссыльные серьезно занимались изучением этнографии казахского народа, среди них был и Ян Виторт, сосланный за участие в социалистическом кружке в Томск, а затем в Семипалатинск. По оценке современных польских этнографов, он был первым поляком, сделавшим этнографическое описание Казахстана с использованием теоретических критериев, принятых в то время. Виторт занимался изучением брачного обряда казахов и впервые описал особенности казахской свадьбы, на которой сам присутствовал летом 1884 г. Этнографические заметки Яна Виторта впервые были изданы в научной публикации «Из степей Средней Азии» в 1899 г. в Братиславе [189, с. 60].

Виторта особенно интересовало обычное право киргизов, происходящее от правления хана Тауке, жившего на рубеже XVII–XVIII вв. В своих этнографических заметках Виторт пишет: «...возраст заключения браков у киргизов-кочевников для мужчин – 15 лет, для женщин – 16 лет». И тут же дает пояснение, что требование к большей физической зрелости для женщины объясняется условиями жизни кочевников, где вся тяжесть домашних и хозяйственных работ ложится исключительно на женщину. Ранние браки у кочевников встречаются довольно часто, что объясняется желанием получить калым. Во времена, описанные Витортом, наибольший калым достигал 32 лошади и 100 верблюдов у богатых и 9 верблюдов и 2 лошади у бедных. Бедные недостающую часть калыма должны были отработать у тестя или присоединить лошадей, которые у него остались, к его стаду [189, с. 61].

Изучая свадебный обряд, Ян Виторт обращает внимание на то, что обязательным условием киргизской свадьбы является сватовство, которое иногда длится почти 10 лет и связано с массой оригинальных обычаев. «Отец мальчика должен сделать отцу девочки подарок – *карбаган*. Сватовство совершают сваты – *куделяры*. Количество сватов зависит от достатка жениха, иногда достигает 20 человек». Представленное Витортом описание сватовства – настоящего пиршества – находка для этнографов. Особенно если учесть, что следом автор дает живописную картину подлинных многодневных пиров и забав. «Угощение состоит из вареной баранины, конины, кумыса, чая и т. д. Игрища же – из конных состязаний – *байги*, схватки силачей, пения мужчин и женщин. Во время этого торжества, которое называется *той куда тенсер*, предметом всеобщих шуток и издевательств становились сваты. Решающий момент – это последний пир, на котором подается символическое блюдо *баур кайрюк*. Оно приготавливается из пе-

чени и жира белого барана, зарезанного в начале торжества, а также *курту* (сорт сыра). Этим блюдом сваты угощают хозяев и их родственников, подают его на ладонях, стараясь вымазать лицо того, кого угощают. В конце пиршества отец невесты раздает сватам подарки, которые называются *кыит*, их ценность у богатых очень значительна» [189, с. 62].

Ян Виторт обращает внимание на то, что «религиозная часть торжества, соотносящаяся с обычаями ислама, в некоторой степени ограничивает традиционные казахские обычаи. Например, запрет на проведение торжеств в месяц *сафар-айт*, который считается несчастливым. Религиозный акт бракосочетания был значительно короче, чем обрядный, освященный многовековой традицией. Молодые становятся в юрте родителей невесты, отгороженные друг от друга занавесями. С каждой из сторон были два свидетеля. Сначала быстро поднимали и опускали занавеску, за которой находился жених. Потом то же самое совершали с занавесью невесты. Мусульманский духовник читал молитву и спрашивал молодых, хотят ли они вступить в брак. Их ответы не были обязательными. Молчание рассматривалось как знак согласия» [189, с. 64].

Как описывает Виторт, после окончания бракосочетания отец молодой обращается к дочери со словами: «*Балам джеман болма атанга налет кельтерес*» – «Живи так, чтобы меня не проклинали». Зятю же говорит: «*Балам хорлама кызынд, Атагымде кельтересин*» – «Не оскорбляй жену, этим ты погубишь мою славу» [189, с. 64–65].

Благодаря Виторту, которому достаточно хорошо удалось описать местные обычаи и традиции, о киргизском народе узнала вся Европа.

Теме Казахстана посвящены мемуары Эдварда Островского «Путешествие в степи киргиз-кайсацкие», изданные в 1859 г. в Гродно. Мемуары Максимилиана Ятовта (Якуб Гордон)

«Дневники Якуба Гордона» опубликованы в 1861 г. в Париже.

Рассказы «Солдат или шесть лет в Оренбурге и Уральске» Адольфа Яблонского (псевдоним Юлиан Ясенко) изданы в 1865 г. в Лейпциге. В Оренбургский корпус он попал в дисциплинарном порядке в 1849 г. Фотографические материалы о Казахстане, а также мемуары «Десять лет в Московской неволе» также были изданы в Лейпциге в 1867 г.

Во второй половине XIX в. в политике Казахстана произошли серьезные изменения: в 1860 г. в подчинение Российской империи вошли последние территории Великой орды, зависевшие от Кокандского ханства. Таким образом, царская Россия поглотила весь Казахстан.

Эти события обратили внимание России и Европы на Казахстан и его жителей. Для изучения края начали снаряжаться экспедиции. Поляки внесли огромный вклад в изучение географии и геологии Казахстана. Наряду с Т. Заном и А. Сузиным геологией Казахстана были увлечены поляки-участники экспедиции Алексея Бутанова. Экспедиция была направлена царским правительством на присоединенные к России земли казахов в целях описания Аральского моря и его побережья. Тогда впервые были сделаны топографические снимки этого региона. Руководителем группы геологов, разведывавших залежи угля, был Томаш Вернер, польский ссыльный, отбывавший воинскую службу в Оренбурге. В августе 1848 г. в полукилометре от Аральского моря им были открыты залежи угля. Позже было установлено, что этот уголь низкого качества и не пригоден для сжигания под котлами пароходов.

В связи с этим в 1851 г. была организована вторая экспедиция на полуостров Мангышлак, которая состояла из 12 человек. Руководил ею Людовик Турно, горняк, геолог, сосланный в Оренбургскую крепость за попытку принятия участия в Краковском восстании (1846 г.). В состав экспедиции вхо-

дили работники Горного управления Польского королевства, отправленные рядовыми в штрафные роты на Оренбургскую линию за присоединение к Краковскому восстанию, среди них: Александр Храбчиньский, Роберт Копровский, Станислав Круликевич, Хипполит Плашевский, Северин Пшевлоцкий, Хипполит Завадски и Рудольф Жуковский. Круликевич и Завадски были первыми поляками, с которыми Т. Г. Шевченко познакомился в Орске в 1847 г., им же он посвятил свое стихотворение «Поляки»:

Ще як були ми козаками,
А унії не чуть було,
Отам-то весело жилось!
Братались з вольними ляхами,
Пишались вольними степями,
В садах кохалися, цвіли,
Неначе лілії, дівчата.
Пишалася синами мати,
Синами вольними росли,
Росли сини і веселили
Старії скорбнії літа...
Аж поки іменем Христа
Прийшли ксьондзи і запалили
Наш тихий рай. І розлили
Широке море сльоз і крові,
А сирот іменем Христовим
Замурдували, розп'яли... [189, с. 60].

Польские геологи исследовали полуостров Куланда, юго-западные отроги гор Каратау, где и был найден бурый уголь, обладающий высокой теплоотдачей, но условия его добычи были крайне сложными. За свою полезную деятельность в двух экспедициях Людовик Турно получил юнкерский чин.

Многие поляки занимались индивидуальными геологическими изысканиями. В своих исследованиях к малоизученной территории Казахстана прикоснулся естествоиспытатель, географ и гляциолог, один из известнейших польских путешественников Леон Борщевский. В 1876–1897 гг. в Казахстан его привели археологические и этнографические исследования.

Одним из выдающихся исследователей Казахстана и Средней Азии был польский географ, ученый по горному делу Кароль Багданович. В 1889 г. он изучал северный и южный Казахстан, участвовал в экспедиции в Кашгарию. Его интересовала Ишимская степь, где он исследовал залегающие подземные воды и возможность их использования в хозяйственных целях. Учеником Багдановича был Стефан Чарноцкий, который еще студентом начал геологические исследования в Акмолинской области, а потом занялся разведкой нефтяных пластов Эмбы. Вместе с ним там работали Арнольд Маковский и Станислав Докторович-Хребницкий. Рышард Закшевский вел астрономические наблюдения у озера Балхаш. После обретения Польшей независимости они вернулись на родину.

Следует обратить внимание на польского ссыльного Адама Бяловского. Значительную часть своей жизни он провел в ссылке. Освободившись в 1881 г. от административной ссылки в Астраханской губернии, он продолжал революционную деятельность, за что был выслан в Семипалатинскую область на три года. В 1882 г. в Усть-Каменогорске вместе с Е. П. Михаэлисом он начинает работать над составлением географической карты окрестностей этого города. Кроме того, Михаэлис и Бяловский совершили путешествие по рудному Алтаю и после тщательного изучения пришли к выводу о прежнем состоянии обширного ледникового покрова на Алтае. На основе этих исследований Бяловский написал статью «Ледниковый период в горах Алтая» в английском журнале «Природа» за 1887 г. [189, с. 72].

**Друг Абая - Евгений
Петрович Михаэлис**

Во второй половине XIX в. гидростроительством в г. Верном занимался Ян Козелин-Поклевский. Он был организатором судоходства на реке Или.

Поляки казахской части царской империи работали в различных административных учреждениях. Многие политические ссыльные были дворянского происхождения и грамотными людьми. Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский стал «духовным отцом» для ссыльных и привлекал их на важные

должностные посты. В Оренбургской Пограничной комиссии служил магистр философии Ян Виткевич, он был переводчиком Пограничной комиссии и выполнял специальные дипломатические задания в Степи. В. Ивашкевич был назначен унтер-офицером Второго линейного батальона Оренбургского корпуса [144, с. 56].

Политический ссыльный Северин Гросс родился в 1858 г. в Ковенской губернии в богатой помещичьей семье. Окончил в 1877 г. Петербургский университет со степенью кандидата права. Был активным участником Виленского социалистического кружка, действовавшего с 1874 г. По приказу царя от 13 (25) января 1882 г. он и другие члены кружка были сосланы в Сибирь на 5 лет. Местом ссылки был определен поселок Ульбинский, недалеко от Усть-Каменогорска. В 1881 г. Гросс

женился на Анне Скалацкой, высланной из Киева в Семипалатинск за «преступную пропаганду». При переводе Гросса и его жены в Семипалатинск вслед за ними была послана характеристика: «Состоявшие под надзором полиции в г. Ишиме политические ссыльные Северин Гросс и его жена Анна во время проживания в местах водворения хотя в особых преступных поступках замечены не были, но оба в политическом отношении неблагонадежны» [89, с. 190]. Вместе с другими политическими ссыльными (А. А. Леонтьевым, П. Д. Лобановским) Северин Гросс участвовал в работе Семипалатинского статистического комитета, занимавшегося географическими и историческими исследованиями края.

В Семипалатинске Гросс попадает в канцелярию Семипалатинского уездного судьи, поляка П. Маковского. Проанализировав влияние российского права на стародавние нормы, регулирующие жизнь казахов, он опубликовал труд «Материалы к изучению киргизского обычного права» (1888 г.), в котором исследуется казахское семейное, имущественное и уголовное право. Гросс ездил по казахским аулам, собирал информацию, посещал Абая Кунанбаева, который разъяснил ему множество деталей, связанных со степными традициями. Гросс высказал верное предположение, что казахское гражданское право через какое-то время подвергнется изменениям. Польский ссыльный опроверг мнение, которое можно было встретить во многих публикациях, что казахи не имели никаких зачатков общественной организации [189, с. 84].

В свободное время Гросс много сил отдавал созданию общественной библиотеки, краеведческого музея. Оба эти учреждения сыграли большую роль в культурном и политическом развитии местного населения. Библиотекой уже в то время пользовались казахи, в частности, великий казахский просветитель Абай Кунанбаев.

Среди польских ссыльных были врачи, которые лечили казахское население, в особенности бедноту. В качестве примера следует назвать Александра Пшистанского, который был городским лекарем в Троицке, на границе Казахстана, одновременно в частном порядке принимал наибодежнейших пациентов. В Семиречье в конце XIX в. ту же миссию выполнял Адам Пшегоцкий. Будучи уездным лекарем в Токмоке, он обслуживал жителей огромного региона. Бескорыстно помогали местным жителям врачи-поляки Ивашкевич, Соколовский, Ежиковский. В Тургайской степи хорошо знали врача-поляка Рогаль-Левицкого. Он лечил людей в период эпидемии, во время одной из поездок в дальние аулы при лечении заразной болезни он сам заболел и скончался на руках хозяина-казаха.

Среди поляков-участников восстания 1863–1864 гг., отбывавших ссылку в Сибири, был Цезарь Иосифович Тэраевич, выпускник медицинского факультета Московского университета. За участие в восстании он был сослан в Тобольск, где прожил два с половиной года. В 1872 г. в ответ на петиции многих граждан власти разрешили Тэраевичу вести медицинскую практику. В 1883 г. ему было предоставлено право свободного проживания в городах России, и он переехал в г. Усть-Каменогорск, где прожил до конца жизни. Попеременно он работал городским и уездным врачом, а в 1900 г. занимал должность врача 1-го участка Усть-Каменогорского уезда. Когда в 1892 г. в Усть-Каменогорске началась эпидемия холеры, шестидесятилетний Тэраевич принял активное участие в борьбе с ней, при этом он сам заболел брюшным тифом и умер 5 мая 1907 г. [89, с. 83].

Во всем Семиречье вплоть до последних лет XIX в. не было аптек. Первую аптеку в 1882 г. основал в г. Верном польский провизор Юзеф Сенчиковский. Позже он открыл вторую в Джоркенте (1884 г.) и третью в Пржевальске (1889 г.). В его

доме в Верном размещалась фармацевтическая лаборатория, которая впоследствии стала первой в Казахстане фармацевтической фабрикой [189, с. 93].

Многие ссыльные занимались ремёслами. В Усть-Каменогорске кузнечной работой занимался Адольф Геберт, портняжным ремеслом – Вениамин Станкус, пчеловодством – Викентий Арцешевский и Николай Плотковский. Все они были сосланы сюда «за участие в мятеже» по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа [192, с. 105].

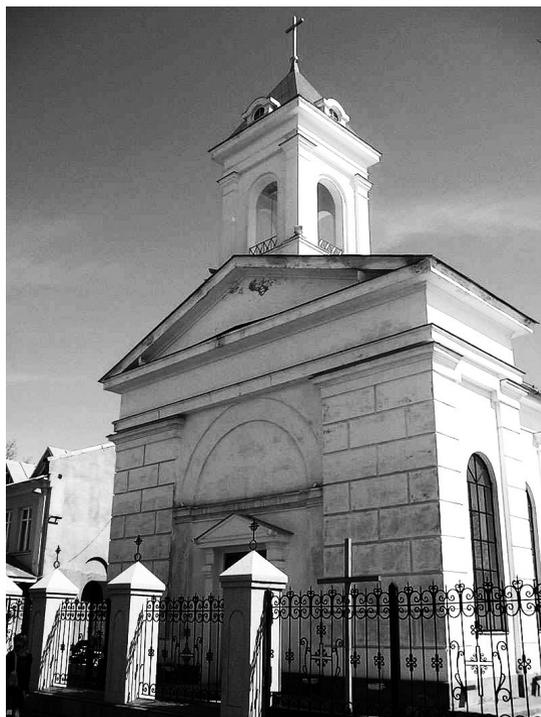
Среди политических ссыльных были и представители католической церкви, которые сыграли важную роль в культурной жизни края. В частности, Михаил Зеленко (в монашестве Кандид), сосланный в Оренбургскую губернию в 1833 г. за поддержку гимназистов-участников восстания 1831 г., внес большой вклад в создание в Оренбурге в 1839 г. первой походной католической церкви для проведения в ней общественного служения. Для этой цели у чиновницы Матони был снят дом в аренду с оплатой 200 рублей в год. Оплата аренды возлагалась на прихожан. Священником был определен тридцатилетний ксендз Зеленко. По инициативе военного губернатора В. А. Обручева было назначено строительство католического костёла. Впоследствии, объясняя свое решение, он писал управляющему Виленской епархией И. Цывинскому: «По вступлении мной в управление вверенным мне краем я нашел здесь значительное количество лиц римско-католического исповедания как военного, так и гражданского ведомства. Сознывая поэтому всю необходимость в установлении церкви...» [128, с. 13].

16 ноября 1847 г. состоялось освящение костёла. «Вид храма по архитектуре не лишен изящества и достаточного благолепия», – так описали его современники. С именем ксендза Зе-

ленко связана не только его шестнадцатилетняя служба в костёле, но и устройство в г. Оренбурге зоологического музея, частного заведения для обучения бедных девочек шитью и рукоделию. Долгое время он безвозмездно заведовал училищем земледелия и лесоводства. 25 ноября 1850 г. генерал В. А. Обручев представил М. Зеленко к награждению орденом святой Анны III степени [128, с. 22].

Казахстан изучали не только политические ссыльные, но и поляки, прибывшие в малоизученные степи Казахстана с научной целью. Среди людей науки, которые в конце XIX в. приумножили знания о Казахстане, был астроном и геодезист Петр Залеский, поддерживавший связь с ташкентской астрологической обсерваторией. Его исследования, за которые в 1894 г. он получил золотую медаль от Российского географического общества, охватывали почти всю территорию тогдашнего Туркестана, в т. ч. Юго-Восточный Казахстан. Один из своих отчетов он назвал «Краткий отчет о хронологической экспедиции» [192, с. 12].

На основании изложенного следует отметить, что:

Храм Лоретанской Божией Матери в Оренбурге

1) польские политические ссыльные оказали большое влияние на научное, общественное и культурное развитие Казахстана XIX в. В силу своего высокого уровня образованности внесли существенный вклад в географическое, геологическое, метеорологическое и этнографическое исследование края;

2) выполняя функции просветителей, учителей, врачей, государственных служащих, они вносили культуру и знания во все сферы жизни местного населения, оказывая, тем самым, положительное влияние на формирование передовой национальной интеллигенции;

3) можно с уверенностью сказать, что об обычаях и традициях казахского народа мир узнал благодаря творчеству польских политических ссыльных Густава Зилиньски, Адольфа Янушкевича, Бронислава Залеского и др.

Поляки среди этносов Казахстана во времена царской России и в первые десятилетия советской власти (кон. XIX – 20-е гг. XX вв.)

Формирование полиэтничного состава населения республики напрямую связано с колониальной политикой Российской империи по отношению к Казахстану. В 60-е гг. XIX в., завершив присоединение всех казахских земель, царское правительство вплотную приступило к их легализации. В колониальной политике царского правительства можно выделить несколько направлений, среди которых важнейшей составляющей являлось расчленение территорий на целый ряд административных единиц, не относящихся к одному центру управления, а также массовая колонизация земель переселенцами из приграничных и центральных губерний Российской империи.

В соответствии с унификацией системы административного управления территория Казахстана в 1867–1868 гг. была расчленена на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское, Западно-Сибирское. В 1881 г. Оренбургское генерал-губернаторство было упразднено, а в 1882 г. вместо Западно-Сибирского было создано Степное генерал-губернаторство.

К концу XIX в. территория Казахстана делилась на шесть областей: Сырдарьинскую и Семипалатинскую в составе Туркестанского генерал-губернаторства (центр Ташкент), Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Туркестанскую в составе Степного генерал-губернаторства (центр Омск). Территория Букеевской (Внутренней) орды входила в состав Астраханской губернии, а Мангышлакский уезд – в Закаспийскую область [123, с. 28]. Данное административно-территориальное деление будет являться объектом нашего исследования при изучении миграционных процессов в изучаемый исторический период.

Во второй половине XIX в. появление поляков среди этносов Казахстана связано как с добровольной миграцией, так и с принудительной ссылкой поляков на малообжитые земли Казахстана. Ссылка как мера наказания использовалась Россией по отношению к борцам за независимость в Королевстве Польском, которое находилось под влиянием России после третьего раздела Речи Посполитой (1795–1918 гг.). Значительную группу принудительно ссыльных составляли повстанцы (1830, 1860 гг.) и революционеры (1905–1907 гг.), в ссылку отправляли за долги, бродяжничество и другие провинности [96, с. 190].

По мнению исследователя Н. В. Алексеенко, в формировании русского и другого некоренного населения Казахстана основную роль сыграло казачество. Создание опорных

пунктов в виде форпостов, редутов, крепостей послужило началом длительного процесса формирования постоянного населения, а также сосредоточения в этих местах земледельческих поселений [73, с. 52]. На территории Казахстана располагалось три казачьих войска: Уральское, Сибирское и Семиреченское. В штрафных батальонах казачества отбывали наказание польские политические ссыльные – участники восстаний в Польше в разное время. К казачьему сословию причислялись и польские крестьяне-переселенцы, пожелавшие стать казаками. В составе батальонов казачества поляки расселялись по территориям западного, северного, восточного Казахстана и Семиречья.

Получив амнистию в 1814 и 1855 гг., не все ссыльные поляки пожелали вернуться на родину. Многие женились на казачках, и выезд им был запрещен. Оставшись в местах отбывания наказания на постоянное жительство, они составили основу польского населения в Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях. Определить численное количество поляков, находившихся на службе в казачествах, а также не пожелавших реэмигрировать на родину, сложно, так как этот вопрос не являлся объектом специального изучения. В отчетных документах по казачествам национальная принадлежность не указывалась, а поляки из-за малочисленности причислялись к русским или украинцам. Подтверждением может служить высказывание Н. А. Бородина, который, изучая состав Уральского казачества, констатировал наличие только трех национальностей: русские, татары, калмыки. Те немногочисленные казаки, которые считали себя немцами или поляками, объединялись с русскими и причислялись к христианам [82, с. 190].

По итогам Первой Всеобщей Всероссийской переписи населения за 1897 г. в национальном составе казачеств, рас-

полагавшихся на территории Казахстана, указывалось уже пять национальностей: русские, украинцы, белорусы, татары, монголо-буряты. В период проведения переписи казачество учитывалось как самостоятельное сословие – «вольное казачество». По условиям переписи учет национального состава «вольного казачества» проводился по родному языку. Хорошо владевшие русским языком поляки в учетных анкетах указывали его как родной, а значит, по итогам переписи учитывались в составе русских. Поляки, указавшие родным языком польский, были малочисленны и учитывались среди прочих немногочисленных национальностей. Сложно определить поляков в составе казачества и по религиозному составу. Согласно отчетам переписи, казачество исповедовало, в основном, православную веру, были также староверы-разночинцы. При проведении переписи поляки-католики были причислены к одной из этих религий.

Отдельные упоминания о поляках сохранились в «Памятной книге» по Уральскому казачеству за 1900 г. В ней поляки упомянуты на службе в качестве учителей, аптекарей и врачей. Например, Е. Остаевич-Родницкий работал учителем математики в Уральском военном училище; участковыми ветеринарными врачами в казачьих пределах были А. Гороховский (г. Лбищенск), А. Витковский (г. Уральск); врачебную службу на Уральской железной дороге возглавлял Казимир Лучинский [82, с. 198].

Во второй половине XIX в. в Казахстан прибывают трудовые мигранты. Бедная польская и особенно галицкая деревня не могла обеспечить всех работой, и в поисках ее поляки переселялись на Урал, в Сибирь и Казахстан.

Развивающаяся в конце XIX в. промышленность Казахстана (соледобывающая, горная, нефтяная, угольная) привлекала поток трудовых мигрантов из европейских государств.

Польские трудовые мигранты работали на фабриках по добыче поваренной соли в Акмолинской и Семипалатинской областях, в Павлодарском уезде, а также на строительстве Сибирской железной дороги. В конце XIX в. в Казахстан и на Урал начинают прибывать добровольные переселенцы из числа выпускников технических училищ и университетов. Они не могли найти работу в Польше, чтобы рассчитаться за правительственные стипендии, а работа на Урало-Эмбинском нефтяном месторождении привлекала их возможностью быстрого заработка [96, с. 204].

Крестьянская колонизация земель Казахстана также начинается в конце XIX в. Отмена крепостного права в России не касалась крестьян Королевства Польского. Обнародованный в июне 1862 г. Декрет об обложении польских крестьян оброком вызвал массовый протест. Крестьяне требовали землю и отказывались платить оброк и отрабатывать барщину. Не получив желаемого, они переселялись на новые земли в Сибирь и Казахстан [96, с. 190].

В 90-е гг. XIX в. на выявленный переселенческий фонд земель Казахстана начали прибывать крестьяне-переселенцы. В переселенческом потоке явно преобладали русские и украинцы, немногочисленные польские крестьяне Келецкой, Люблинской губерний переселялись на территории Северного Казахстана. При «недостатке» земель в северном регионе переселенческий поток направлялся на юг Казахстана. Постепенно крестьянская колонизация охватила все области Казахстана. В результате переселенческой политики царизма плодородные земли Казахстана были переданы крестьянам-переселенцам, это ухудшило положение казахов и изменило демографическое лицо Казахстана.

В конце XIX – начале XX в. масштабы переселения были настолько велики, что царское правительство вынуждено было

его ограничить. Определить количество поляков среди этносов Казахстана на конец XIX в., их расселение по областям можно по итогам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи за 1897 г. Перепись интересна возможностью проследить численный и национальный состав населения России и национальных окраин. Однако необходимо учитывать, что при проведении переписи сбор информации производился не по национальности, а по «родному языку». Учет населения по языковому признаку приводит к ошибкам. В зависимости от среды и условий проживания поляки указывали как родной язык русский или украинский. Тем не менее это основной документ, по которому можно проанализировать расселение поляков по областям и уездам Казахстана в конце XIX в.

Согласно данным Первой Всеобщей переписи на территории Средней Азии и Казахстана проживало 11 597 поляков [134; 135]. Из общей численности населения Казахстана в 4 147,7 тыс. человек поляки составляли 1,2 тыс. – 0,02% [133] (см. *прил. А, табл. 1*).

Среди поляков – добровольных и вынужденных переселенцев насчитывалось: крестьян – 60,3%, мещан – 18,7% и 15,7% – остальные социальные группы [109, с. 241].

Перепись зафиксировала самый низкий удельный вес поляков среди прочих этносов Казахстана: русские – 454,4 тыс. человек (10,9%), украинцы – 79,5 тыс. (1,9%), узбеки – 73,5 тыс. (1,7%), татары – 55,9 тыс. (1,5%), уйгуры – 55,8 тыс. (1,4%), поляки – 1,2 тыс. (0,02%) [149, с. 200]. По данным переписи 1897 г., поляки расселялись по всем областям Казахстана. В численном их количестве по областям наблюдался резкий контраст, объясняемый политическими и социальными причинами. Самое большое количество поляков, согласно переписи, было учтено в Сырдарьинской области – 312 человека (25%), наименьшее в Букеевской орде – 6 человек (0,5%) [103;

133, с. 207] (см. *прил. А, табл. 2*). Поляки Сырдарьинской области селились, в основном, в городах – 285 человек (92%), в своем большинстве это были отставные солдаты, отбывавшие наказание в штрафных армейских батальонах, расположенных на южных окраинах Российской империи.

Крестьянское переселение в Сырдарьинскую область носило стихийный характер и было вторичным по своей сути. Первоначально переселенцы направлялись в Семиреченскую область. В 1889 г. на Семиречье был распространен закон о переселениях, который легализовал самовольное переселение крестьян. И только после того, как плодородные земли были заселены, в 1896 г. область была закрыта для приема переселенцев и миграционный поток направлен в Сырдарьинскую область.

Появление поляков в районе Семиречья связано с военно-казачьей колонизацией этих территорий. Семиреченское казачество, преобразованное в отдельные войска в 1867 г., захватило лучшие и плодородные земли области. Основным состав семиреченского казачества был сформирован из числа сибирских казаков. За 1847–1867 гг. с Сибирской линии в состав семиреченского казачества было переведено 14 648 казаков [73, с. 70]. Вполне вероятно, что среди них были и поляки из числа бывших политических ссыльных, отбывавших наказание в штрафных батальонах Сибирского казачьего войска. Известно, что после получения амнистии в 1814 г. в составе казачьего войска на постоянное жительство осталось 127 человек [187, с. 76]. Согласно переписи в Семиреченской области числилось 155 (12%) человек польской национальности [133, с. 130].

Появление поляков среди славянских этносов Семипалатинской области связано с самовольным переселением крестьян из смежных областей Сибири, в основном из Тоболь-

ской губернии. Согласно переписи 1897 г. в Сибири проживало 30 тыс. поляков, в Тобольской губернии – 19% из них, т. е. 5 745 человек [89, с. 98]. По социальному составу 40% из них были рабочие, 25% – крестьяне, 35% – дворяне [96, с. 250]. В Семипалатинской области насчитывалось 195 (15%) поляков, причем большая их часть 179 (91%) проживала в городах и только 16 (8,2%) человек – в уездах [133, с. 102].

Польское население Акмолинской области составляло 186 человек, т. е. 16% от общего количества поляков, проживавших на территории Казахстана [133, с. 136]. Все они были из числа польских военнопленных, а также крестьян-переселенцев. В 1881 г. в результате административно-территориального деления в состав Акмолинской области вошли четыре уезда: Омский, Петропавловский, Акмолинский, Кокчетавский. На территориях уездов располагались укрепления Сибирского линейного казачества. Оставшиеся на постоянное жительство в местах отбывания наказания бывшие ссыльные поляки составили население городов – 99 человек, или 50% польского населения области.

В конце XIX в. польское население Казахстана пополнилось за счет крестьян-переселенцев. Крестьяне Келецкого и Люблинского воеводств Царства Польского переселялись в основном на северные территории Казахстана, климатические условия которых во многом были схожи с польскими. Этим объясняется большее, по отношению к другим областям, количество польского населения в уездах Акмолинской области – 97 человек (49%).

В Уральской области, согласно Первой Всеобщей переписи 1897 г., польское население составляло 250 человек, или 20% от общего количества поляков, проживавших в Казахстане [133, с. 103]. В основном, это были поляки, входившие в состав Уральского казачьего войска, а также трудовые мигран-

ты, прибывшие на Урал в поисках работы. Расселялись они преимущественно в городах – 192 человека (76% от всего количества поляков области).

Для крестьянского переселения Уральская область надолго была закрыта, тем более что плодородные земли были захвачены уральским казачеством. Только в конце 70-х гг. XIX в. началось крестьянское переселение в область. Численность крестьян, которые селились по уездам области, была незначительной – 58 человек, или 23% от общего числа поляков области. Польские крестьяне не всегда образовывали собственные поселения и в небольших количествах селились в Темирском, Кирсановском и Уральском укреплениях.

Переселение крестьян в другие области Казахстана проходило медленно. Так, в Тургайской области было не так много земель, пригодных для земледелия, поэтому крестьяне не спешили осваивать этот район. В Тургайской области был учтен, согласно переписи, 101 человек, причем 84 из них (83%) расселились в городах и только 17 человек (17%) – в уездах области [133, с. 103]. Вместе с русскими, украинцами, белорусами польские крестьяне расселялись в долинах рек Темир и Уил.

К 1897 г. общая численность населения Мангышлакского уезда составляла 68 555 человек [133, с. 104]. Плотность населения самая низкая по областям – 0,36 человек на одну квадратную версту. На территории Мангышлакского уезда проживало всего 702 уроженца других государств. Поляки среди них составляли 38 человек, причем 37 из них проживали в городах и только 1 человек – в уезде [133, с. 104]. Это объясняется тем, что практически вся территория Мангышлакского уезда занята пустынями и полупустынями и пригодной для земледелия земли почти нет.

В Букеевской орде, по результатам переписи 1897 г., подавляющую часть населения составляли казахи (20 7299 чел.).

Из некоренного населения большую группу составляли татары и русские. Поляки среди славянских этносов были в меньшинстве, всего 6 человек, это 0,5% от всей численности поляков, проживавших в Казахстане [133, с. 103]. В Букеевскую орду их привлекала возможность работы на баскунчакском солевом промысле.

Таким образом, согласно итогам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи к концу XIX и началу XX вв. поляки в разном количестве расселялись по всей территории Казахстана. В большинстве своем они селились в городах – 983 человек (78%), в уездах значительно меньше – всего 270 человек (22%). Преобладание польского населения в городах объяснялась следующим:

- расселение по форпостам как основным укреплениям казачества на окраинах империи;
- города были центрами переселенческого движения, в которых переселенцы аккумулировались перед переселением на новые места;
- промышленно-торговый вид занятости (среди ссыльных было много мещан и ремесленников, а среди добровольных переселенцев – трудовых иммигрантов);
- особенности формирования состава административно-чиновничьего аппарата управления (среди польских ссыльных 80% были представители высшего света и высокообразованные люди).

Данные переписи населения по вероисповеданию представляют интерес только как подтверждающие наличие поляков среди других этносов Казахстана в конце XIX – начале XX вв. Тем не менее в связи с отсутствием сведений о религиозной принадлежности населения Российской империи в более поздний период (с 1906 по 1917 гг.) они являются особенно ценными.

По итогам переписи, основную часть верующих – 98,7% составляли сторонники двух основных конфессий: ислама – 44,7% и православной церкви – 53,0%. Представители римско-католической веры (которой придерживаются поляки) составляли 2,3%. Однако приверженцами этой же веры являются и немцы, поэтому определить численность поляков среди римско-католиков сложно. Старообрядцы, к которым также относились и поляки, согласно переписи составляли 644 человек (2,3%).

Поляки-староверы входили в состав небольшой группы старообрядцев, расселявшихся вдоль рек Ульба, Уба и правых притоков Иртыша. По свидетельству Е. Э. Блонквиста и Н. П. Гринковой, предками этих поляков были старообрядцы, высланные в 1762 г. по указу Екатерины II из Гомелевского уезда Польши в Сибирь и на Алтай. На Алтае они были расселены компактными большими группами. Сюда они были переселены на правах государственных крестьян с обязательством платить двойной податный налог с освобождением от податей на 6 лет. Так на Алтае и в районе рек Ульба и Уба возникли польские сёла староверов. В силу своей религиозной замкнутости староверы держались особняком, поселялись отдельными селениями. В этих районах ими были образованы деревни Шеманаиха, Секисовка, Тарханка, Бутановка, Екатериновка и Черемшанка. Основываясь на сведениях по выплате ясака, можно определить численность этих поселений – 630 человек, в т. ч. 326 мужчин и 304 женщины [81, с. 115–156].

В 1826 г., путешествуя по Алтаю, профессор Дерптского университета Карл Ледебург так описывал жизнь и быт поляков-староверов в деревне Черемшанка: «Деревня Черемшанка лежала у подножья горы Ульга-Уха, вершина которой, считая от уровня деревни, достигает приблизительно 600 футов.

Сама же деревня, по моему определению, находилась на высоте 1436 футов над уровнем моря. Крестьяне занимались здесь земледелием, скотоводством, а также пчеловодством. В избах, срубленных из дерева, обычно первый этаж без окон врыт в землю и был подвалом. Жилые комнаты находились на втором этаже, и подниматься в них нужно по высокому крыльцу. Жилище состояло из двух жилых комнат. В комнатах в большинстве случаев господствовала чистота: не только пол, но и вся обстановка в ней вычищена добела, даже деревянные стены. Крестьяне при всём своем гостеприимстве не очень принимали иностранцев, поэтому не в каждой избе можно остановиться на ночлег». Карл Ледебург, описывая жизнь поляков-староверов, делал собственные выводы: «...жило им хорошо, но несмотря на размеренный стиль жизни часть их выезжала из сел работать, в основном, горнорабочими...» [80, с. 16].

Основываясь на итогах учета населения по вероисповеданию в переписи 1897 г. можно только утверждать о наличии среди прочих конфессий римско-католиков и старообрядцев, к которым относятся и поляки. Но утверждать, что среди них находились только поляки, нельзя.

В начале XX в., пытаясь решить собственный аграрный вопрос, царское правительство продолжило политику колонизации своих окраин. Переселенческая политика на новом этапе отличалась от предыдущей, в первую очередь, активным участием государства в подготовке этой политики. В 1903 г. с целью улучшения организации переселенческого дела территория Казахстана была разделена на четыре переселенческих района: Уральско-Тургайский, Акмолинский, Семипалатинский и Сырдарьинский. Новый этап переселения был связан с реформой П. А. Столыпина (1906–1913 гг.). Переселенческий поток русских, украинцев, поляков из нечерноземных губерний России и Левобережной Украины был направлен на «излишки» земель Казахстана.

С 1906 по 1913 гг. в четыре района степного Казахстана было переселено 1,14 млн человек [73, с. 85]. Согласно материалам Переселенческого управления 1914 г., численность польских семей увеличилась в Акмолинской области на 0,3%, Тургайской области – на 0,3%, Уральской области – на 0,2%. В остальных областях увеличение их численности было незначительным, меньше чем на 0,1% [73, с. 95].

Первая мировая война послужила причиной новой массовой волны переселений. С территорий Западной Украины и Белоруссии вглубь Российской империи двинулся поток беженцев – украинцев, белорусов, евреев, немцев, поляков. Поляки были, в основном, уроженцами Гродненской, Люблинской, Таврической, Киевской и Минской губерний. Царизм, напуганный нарастающими революционными событиями, направил поток переселенцев-беженцев из районов активных социальных потрясений в Юго-Западную Сибирь и Казахстан.

Эта волна переселения носила аграрный характер. Поляки-беженцы по своему социальному происхождению были крестьянами-хлебопашцами и земледельцами. Этим и объясняется их расселение на плодородных землях, экспроприированных у казахов. К 1914 г. численность населения Казахстана увеличилась за счет беженцев на 3 324 924 человека. Крестьяне-беженцы особенно активно заселяли Акмолинскую область – 62%, Тургайскую область – 35%, Сырдарьинскую – 44%, Семипалатинскую – 21%, Уральскую – 26% [149, с. 57]. Этнический состав беженцев в этот период проследить сложно.

Вторая Всероссийская перепись, которая была проведена Временным правительством 30 сентября 1917 г., могла подтвердить национальный состав населения Казахстана на данный период. Однако октябрь 1917 г. обесценил все подсчеты. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. из-за сложно-

сти проведения не охватывала всей территории Казахстана. Поэтому архивная информация о расселении польских беженцев по Николаевской волости Актюбинского уезда Тургайской области представляет особую ценность и интерес [149, л. 16] (см. *прил. А, табл. 3*).

Перепись подтверждает большее, по сравнению с другими селами, количество поляков-беженцев в селе Браиловка, которое длительное время считалось польским поселением в Тургайской области. По социальному происхождению беженцы были крестьянами, что обеспечило их занятость: мужчины работали хлебопашцами, женщины – домохозяйками [17, л. 30].

Первая мировая война и Октябрьская революция в России повлияли на историю в Царстве Польском. В годы войны участники раздела Польши: Россия, Германия, Австро-Венгрия – оказались, в силу разногласий между ними, в противоположных военных блоках. Ни одна из них не собиралась предоставлять Польше свободу. Польша, в свою очередь, пыталась использовать сложившуюся ситуацию и восстановить Речь Посполитую. 11 ноября 1918 г. германское правительство подписало перемирие с государствами Антанты. Для Польши этот день стал днем обретения независимости.

Однако объединение земель и определение границ Польши решалось длительным и сложным путем. Особая сложность была с определением восточных границ Польши, которые находились под влиянием России. Согласно федеративному плану определения границ, предложенному Романом Дмовским, территория границ Польши должна пройти по линии второго раздела Речи Посполитой (1793 г.). В состав Польши должны войти Центральная Белоруссия с Минском и Правобережная Украина. Однако согласно планам Юзефа Пилсудского суверенные государства: литовско-белорусское, украинское и польское – должны добиваться полной независимости от Рос-

сии и противостоять ее агрессии. Нерешенность вопроса восточных границ послужила причиной войны между Россией и Польшей в 1919–1920 гг.

Война привела к новому потоку беженцев из Литвы, Украины, Польши. Польские беженцы – уроженцы Гродненской, Люблинской, Волынской, Келецкой губерний по социальному происхождению были, в основном, крестьянами и мещанами, среди них были земледельцы, учителя, писари, даже балетмейстеры и фотографы. Все они были расселены по территориям северного Казахстана. По архивным данным Актюбинского уезда, польские переселенцы, поселившиеся вблизи железнодорожных станций Эмба, Челкар, привлекались для работы на железной дороге.

Согласно приказу № 2 по Актюбинскому исполнительному комитету и Чрезвычайному комитету от 24 июля 1920 г. [42, л. 25], все польские мигранты и беженцы должны были находиться под строгим контролем и быть зарегистрированными в Чрезвычайной комиссии г. Актюбинска. Всем беженцам выписывалось удостоверение и книжка беженца, без этих документов лица польской национальности не могли быть приняты на работу.

17 марта 1921 г. в Польше была принята Конституция, которая утвердила республиканское правление. Рижский минный договор (1921 г.) привел к территориальному компромиссу между Украиной и Польшей, и у польских беженцев появилась возможность возвратиться на родину.

20 апреля 1921 г. был принят Приказ Революционного военного совета, Наркома путей сообщения и ВЧК за № 877606 «О порядке приема и передачи эшелонов с пленными, беженцами и прочим контингентом при обмене с Польшей» [44, л. 35]. Приказ определил правила передачи беженцев Польше и строгий таможенный контроль. Беженцы без правиль-

но оформленных документов подвергались задержанию и отправлялись в Смоленск, в распоряжение Особого отдела ВЧК по охране западных границ.

18 ноября 1921 г. Киргизское краевое управление по эмиграции населения приняло Указ «О снятии польских репатриантов с военного учета» [69, л. 1], а также определило правила оформления документов на репатриацию. Репатриация коснулась не всех польских граждан, некоторые остались добровольно, многим не удалось вернуться домой из-за препятствий, чинимых советскими властями, например, интеллигенции, работникам железнодорожных служб, другим специалистам.

Вышеназванный приказ обращал внимание на то, что репатриации не подлежат лица, которые не имеют документов, подтверждающих польскую национальность, а также лица, которые занимали официальные должности (военнослужащие, гражданские и военные чиновники) на территориях, входивших теперь уже в состав Польской республики. Составлением именных списков мигрантов занималось польское консульство. Списки составлялись на основании заявлений желающих реэмигрировать. Польское Посольство, проверяя именные списки, отбрасывало часть семей, которым не разрешалась реэмиграция по причинам болезни, отсутствия документов, «сомнительной» характеристики. Например, в именном списке польских реэмигрантов по Актюбинской губернии от 23 сентября 1921 г. указывалось 83 семьи численностью 252 человека. Виза польского консульства за № 1998 разрешила реэмиграцию только 118 человек [42, л. 54].

Не выехавшие в 20-е гг. по различным причинам польские иммигранты вошли в состав национальных меньшинств, по численному составу которых можно предположить о количе-

стве поляков-беженцев, оставшихся в Казахстане в годы революции и гражданской войны.

С целью укрепления связей с национальными меньшинствами во всех областях Казахстана при ЦК РКП(б) были созданы политические отделы национальных меньшинств. Основная задача отделов заключалась в контроле над нацменами и привлечении их к партийной работе. Поляки среди национально-го населения КАССР в 1924 г. составили 1778 человек и по губерниям расселялись следующим образом: Акмолинская – 318 человек; Актюбинская – 164 человека; Семипалатинская – 530 человек; Уральская – 102 человека; Джетысуйская – 203 человека; Сырдарьинская – 114 человек; Каракалпакская – 351 человек, итого – 1778 человек [68, л. 8].

Национальные меньшинства привлекались для работы в партийных организациях. Поляки среди партийных служащих были задействованы в меньшинстве и составляли всего 14 человек: в Семипалатинской партийной организации – 6 человек; в Актюбинской – 7 человек; в Уральской – 1 человек. Из 3955 членов аульных советов КАССР поляками являлись только 24 человек [24, л. 12]. Партийные отделы нацменов занимались вопросами их трудоустройства и образования. Согласно отчетам по культурно-массовой работе с нацменами от 12 декабря 1924 г., в КАССР на конец 1924 г. были открыты школы для нацменов – немецкие, татарские, узбекские, украинские, школ с обучением на польском языке не было. Кроме того, в КАССР было 30 школ, не подразделенных по национальностям, в которых учились дети всех национальностей. Такие школы были в Сырдарьинской губернии – 4, Джетысуйской губернии – 22, Каракалпакской губернии – 4, в них обучалось 196 детей польской национальности – 0,04% всех детей нацменов [26, л. 115].

Миграционные процессы в 20-е гг. были незначительными

и не могли повлиять на численный состав населения Казахстана. Перепись 1920 г. проходила в условиях еще продолжавшейся гражданской войны и особого интереса для подсчета поляков среди нацменов Казахстана не представляет, так как при ее проведении не вся территория Казахстана была учтена.

В 1924 г. происходит национально-территориальное размежевание Средней Азии. В Казахстан вошли Сырдарьинская и Джетысуйская губернии и Каракалпакская область (наличие этих территорий нельзя учитывать в сравнении, так как их не было в составе Казахстана в 1920 г.) [76, с. 105].

За 6 лет (1920–1926 гг.) численность населения увеличилось на 114 тыс. человек, или на 2,8%. В среднем в год прирост составлял 0,47% [85]. Согласно первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Средней Азии и в Казахстане пребывало 8294 польских граждан, что составляло всего 1,1% всех поляков, проживавших в Советском Союзе. Только в Казахстане проживало 3742 поляков [85, с. 153] (см. *прил. А, табл. 4*). При этом первенство принадлежит Акмолинской губернии – 1017 человек (27,2%) и Семипалатинской губернии – 759 человек (20,3%) [85].

Данные сведения являются подтверждением того, что в обозначенный период поляки компактно расселились в Северо-Восточном регионе Казахстана. Это же могут подтвердить и отчеты католических миссий Сибирской католической иерархии. Согласно католическим спискам, в Петропавловске насчитывалось 500 прихожан, в Ишимске – 500, Семипалатинске – 200 прихожан-католиков [73, с. 12] (следует помнить, что среди представителей католического вероисповедания были не только поляки, но и немцы).

Подводя итоги, увеличение численности поляков среди прочих этносов Казахстана за 29 лет можно проследить в сравнении данных двух переписей – 1897 и 1926 гг. За этот пе-

риод прирост польского населения Казахстана составил 2489 человек (66,5%). В основном, поляки расселились на севере и востоке Казахстана: в Семипалатинской губернии – 25,6%, в Акмолинской губернии – 19,2% [85; 134, с. 103].

В конце 20-х гг. в Казахстане решался вопрос новой переселенческой политики. В апреле 1929 г. состоялся VII съезд Советов КазАССР, на нем шла речь о возможности открытия границ республики для переселения людей из других районов страны. Первые ориентировочные цифры по переселению были заложены в пятилетний план развития народного хозяйства СССР. По плану, в Казахстан должно было прибыть 6 тыс. переселенцев в 1930 г. и 43 тыс. в 1931 г., в основном из Украины и России [30, л. 56]. Новая волна переселений, несомненно, приведет к увеличению численности некоренного населения Казахстана, в т. ч. и поляков.

Исследования показали, что процесс формирования польского населения республики на период с XIX по 20-е гг. XX вв. напрямую связан с колониальной политикой Российской империи по отношению и к Казахстану, и к Польше. Появление поляков на малообжитых землях Казахстана связано как с добровольной миграцией, так и с принудительной ссылкой. При этом необходимо отметить, что активное формирование польского населения Казахстана в XIX в. происходило за счет следующих категорий поляков:

- политические ссыльные – участники восстаний 1830 и 1860 гг., отбывавшие наказание в штрафных батальонах казачьих соединений;
- трудовые эмигранты – добровольно мигрировавшие в районы развивающейся промышленности;
- крестьяне-переселенцы – добровольно мигрировавшие на плодородные земли Казахстана.

Численность и расселение поляков по областям в данный

период можно проследить только по итогам Первой Всеобщей переписи 1897 г., которая при всех особенностях ее проведения зафиксировала 0,02% поляков среди прочего населения Казахстана и их массовые скопления в областях Северного, Восточного и Центрального Казахстана.

В годы Первой мировой и русско-польской войны (1919–1920 гг.) в Казахстан прибывает еще одна категория поляков – беженцы. Среди них тоже можно выделить две категории:

- беженцы из областей Западной Украины и Белоруссии – по социальному происхождению крестьяне-земледельцы;
- беженцы с территорий Литвы, Польши – по социальному происхождению крестьяне и мещане.

Беженцы расселялись, в основном, по областям Северного Казахстана и активно привлекались для работы на железной дороге.

Рижский договор 1921 г. позволил полякам вернуться на родину, но не все они смогли репатриировать. Необходимо отметить, что многие поляки остались в Казахстане добровольно, некоторые не смогли выехать из-за преград, чинимых советскими властями, а также по состоянию здоровья или из-за «сомнительной» характеристики.

По итогам Всесоюзной переписи 1926 г. поляки вошли в состав национальных меньшинств и составили 3742 человека. По сравнению с 1897 г. их численность увеличилась на 66,5%.

Таким образом, во второй половине XIX в. появление поляков среди этносов Казахстана было связано с добровольной миграцией и принудительной ссылкой поляков на малообжитые земли Казахстана. Можно утверждать, что процесс формирования польского населения республики на период с XIX по 20-е гг. XX вв. напрямую связан с колониальной политикой Российской империи по отношению как к Казахстану, так и к Польше.

ГЛАВА 3.

ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КАЗАХСТАНА (30–50-е гг. XX в.)

Насильственное переселение поляков в Казахстан в 30-е гг. XX в.

Массовые репрессии против лиц польской национальности в 30-е гг. XX в. – закономерное следствие в целом конфронтационной политики советского руководства в отношении Польши. В эти годы существенно обострилось взаимное недоверие, связанное с попыткой установления в Польше советского режима. Деятельность Коминтерна была направлена на деспотизацию внутри Польши и подготовку прокоммунистического переворота. С 1929 г. начинается преследование польских коммунистов, проживавших в СССР. Им выдвигались обвинения в принадлежности к Польской войсковой организации (ПОВ), в 1933 г. произведены первые аресты по этому обвинению.

Известно, что ПОВ была создана в начале Первой мировой войны на польских территориях Российской империи как подпольная патриотическая военная организация под руководством Ю. Пилсудского. Ее основной задачей была поддержка «легионов» Ю. Пилсудского, а также разведка в их пользу. В 1928 г. ПОВ входит в Войско Польское и формально прекращает свое существование. На территории Украины ПОВ просуществовала до 1921 г. и участвовала в советско-польской войне 1919–1920 гг. Именно поэтому советским руководством ПОВ рассматривалась как контрреволюционная организация.

1930-е годы – период усиленной внешнеполитической самоизоляции Советского Союза. Начинает выстраиваться «железный занавес», государственная граница всё больше приобретает характер «линии фронта». Это весьма ощутимо отразилось на депортационной политике Сталина.

В середине 30-х гг. началась продуманная и последовательная кампания по обеспечению безопасности крупных городов, границ и приграничных территорий посредством «зачистки» от «социально опасных», т. е. неблагонадежных, с точки зрения советского руководства, элементов.

До середины 30-х гг. определенной части казахстанских поляков удавалось сохранять польское гражданство, пока ОГПУ окончательно не пресекло это «безобразие». Те, кто упорствовал в своей принадлежности к «буржуазно-помещичьей Польше», были причислены к «польским шпионам» и отправлены в исправительные лагеря. Остальные приняли советское гражданство [164, с. 134].

В декабре 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о закрытии особых переправ – так называемых «окон» на границе, организованных НКВД для Коминтерна. «Партийные дороги» стали рассматриваться советским руководством только как каналы проникновения шпионов и диверсантов на территорию СССР. Было решено очистить приграничные районы от «неблагонадежного» населения, к которому, наряду с немцами, финнами, эстонцами и латышами, причислялись и поляки.

В первые месяцы 1936 г. начинается учет политэмигрантов по секциям Коминтерна. Особое внимание при этом уделялось полякам. Из 1189 польских политэмигрантов в Казахстане числилось 40. Из учтенных поляков 35% (416 чел.) обвинялось в принадлежности к польской разведке и в шпионаже против СССР [107, с. 95]. Массовые аресты и репрессии польских политэмигрантов послужили прологом к сталинской по-

литике «большого террора» и массовым депортациям.

К депортированному контингенту относились поляки приграничной зоны Украинской ССР, а депортация польского населения Украины в 1936 г. стала прологом массовой «анти-польской» политики 30-х гг. XX в.

С января 1936 г. руководство НКВД Украины и Казахстана серьезно обсуждало вопрос о выселении 15 тыс. польских и немецких хозяйств (около 45 тыс. чел.) из приграничной зоны Украины в Казахстан [107, с. 205]. Переселению подлежали поляки и немцы (но главным образом поляки), проживавшие в 800-метровой полосе вдоль тогдашней советско-польской границы. В первую очередь выселяли из районов полигонов и аэродромного строительства, убирая нежелательных свидетелей, тем более что многие из числа последних имели родственников по ту сторону границы. Переселение было намечено провести в апреле-мае 1936 г. Предполагалось, что к этому времени поляки уже закончат посевную и на новые места окончательно успеют переселиться уже к концу осени.

28 апреля 1936 г. под грифом «секретно» СНК СССР было принято постановление за № 776-120сс «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15000 польских и немецких хозяйств» [108, с. 34]. В результате, на Украине был ликвидирован польский национальный автономный район имени Ю. Мархлевского, образованный в 1925 г. под Житомиром. Позже то же самое произошло и с польским районом имени Ф. Дзержинского в Белоруссии. 800-километровая приграничная полоса Винницкой и Киевской областей была окончательно «очищена» от немцев и поляков. В Южно-Казахстанскую область было отправлено 5500 семей, в Алма-Атинскую и Карагандинскую – по 3000 семей, в Восточно-Казахстанскую – 2000 семей, в Актюбинскую – 100 семей [18, л. 179].

Первые переселенцы прибыли 10 июня на станцию Тайнча

Омской железной дороги численностью 2142 семьи – 10 479 человек, в т. ч.: мужчин – 2762, женщин – 3054, детей – 4663 человека [8, л. 63]. По разным оценкам, всего было депортировано порядка 70 тыс. человек, из которых поляки составляли 80% [107, с. 16]. Из воспоминаний поляков-переселенцев: «14 июня 1936 г. на станцию Тайынша прибыл очередной вагон с переселенцами с Украины с Житомирщины. Закончилось двухнедельное "путешествие" в товарных вагонах. Станция Тайынша, построенная в 1922 г., предстала перед нами скудными постройками. Деревянный вокзал, депо для ремонта паровозов, несколько земляных домиков и еще водокачка, огражденная высоким забором. Вот у этого забора выгрузили всех переселенцев. Старики, женщины и дети, изнуренные дальней дорогой, оказались в плену знойного солнца. Наутро всех погрузили в бортовые машины и отправили по местам назначения» [140, с. 50–51].

Весь переселенческий контингент получил статус «спецпереселенцев». Спецпереселенцы имели право передвижения в пределах административных районов расселения, но не имели права выезжать из мест поселений.

Прибывшие спецпереселенцы разместились в палатках, бараках и сразу включались в процесс запланированного строительства. В постановлении СНК СССР за № 776-120сс от 28 апреля 1936 г. сказано, что «НКВД при выполнении строительной программы особое внимание должно уделить строительству жилищ и надворных построек самим переселенцам, выделив для этой цели стройматериалы застройщикам как за наличный расчет, так и в порядке долгосрочной ссуды сроком до 8 лет» [38, л. 118].

Земли, предоставленные государством для размещения спецпереселенцев, были малообжитыми. Люди оказались практически в голой степи, где строительство начали из сподручного материала (глина, песок, камни), строили жилье, по-

лучившее в этот период название «сталинки» [199, с. 6]. Из воспоминаний переселенцев: «Все постройки представляли собой землянки, построенные из резаных пластов дерна, крыши утепляли ковыльным сеном, а сверху слой глины. К осени были построены двухкомнатные дома. Каждая семья получала по одной комнате на 18 кв. метров независимо от количества членов семьи (5–8 человек). Каждая семья сама строила печь, забивала дыры и строила сарай для зимовки коровы, а в яме зимовали куры. Топили кизяком и собранным в степи камышом. Не все дома успевали просыхать и зимой покрывались изморозью, а весной проседали» [140, с. 58].

Возраст и национальная принадлежность переселенцев были представлены следующим образом: из общего количества переселенцев взрослые составляли 55,2%, подростки – 6,2%, дети – 38,6%; национальный состав: поляки – 75,7%, немцы – 23,4%, украинцы – 0,8% и прочие – 0,1% [183, с. 34].

Согласно постановлению Карагандинского областного земельного отдела от 1 мая 1936 г. за № 274 «Об организации работы по размещению 15000 хозяйств колхозников, идущих по линии НКВД с Украины» переселенцы были расселены, в основном, на территориях Северо-Казахстанской и Карагандинской областей. Были пересмотрены территории зерносовхозов северных областей, а также территории Летовочного, Красноармейского и Тарангульского мясомолочных совхозов [108, с. 110].

В июне и сентябре 1936 г. переселено 14 048 хозяйств: в Северо-Казахстанской области размещено 12 008 хозяйств и в Карагандинской области – 2040 хозяйств [52, л. 29]. Всего переселенцы-поляки составили 35 820 человек (23 334 из них совершеннолетние), что составило 10% населения соответствующих регионов [56, л. 44]. Для устройства переселенцев было выделено 468 тыс. гектаров из земельных фондов: в Северо-Казахстанской области – 361 тыс. га, в Карагандинской

области – 107 тыс. га [67, л. 29–30]. Всего было организовано 37 поселков, из них: в Северо-Казахстанской области – 31, в Карагандинской – 6 [9, л. 30].

Для расселения прибывших переселенцев областными земельными отделами было решено организовать 13 точек близ ферм Жаркуль, Алабота, Кара-Кога, Сауле, Кара-Агаш и др. Здесь компактно были расселены поляки Житомирской, Винницкой и Кировоградской областей [9, л. 167]. В сентябре 1936 г. решением облисполкома, учитывая ходатайство местных жителей, каждой из 13-ти переселенческих точек были определены названия:

- 1-я точка – с. Калиновка, колхоз «Червонный пахарь»;
- 2-я – с. Донецкое, колхоз «Красная звезда»;
- 3-я – с. Белоярка, колхоз им. Фрунзе;
- 4-я – с. Подольское, колхоз «Серп и молот»;
- 5-я – с. Ясная Поляна, колхоз им. Куйбышева;
- 6-я – с. Вишневка, колхоз «Красное знамя»;
- 7-я – с. Константиновка, колхоз им. Дзержинского;
- 8-я – с. Красно-Киевка, колхоз «Дружба»;
- 9-я – с. Ново-Березовка, колхоз «Новая жизнь»;
- 10-я – с. Ново-Гречановка, колхоз «Новый труд»;
- 11-я – с. Зеленый Гай, колхоз «Звезда коммуны»;
- 12-я – с. Чкалово, колхоз «Ленинский шлях»;
- 13-я – с. Петровка, колхоз «8-й съезд советов» [199, с. 33].

Запланированный ход переселений в два этапа осложнился процессом расселения и обустройства переселенцев.

Вторая часть переселенцев прибыла в сентябре–октябре 1936 г. С увеличением числа переселенцев обеспечение их жильем и землей осложнилась. На подготовленных землях можно было расселить только 13 100 семей, а остальные 1900 хозяйств пришлось расселить на других землях. По данным заведующего сельхозотделом Северо-Казахстанской области Н. Кузнецова, в Карагандинскую область в июне и сентябре

1936 г. было завезено 14 048 хозяйств переселенцев в составе 63 976 человек; в Северо-Казахстанской области было расселено 12 008 хозяйств, в т. ч. 9150 хозяйств в новых поселках и 2 858 хозяйств доселены в существующие колхозы [67, л. 29]. В Казахстане под размещение депортированных было заложено 37 новых поселков и создано три новых МТС, имевших 135 тракторов мощностью 3777 лошадиных сил. Созданием поселков руководили структуры ГУЛага [67, л. 30].

В фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан сохранилась докладная записка начальника «отдела оседания» Алма-Атинской области земледельческого управления заместителю наркома земледелия КазССР т. Панкратову, в которой сообщается, что в октябре 1936 г. в Алма-Атинскую область переселено из Западной Украины 1000 переселенческих хозяйств и направлено в районы для выращивания технических культур: Энбекши-Казахский район – табачный – 300 хозяйств; Илийский район – свекловичный – 350 хозяйств; Талды-Курганский район – свекловичный – 250 хозяйств; Каратальский район – свекловичный – 100 хозяйств [2, л. 47].

По данным НКВД, на 1 декабря 1936 г. выселение поляков с Украины в Казахстан завершилось. Число переселившихся составило 68 тыс. человек, что превысило план на 23 тыс. человек [56, л. 5].

Размер жилищной площади составлял 2,5 кв. м на человека. Условия жизни были крайне тяжелыми, и спецпереселенцы выражали протест против нарушения элементарных гражданских прав. Несмотря на жесткие условия правил внутреннего распорядка, были факты побега. Бежавшие направлялись в г. Омск, откуда, по их мнению, было проще добраться до родных мест. С декабря 1936 г. по март 1937 г. побег совершили 302 человека [183, с. 144].

Не оставляя надежд вернуться в родные края, поляки зани-

мались обустройством новых мест. К январю 1937 г. были построены школы в 6-ти из 13-ти точек поселений: Калиновке, Подольском, Константиновке, Зеленый Гай, Донецком и Чкалово. К началу учебного года в них обучалось 5316 школьников [67, л. 19]: в 1 классе – 1244 человека, во 2 классе – 942 человека, в 3 классе – 877 человек, в 4 классе – 821 человек, в 5 классе – 704 человека, в 6 классе – 432 человека, в 7 классе – 296 человек. Обучение с 1 по 7 класс велось на русском и польском языках [67, л. 21].

В 1937 г. начался новый этап «антипольской» политики. 11 августа 1937 г. был издан приказ НКВД СССР № 00485 и «закрытое» письмо «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной и пораженчески-террористической деятельности польской разведки в СССР» [153, с. 102]. Несмотря на то, что в приказе говорилось о польских шпионах, под подозрение попадало всё польское население СССР (по данным переписи 1937 г., в СССР на тот момент проживало 636 220 поляков [86, с. 85]).

Текст «закрытого» письма составил тридцать страниц и рисовал фантастическую картину деятельности польской разведки на территории СССР на протяжении двадцати лет. В письме говорилось, что шпионская деятельность в СССР осуществлялась Польской военной организацией (ПОВ) вместе со вторым (разведывательным) отделом Польского генштаба; агенты ПОВ захватывали руководство компартией Польши и польской секцией Коминтерна. Они проникли во все звенья советского государственного аппарата (исключая НКВД, НКВД, РККА). Якобы под видом политэмигрантов, политзаключенных и перебежчиков в Союз из Польши были переброшены тысячи новых агентов, создавших, в свою очередь, множество шпионско-диверсионных групп, вербовка в которые осуществлялась в среде местного польского населения. Руководил всей этой сетью московский центр, действовавший

по указу Варшавы, что отдельные группы или лица были связаны с Варшавой непосредственно через консульство Польши в СССР [120, с. 100]. В соответствии с этой версией в приказе перечислялись шесть намеченных к аресту категорий:

1) активные члены ПОВ. Следствие по делу ПОВ интенсивно велось в Центральном аппарате НКВД СССР с конца 1936 г. В конце июля 1937 г. полученные под пытками признательные показания нескольких десятков наиболее видных арестованных были сгруппированы в специальные тома. Эти материалы, с посвященными ПОВ тезисами, были использованы Н. И. Ежовым на июньском Пленуме ЦК ВКП(б), а также при составлении приказа № 00485 и «закрытого» письма;

2) военнопленные польской армии, в основном поляки-военнопленные советско-польской войны (1919–1920 гг.), вернувшиеся в Польшу в начале 20-х гг. Некоторые из их числа (по предположительной оценке, от 1,5 до 3-х тыс. человек) остались в СССР;

3) перебежчики из Польши. Экономические, социальные, семейные, а также политические обстоятельства определяли непрерывный поток беженцев из Польши в СССР. Централизованного учета перебежчиков из Польши не велось, неизвестна была даже их общая численность. Выступая перед руководящим составом ГУГБ НКВД, Н. И. Ежов высказал предположение, что польских перебежчиков более 100 тыс. человек. К 1937 г. следы многих из них были затеряны. Поиск перебежчиков стал главной заботой НКВД в ходе реализации «польского приказа»;

4) политэмигранты и политические обменные из Польши;

5) члены Польской социалистической партии (1892 г.), а также польские политические активисты, которые на каком-то этапе жизни были связаны с ней;

6) активная часть местных антисоветских и националистических элементов. Этот пункт фактически предписывал аре-

сты в местах компактного проживания поляков.

По данным переписи 1937 г., поляки компактно селились в УССР – 417 613 человека, в БССР – 119 881 человек и в РСФСР – 92 078 человек [86, с. 94]. На Украине и в Белоруссии более 2/3 поляков проживало в сельской местности (еще в начале 30-х гг. здесь действовало 150 польских сельсоветов). Особенно много поляков проживало в Каменец-Подольской, Житомирской и Винницкой областях Украины. В РСФСР наибольшее число поляков проживало в Ленинградской и Московской областях, а также в Западной Сибири на Урале, где, по мнению НКВД, осело много перебежчиков.

С 1936 г. около тыс. (по другим сведениям 45 тыс.) поляков проживало в Казахстане – их выслали сюда в результате «чистки» приграничных с Польшей районов Украины. Эта акция прямо предшествовала «польской операции» 1937–1938 гг. [106, с. 11]. Именно в перечисленных выше районах приказ № 00485 реализовывался с наибольшей интенсивностью.

Со 2 октября 1937 г. по специальному указанию Н. И. Ежова аресты распространялись на семьи лиц, осужденных по приказу № 00485 о репрессировании жен изменников родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами [83, с. 93]. Приведем выписку из оперативного приказа НКВД № 00485 «Об операции по репрессиям жен и детей изменников Родины»:

«Намеченные к репрессированию обыскиваются. Арест оформляется ордером.

1. Аресту подлежат жены, состоящие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста.

2. Аресту подлежат также жены, хотя и состоящие в момент ареста в разводе, но укрывающие осужденного или причастные к его контрреволюционной деятельности.

3. Аресту не подлежат беременные или имеющие грудных

детей, тяжело или заразно больные, а также преклонного возраста. По отношению к ним временно ограничиться подпиской о невыезде.

4. Аресту не подлежат жены осужденных, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них органам власти, следствия, послужившие основанием к разработке и аресту мужа.

5. Жены осужденных изменников Родины подлежат заключению в лагеря на сроки в зависимости от степени социальной опасности, но не менее как на 5–8 лет.

6. Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможности исправления, подлежат заключению в лагерь или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима наркомпросов республик.

7. При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и вместе с их личными документами (свидетельства о рождении, ученические документы) в сопровождении специально переодетых в составе группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД отвозят:

а) дети до 3-летнего возраста – в детские дома или ясли наркомздравов;

б) дети от 3-х до 15-ти лет – в приемно-распределительные пункты;

в) социально опасные дети старше 15-ти лет – в специально предназначенные для них помещения» [161, с. 98–99].

Согласно этому приказу, аресту подлежали все жены осужденных вне зависимости от причастности к «контрреволюционной деятельности мужа», а также их дети старше 15 лет, если они были признаны «социально опасными и способными к антисоветской деятельности». Жены по приговору Особого совещания (ОСО) заключались в лагеря на 5-8 лет, дети старше 15 лет в зависимости от имевшихся на них характеристик направлялись в лагерь, колонии или детские дома осо-

бого режима. Дети от 1 года до 15 лет, оставшиеся сиротами, направлялись в ясли и детские дома Наркомпроса.

Вскоре выяснилось, что исполнение директивы от 2 октября 1937 г. столкнулось с техническими трудностями: поток жен арестованных поляков оказался гораздо больше ожидаемого, а возможности размещения в тюрьмах женщин были относительно ограниченными. К тому же обозначилась острая нехватка мест в переполненных детских учреждениях. Поэтому 21 ноября 1937 г. Н. И. Ежов отменил свою директиву.

Приказ № 00485 создал принципиально новый в практике ОГПУ НКВД процессуальный порядок осуждения. Согласно приказу, аресту подлежали советские граждане, контактирующие с польскими дипломатическими представительствами, военнопленные поляки периода Первой мировой войны, воевавшие в легионах Ю. Пилсудского, а также бывшие красноармейцы, побывавшие в плену в Польше. После окончания следствия на обвиняемого составлялась справка «с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного». Справки каждые десять дней перепечатывались в виде списка, который представлялся на рассмотрение комиссии из двух человек («двойки») – начальника НКВД–УНКВД и прокурора.

В задачу «двойки» входило отнести обвиняемого к одной из двух категорий: первая – расстрел, вторая – заключение от 5 до 10 лет. Списки отсылались в Москву, где их утверждали Нарком внутренних дел Н. И. Ежов и генеральный прокурор А. Вышинский. После этого список возвращался в регион для исполнения приговора. Этот порядок осуждения в переписке НКВД называли «альбомным», вероятно потому, что машинописные списки заполнялись на листах, распложенных горизонтально, и сшивались по узкой стороне, внешне напоминая альбом [43, л. 2]. В «альбомном порядке» осуждали не всех, только «низовки». Те, кто арестовывался по приказу № 00485

за шпионаж в пользу Польши, осуждались Военными коллегиями Верховного суда СССР.

15 сентября 1938 г. Политбюро отменило «альбомный порядок» осуждения и вместо него в каждом регионе были созданы особые «тройки». В состав «троек» входили: местный партийный руководитель, прокурор и начальник НКВД–УНКВД. Деятельность «троек» была приостановлена в ноябре 1938 г.

На осуществление «польской операции» отводилось три месяца – с 20 августа по 20 ноября 1937 г. Но в связи с тем, что сроки постоянно продлевались, она вместе с другими «операциями по нацконтингентам» окончательно завершилась 1 августа 1938 г.

В период «польской операции» были рассмотрены дела на 143 810 человек, из которых осуждено 139 835 человек, в т. ч. приговорены к расстрелу 111 091 человек, что составляет 77,25%. Аресту и заключению на срок от 8 до 10 лет подлежали 28 744 человека – 23% [55, л. 53].

Осужденные отбывали наказание в исправительных лагерях ГУЛага. В сталинской системе лагерей поляки относились к осужденным по «политической линии» и подразделялись на несколько групп: лица, осужденные за шпионаж; лица, побывавшие за границей или имеющие за границей членов семей, и бывшие жители приграничной зоны. На 1937 г. число осужденных ГУЛага составляло 820 881 человек, из них по «политической линии» – 104 826 человек, т. е. 2,8% [55, л. 93].

В результате особой активности операции по «польской линии» и по другим «нацконтингентам» количество осужденных ГУЛага к весне 1938 г. увеличилось на 5,8% (всего осужденных – 996 367 человек, по «политической линии» – 185 394 человека, или 18,6%) [55, л. 120].

В середине 30-х гг. ГУЛаг состоял из 42 лагерей НКВД. Самый крупный в Казахстане Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг) занимал 9 место. На 1 января 1939 г.

число заключенных Карлага составляло 26 229 человек, в т. ч. поляков насчитывалось 1351 человек [164, л. 225].

В Акмолинском отделении Карлага (Алжире) отбывали наказание жены и члены семей осужденных. Основная доля осужденных Алжира приходилась на 30–40-е гг. – 3360 человек, поляки среди них составляли 15,4% – 52 человека [161, с. 114].

Обусловленный «пактом Молотова–Риббентропа», начинается очередной, четвертый, раздел Польши. Это вызвало сразу несколько новых «волн» депортации поляков из Западной Белоруссии и Западной Украины, присоединенных в 1939 г. к СССР (8 из 9 воеводств «Второй Речи Посполитой»: Станиславское, Тернопольское, Львовское, Полесское, Волыньское, Виленское, Белостокское и Новоградское) [96, с. 266].

Накануне Второй мировой войны вспыхнула новая волна репрессий. 17 сентября 1939 г. части Красной Армии перешли границу Польши и вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. В этих районах начался процесс реорганизации государственного устройства, проводилась национализация крупной промышленности, банков, конфискация земель крупных помещиков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. жители этих областей объявлялись гражданами СССР. Вся проводимая работа с населением была подчинена скорейшей «советизации» вновь присоединенной территорий и «очистке» их от «неблагонадежного элемента». Данная политика осуществлялась уже апробированными методами и сопровождалась массовыми арестами, расстрелами, высылкой населения.

В декабре 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли ряд постановлений, касающихся порядка выселения и трудового использования «осадников» [107, с. 136] – бывших военнослужащих польской армии, за заслуги в польско-советской войне 1920 г. получивших по решению польского сейма крупные земельные наделы в восточных районах страны, за-

селенных этническими украинцами и белорусами. Это было своего рода польское «казачество», военные поселенцы, наряду с занятиями сельским хозяйством они выполняли еще и некоторые полицейские функции. 85% осадников составляли поляки, были среди них украинцы, белорусы и немцы. После прихода советских войск все они были объявлены «злейшими врагами трудового народа» [107, с. 50–52]. Эту категорию граждан вместе с семьями практически полностью выселили в глубинные районы страны. В Казахстан было выселено 5307 человек, расселены они были в основном на территориях центрального, южного и восточного Казахстана [107, с. 16].

Определить численный состав поляков на территории Казахстана накануне Великой Отечественной войны можно на основе переписи 1939 г. [13, л. 388–402] (см. прил. А, табл. 5). Согласно переписи, первенство по естественным причинам принадлежит Северо-Казахстанской области – 29 171 человек (53,2%) и Целиноградской области – 12 016 человек (21,9%). В Алма-Атинской области численность поляков составляла 3142 человека (5,7%), в Карагандинской – 2562 человека (4,7%), на остальной территории численность поляков по областям не превышала 800 человек (1,5%) [13]. По сравнению с переписью 1926 г. численность поляков в Казахстане увеличилась на 51 067 человек. Насильственно депортированное в 30-е гг. польское население в дальнейшем составило основу диаспоры республики.

Конфронтационная политика России по отношению к Польше в 30-е гг. была полностью направлена на подчинение Польши путем ее «советизации». Отказывавшиеся принять эту политику поляки обвинялись в шпионаже и подвергались арестам. Злость за неподчинение распространялась и на казахстанских поляков, не желавших принять советское гражданство, их обвиняли в шпионаже и отправляли в исправительные лагеря. Вся «антипольская» политика 30-х гг. про-

ходила испытанным ранее способом – насильственным переселением «неблагонадежных» поляков на малозаселенные земли Казахстана.

С января по декабрь 1936 г. при осуществлении политики самоизоляции России в Казахстан были сосланы поляки из приграничных районов Украины. Расселившись по территориям северного, центрального и южного Казахстана, они получили статус «спецпереселенцев» и составили основное количество польских депортантов, прибывших в Казахстан в 30-е гг.

Итак, второй этап «аптипольской» политики начинается с принятием указа НКВД № 00485 и проходит в течение года с августа 1937-го по август 1938 г. В этот период в исправительные лагеря Казахстана для отбывания наказания прибывают поляки, осужденные по «политической линии». Сталинская политика проведения «польской операции» в 1937–1938 гг. – самый жестокий этап в истории советско-польских отношений. Террору и репрессиям подвергались все поляки, проживавшие на территории СССР и обвиненные в шпионаже, аресту подлежали не только осужденные, но и члены их семей – жены и дети. Впоследствии это привело к разделению семей, которые по разным причинам не смогли воссоединиться и остались в разных государствах.

Анализ исследования показал, что поляки, пополнившие польское население Казахстана к концу 30-х гг. XIX в., были, в основном, крестьянами, насильно депортированными с территорий Украины и Белоруссии согласно Указу СНК СССР № 776-120сс. Получив статус «спецпереселенцев», они были расселены по всем областям Казахстана под жесткий контроль комендатуры. На ссыльных крестьян возлагались надежды в развитии сельского хозяйства Казахстана и предпринимались все меры, чтобы «закрепить» их к местам ссылки.

Численность поляков и области их компактного расселения

подтверждает перепись 1939 г., которая зафиксировала увеличение польского населения Казахстана, по сравнению с переписью 1926 г., на 51 067 человек и подтвердила их компактное расселение в районах северного, центрального и южного Казахстана, куда направлялся основной поток депортированных поляков. Необходимо отметить, что формирование польской диаспоры в 30-е гг. проходило в условиях жесткой сталинской политики репрессий.

Польские спецпереселенцы в 40–50-е гг. XX в.

В 1940–1941 гг. было осуществлено четыре крупных «волны» депортации поляков. Первая «волна» началась 10 февраля 1940 г., под нее попали не только «осадники» и «легионисты» (ветераны «легионов» Ю. Пилсудского), но и просто госслужащие, причем много работников лесного хозяйства. В советских официальных документах того времени даже появилось такое понятие, как «спецпереселенцы осадники и лесники». В процессе депортации пострадало немало простых крестьян – как поляков, так и украинцев, которые дополнили контингент беженцев. Высланных в ходе первой «волны» отправляли, в основном, на европейский север России и в Сибирь [164, с. 142].

Основанием для второй «волны» депортации стало постановление СНК № 289-127сс от 2 марта 1940 г. о выселении из БССР и УССР членов семей всех уже репрессированных категорий, а также родственников польских военнослужащих, содержащихся в лагерях для военнопленных, в тюрьмах, бывших офицеров польской армии, полицейских, жандармов, чиновников бывшего польского госаппарата [167, с. 124].

10 апреля 1940 г. СНК постановлением № 496-178сс утвердил специальную инструкцию по выселению лиц, подпадав-

ших под постановление от 2 марта 1940 г. Уже 13 апреля акция началась, при этом наряду с членами семей репрессированных высылалась часть населения приграничной полосы, главным образом опять же зажиточные крестьяне. Основную массу высланных поляков второй «волны» отправляли в Северный Казахстан. Всего было переселено 60 667 человек членов семей спецпоселенцев, репрессированных участников повстанческих организаций, офицеров бывшей польской армии.

Размещены они были на территориях Актюбинской, Акмолинской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, и Семипалатинской областей. Из них 35 729 человек были расселены в колхозах, 16 923 – в совхозах, 8000 человек – в рабочих поселках различных промышленных предприятий [92, с. 116]. По мнению В. Н. Земскова, в этот период в Казахстане находилось 66 тыс. членов семей репрессированных офицеров и других чинов Польши [190, с. 156].

В июне 1940 г. в ссылку была отправлена третья «волна» поляков. Специально нашли и «довыскребли» семьи польских офицеров и резервистов, расстрелянных НКВД в мае 1940 г. [164, с. 117]. В этот период к ним впервые был применен термин «спецпоселенцы».

По постановлению ГУЛага НКВД СССР № 35/292368 от 30 октября 1940 г. эти категории поляков были приравнены к «трудпоселенцам», т. е. включены в контингент «бывших кулаков». Их число в момент включения составляло 41 772 человека [92, с. 37]. Тем же постановлением предусматривалась «административная высылка беженцев с территории бывшей Польши, отошедшей к Германии, изъявивших желание выехать из СССР, но не принятых германским правительством».

Исследуя депортацию польских граждан, А. Э. Гурьянов выделяет три крупные операции по массовому выселению поляков: 1) 10 февраля 1940 г. – 139–140 тыс. чел.;

2) 13 апреля 1940 г. – 61 тыс. чел.;

3) 29 июня 1940 г. – 75 тыс. чел. [92, с. 114].

Четвертая «волна» депортации пришлось на май 1941 г., она затронула, в основном, южные воеводства бывшей восточной Польши, в частности Станиславское и Волынское воеводства, Прибалтику, Бессарабию и северную Буковину – всего 34–41 тыс. человек [70, с. 41]. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1941 г. предусматривался арест и 20-летнее спецпоселение для членов семей «участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций». Наконец, последняя из депортаций имела место в конце июня 1941 г., в бывших Белостокском, Новогродском и Полесском воеводствах, а также в Литве, откуда, помимо «социально чуждых» литовцев, «отдельно» выслали и «социально чуждых» поляков. Последние эшелоны со ссыльными поляками и беженцами шли на восток уже под ударами немецких бомб.

Контингент депортированных по национальному составу имел моноэтнический характер. По данным на 1 апреля 1941 г., среди 177 043 депортированных «осадников» и беженцев, о которых имеются сведения, были: 54,6% – поляки, 33,3% – евреи, 5,3% – украинцы, 5,1% – белорусы. Большинство (85 716 чел.) депортированных было расселено: в Новосибирской области – 22,5%; в Алтайском крае – 20,4%; в Красноярском крае – 20,5%; в Казахской ССР – 18%; в Омской области – 13,5%; в Коми АССР – 3,6%; в Кировской области – 2,4% [167, с. 42–43].

В Казахстан попали поляки из административно высланных. К приему этого контингента руководство КазССР и НКВД республики были оснащены указанием № 1042-Б от 20 марта 1941 г. В директиве говорилось о необходимости провести подготовительные мероприятия по расселению выселенных в Кустанайской, Акмолинской, Актюбинской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и Семипалатинской областях из расчета по 15–20 тыс. человек на область. Выселенные поляки

в местах высылки должны были стать на учет в соответствии с приказом НКВД СССР № 001223. Все высланные получали паспорта с указанием в графе 10 о том, что паспорт действителен только в пределах района, определенного для проживания [164, с. 142].

По мнению А. Э. Гурьянова, в ходе каждой из четырех депортаций были выселены разные категории граждан: в феврале 1940 г. – «спецпереселенцы-осадники» (или «осадники лесники»); в апреле 1940 г. – «административно высланные» (члены семей польских офицеров, полицейские, жандармы, государственные служащие, помещики, фабриканты и участники повстанческих движений; в конце июня 1940 г. – «спецпереселенцы-беженцы» (прибывшие с территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, оккупированных немцами); в мае–июне 1941 г. – «ссылнопоселенцы» (граждане довоенного польского государства) [92, с. 114–116]. Необходимо отметить, что по прибытии на место последние имели заметное преимущество перед «осадниками» (по обустроенности жилищ, в снабжении продовольствием, зимней одеждой и т. д.). Это являлось одной из главных причин того, что у «осадников» смертность была в несколько раз выше, чем у ссыльнопоселенцев и беженцев.

В отличие от соплеменников, высланных в 1936 г. из Западной Белоруссии и Западной Украины, прибывшие были лишены избирательных прав. «Осадники» и беженцы стали первым контингентом, который не был включен в состав «трудпоселенцев» и существовал на спецпоселении как бы параллельно с последними. Именно к ним впервые был применен термин «спецпоселенцы», поглотивший впоследствии термины «спецпереселенцы» и «трудпоселенцы» [107, с. 63–65]. «Осадники» и беженцы содержались отдельно друг от друга. Совместное их проживание в одном спецпосёлке не допускалось. При этом у «осадников» и беженцев существен-

но различался национальный состав. Среди «осадников» доля поляков составляла 82,6%, а среди беженцев – 11,4%; доля евреев среди «осадников» – 0,17%, украинцев – 15,7% и белорусов – 2,3%. Эти данные отражают национальный состав тех, кто находился на спецпоселении, но не всех депортированных польских граждан [164, с. 77].

В годы войны польские граждане прибывали в Казахстан не только из Польши. Так, в конце 1941 г. Государственный комитет обороны СССР принял решение о переводе части польских граждан из Узбекистана в Южно-Казахстанскую, Джамбульскую области Казахской ССР. Общее их количество составило 48 тыс. человек [108, с. 8].

До сих пор существуют сильные расхождения в оценках численности депортированных в 1940–1941 гг., в т. ч. депортированных этнических поляков в Казахстан. По некоторым польским источникам, из Польши в СССР в 1940–1941 гг. было вывезено 1,6–1,8 млн поляков [96, с. 279]. Большинство исследователей считают эти цифры преувеличением и полагают, что число высланных поляков колеблется в пределах 380–400 тысяч при общем количестве депортированных в 470–600 тысяч.

Согласно советским документам, на сентябрь 1941 г. арестованных и высланных из Западной Белоруссии и Западной Украины бывших польских граждан насчитывалось 389 382 человека, из них в тюрьмах и лагерях находилось 120 960 человек, в спецпоселениях («осадники» и др.) – 243 106 человек, в лагерях военнопленных – 23 543 человека [151, с. 124].

По данным Государственного архива Карагандинской области, накануне Великой Отечественной войны на территорию Казахстана было выслано 104 тыс. поляков и членов их семей [47, л. 35].

Основываясь на документах Центрального государственного архива Республики Казахстан, общее количество польских

граждан в Казахстане в 1941 г. составило 61 092 человека, основная их часть была расселена в сельской местности в совхозах и колхозах [48, л. 1–4].

В работе «Депортации народов в Казахстан в 1936–1957 гг.» Н. А. Абуов обращает внимание на то, что с 1940 по 1941 г. было депортировано от 309 до 321 тыс. польских граждан [70, л. 46].

В фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан сохранилась справка НКВД, в которой указано, что на начало 1942 г. количество польских граждан в Казахской ССР составляло 103 757 человек [47, л. 35], и по областям они были расселены следующим образом: Южно-Казахстанская область – 25 998 человек; Джамбульская область – 22 051 человек; Северо-Казахстанская область – 12 362 человека; Кустанайская область – 5317 человек; Павлодарская область – 9233 человека; Семипалатинская область – 9000 человек; Актюбинская область – 5646 человек; Восточно-Казахстанская область – 454 человека; Алма-Атинская область – 184 человека; Кызыл-Ординская область – 1000 человек; Карагандинская область – 373 человека; Гурьевская область – 187 человек; Западно-Казахстанская область – 159 человек; Ақмолинская область – 7793 человека; работающих на строительстве железной дороги Ақмолинск – Карталы – 4000 человек [16; 63, л. 9].

Несмотря на огромный недостаток рабочих рук во всех отраслях народного хозяйства Казахстана, трудовое использование спецпоселенцев было организовано крайне плохо. В Павлодарской области трудоспособные переселенцы использовались на 45%, в Ақмолинской области – на 35%. Из 8700 человек, расселенных в Кустанайской области, трудоустроено было только 33% – 2901 человек [61, л. 24]. Из 11 200 человек в Павлодарской области трудоустроено только 59% – 6701 человек [65, л. 104–115]. Если в каждую область было расселено в среднем по 8500 человек, то в Северо-Казахстанскую

область было направлено 28 000 человек – семей репрессированных бывших чинов польской армии, полиции, помещиков и капиталистов, профессиональных проституток и деятелей буржуазно-националистических партий. Переселенцы, не пользуясь государственной помощью при трудоустройстве, размещались по имеющимся населенным пунктам, совхозам и кустарно-промысловым артелям [50, л. 115–116].

В письме секретаря Северо-Казахстанского областного комитета КП(б)К обращалось внимание на сложности в трудоустройстве репрессированных: «В нашу область были высланы из Польши двадцать одна тысяча фабрикантов, помещиков, семей репрессированных, которые расселены по селам и аулам во всех районах, кроме Соколовки, Петропавловска, Приишимки и Кызыл-ту, причем в райцентрах никого не оставили. Таким образом, в поселках районов этот контингент составляет от полутора до двух тысяч человек в среднем. При их расселении в колхозах отсутствуют госфонды земель. Особую сложность представляет вопрос трудоустройства. В колхозы, согласно уставу сельхозартели, к работам их не допускают. На почве непредоставления работы имеем случаи бегства, покушения на самоубийство и т. п. Считаем необходимым поставить перед правительством вопрос о специальном решении по трудоустройству этого контингента» [29, л. 304] (считая спецпереселенцев контингентом НКВД, районные и областные партийные и советские организации не занимались вопросами их трудоустройства).

Отсутствие контроля со стороны НКВД и местных исполнительных органов власти за хозяйственно-бытовым и трудовым устройством переселенцев стало для депортированных поляков новой проблемой. Оказавшись в колхозах, поляки претерпевали тяжелые условия адаптации. В ходе проверки трудоустройства поляков, проводимой в ноябре 1940 г. органами НКВД КазССР, были установлены следующие факты:

1) значительная часть переселенцев не имела не только постоянной, но и временной работы;

2) спецпереселенцы не обеспечены жильем, их труд оплачивался произвольно, а в ряде мест совершенно не оплачивался;

3) многодетные семьи не имели возможности материально обеспечить детей, к тому же немало детей-сирот;

4) престарелые и нетрудоспособные не имели почти никаких средств к существованию [60, л. 117].

Только в декабре 1940 г. было принято постановление Центрального Комитета КП(б), согласно которому райкомы и обкомы «обязаны разместить всех спецпереселенцев для работы на промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах и в МТС с учетом наличия жилья и продовольственной базы. Широко использовать труд спецпереселенцев, за исключением педагогической и руководящей работы [60, л. 122].

После нападения на СССР нацистской Германии ситуация кардинально меняется – Советский Союз и Польша в лице эмигрантского правительства в Лондоне становятся союзниками по антигитлеровской коалиции и устанавливают дипломатические отношения. 30 июля 1941 г. было подписано соглашение о восстановлении дипломатических связей между двумя государствами, предусматривавшее меры по созданию польской армии. Подписанный договор («договор Сикорского-Майского») предусматривал помощь в борьбе с фашистской Германией и признавал за «бывшими польскими гражданами» право на восстановление польского гражданства.

Польская армия, отмечалось в соглашении, должна быть сформирована как путем обязательного призыва, так и на добровольных началах. В декабре 1941 г. в результате передислокации польские военные подразделения и тыловые части армии были переведены в Среднюю Азию, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан. В состав подразделений армии должны

были войти польские офицеры и солдаты, заключенные в исправительных лагерях, и польские военные эмигранты.

12 августа 1941 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР, освобождающий «по амнистии» 389 041 «бывших польских граждан». При этом разъясняется, что речь идет об амнистии «польским гражданам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР». «Эвакуированными» же считаются «все бывшие польские граждане, проживавшие на территориях Западной Украины, Западной Белоруссии и Польши до 1939 г.» [151, с. 124].

Сразу по амнистии выйти на свободу смогли далеко не все поляки. В 1941–1942 гг. из лагерей ГУЛага освободили свыше 43 тыс. польских граждан. Из ссыльных реально были освобождены лишь немногие, находившиеся близко от больших городов. Всего в Казахстане из 61 092 человек амнистировано было 51 164 человека [48, л. 1–4]. Естественно, амнистия не распространялась на «советских» поляков «призыва» 1936 г.

Освободившиеся поляки со всех концов СССР устремились в Казахстан и Среднюю Азию, где с января 1942 г. формировалась польская армия. По итогам призыва, в апреле 1942 г. в Казахстане из десяти областных военкоматов в польскую армию было отправлено 5836 человек, из них 215 офицеров, 1511 унтер-офицеров и 4110 рядовых [16, л. 267]. Призыв по областям можно проследить по таблице 6 (см. прил. А, табл. 6).

6 августа 1941 г. командующим польской армией был назначен бывший узник Лубянки генерал Владислав Андерс. Андерс родился в 1892 г. в Варшаве, в 1913 г. был призван в русскую армию, где прошел обучение в кавалерийской школе офицеров резерва. По окончании школы служил в драгунском полке в звании поручика. В начале 1917 г. для повышения военного образования Андерс был направлен в Петроград в Академию Генерального штаба. В этом же году он приступил к формированию первого польского корпуса. В годы русско-

польской войны в 1920 г. Андерс командует 15-м Познанским уланским полком. В годы Второй мировой войны сформировал оперативную группу «Андерс». Войска под командованием генерала Андерса в сентябре 1939 г. защищали Миньско-Мазовецкое направление подступов к Варшаве. Несмотря на упорное сопротивление польских частей, 15 сентября танковые соединения Гудериана прорвали оборону у Миньско-Мазовецка и через два дня Варшава была полностью окружена.

Владислав Андерс

24 сентября генерал Владислав Андерс собрал всё, что осталось от Новогрудской, Кресовской, Мазовецкой и Виленской кавалерийских бригад, и начал пробиваться через расположения вермахта к венгерской границе. 29 сентября Андерс был тяжело ранен в бою с частями Красной Армии и попал в плен. Его поместили в военный госпиталь в Львове, а когда здоровье Андерса немного улучшилось, перевели во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке в Москве.

На территории Казахстана в соответствии с решением Государственного комитета обороны от 25 декабря 1941 г. польские военные соединения размещались на станции Отар Туркестано-Сибирской железной дороги в помещении школы № 29 и в интернате для учащихся, на станции Луговой Туркестано-Сибирской железной дороги в здании

железнодорожной школы № 33 и общежитии колхозной школы [32, л. 51].

Согласно постановлению Южно-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана от 22 января 1942 г. польское войсковое соединение было расположено в пункте Чокпак. Для размещения дивизии в шахтном поселке Чокпак были выделены все пригодные для этого помещения: жилые корпуса № 1–24, в т. ч. и помещение школы; помещение бывшего радиоузла на территории основного поселка; бывший динамитный склад с подсобными помещениями; помещение для гаража со складом горючего и складские помещения; магазин, овощехранилище, столовые на территории поселка; помещение для прачечной, баня и подсобные помещения; помещение хлебопекарни со складскими и подсобными помещениями; надшахтное здание на территории основного шахтного поселка; здание электростанции на территории основного поселка; здание механической мастерской, кузнецы и складские помещения; здание столярной мастерской с пристройками и подсобными помещениями; здание насосной станции на территории основного поселка; здание вентиляционной с подсобными помещениями; все дощатые навесы и сараи, находившиеся на территории поселка; машинное здание на территории станции; недостроенные помещения на разъезде Чокпак [41, л. 26–28].

Солдаты дивизии были из числа бывших амнистированных военных, поэтому среди них было много больных. В докладной записке начальника Турксиба председателю СНК КазССР тов. Ундосанову говорилось, что «после отправки дивизии в поселке Чокпак осталось 800 польских граждан, которые занимают три барака и пионерский лагерь. Среди них много больных тифом, в бараках антисанитария» [3, л. 100]. Письмо с требованием навести порядок было отправлено в штаб армии, находившийся в Янгиюле под Ташкентом.

О результатах проверки санитарного состояния на разъ-

езде Чокпак свидетельствует справка Наркома здравоохранения КазССР: «На разъезде Чокпак находится сборный пункт прибывших польских легионистов. Бараки, в которых они проживают, находятся в антисанитарном состоянии. Значительная часть больных сыпным тифом поляков проживает в обыкновенных палатках, что усугубляет состояние самих больных, среди которых большая смертность. В марте 1942 г. по распоряжению САВО 200 поляков, больных сыпным тифом, были временно помещены в военный госпиталь на ст. Манкент. До настоящего времени госпиталь занят этими больными. В рудном поселке, где находится дивизия, 304 человека больных тифом» [59, л. 101].

За счет эвакуированных и семей польских военных, которые продолжали прибывать в Казахстан в годы войны, численность поляков увеличилась. Так, в справке НКВД указано, что на начало 1942 г. количество польских граждан в Казахской ССР составляет 103 757 человек [63, л. 9], а в работе «Трудовая деятельность и социальное обеспечение польских эмигрантов в СССР в 1943–1946 гг.» Ш. Д. Пиримкулова указано, что на 1 января 1942 г. в областях Казахской ССР числилось 104 207 поляков [184, с. 88].

Шла война, трудно и голодно было всем, но полякам, как «чужакам», выжить было гораздо тяжелее. Попечительство над польскими гражданами в годы войны осуществляло посольство Республики Польша, находившееся в г. Куйбышеве с 1941 по 1943 гг. В Казахстане представительство польского посольства располагалось в г. Алма-Ате и состояло из 12 человек, в числе которых были: Венцек Казимир Янович – представитель польского посольства в Казахстане, Вольский Ян Юльянович – заведующий общим отделом, Бертклевич Сильвестр Антонович – заведующий паспортным столом, Турек Виктор Викторович – секретарь по работе с польскими переселенцами, Ягодзинская Зофия Людвиковна – помощник се-

кретаря, Домбровский Анджей Владиславович – заведующий отделом доверенных, Пиляк Янина Зигмунтовна – заведующая отделом просвещения, Килияк Янна Францевна – заведующая отделом культуры, Сапега Эустах Янович – заведующий отделом розыска родных, Лисевич Казимир Янович – бухгалтер, Меллер Фебус Абрамович – интендант и заведующий складом, врач Полляк Ян Мойжешович [57, л. 11]. Состав регионального посольства утверждался и был подотчетен в своей деятельности перед центральным посольством в Куйбышеве.

Именно по требованию алма-атинского представительства польского посольства в районах, населенных поляками, были организованы территориальные представительства посольства (делегатуры), основная задача которых состояла в осуществлении попечительской деятельности по отношению к польским гражданам. К 1942 г. таких организаций по Казахстану насчитывалось свыше 200. Например, в г. Актюбинске с 1941 г. работала делегатура, состоявшая из 11 человек – военных референтов, врачей, служащих станции. (см. прил. Б, фото 1.) Ее работа была направлена на учет и распределение по районам области эвакуированных поляков [6, л. 16]. В 1942 г. при делегатуре польского посольства было образовано Актюбинское Бюро доверенного лица, состоявшее из 40 человек. При бюро работала амбулатория, магазин, пункт снабжения. Основная задача бюро также заключалась в оказании помощи эвакуированным польским семьям [31, л. 1].

В 1943 г. по ходатайству СНК СССР был образован Комитет по делам польских детей. С поддержки комитета в Казахстане с 1943 по 1944 гг. было открыто 10 детских домов, где нашли приют 976 детей [61, л. 29]. Шефство над детскими домами взял на себя образованный в марте 1943 г. прокоммунистический Союз польских патриотов (СПП) под руководством Ванды Львовны Василевской.

«Ванда Василевская родилась в 1905 г. в Кракове. Писатель-

ница, трижды лауреат Сталинской премии (1943, 1946, 1952 гг.). Дочь одного из лидеров Польского социалистического движения. Высшее филологическое образование получила в краковском университете (1929 г.). В 1943 г. по настоянию Сталина возглавила Союз польских патриотов (СПП). Автор трилогии «Песнь над водами» (1940–1951), в которой писала о борьбе поляков за национальную независимость. В 1943–1945 гг. – главный редактор газеты «Советская Польша». После войны участвовала в пропагандистских кампаниях, в т.ч. по разрушению. Написала повесть «Просто любовь» – «о величии советского гуманизма и силе духа». При жизни названа классиком и ее произведения были включены в школьную программу, но после смерти И. В. Сталина ее творчество было практически забыто».

По распоряжению Наркомпроса детские дома были открыты в следующих областях:

- 1) Атбасарский детский дом в Акмолинской области – контингент 97 чел.;
- 2) Актюбинский детский дом в Актюбинской области – 135 чел.;
- 3) Моюнкумский детский дом Чуйского района Джамбульской области – 71 чел.;
- 4) Ново-Ивановский детский дом Свердловского района Джамбульской области – 60 чел.;
- 5) Мамлютский детский дом Мамлютского района Северо-Казахстанской области – 62 чел.;
- 6) Детский дом № 1 Сайрамского района Южно-Казахстанской области – 145 чел.;
- 7) Детский дом № 2 Сайрамского района Южно-Казахстанской области – 152 чел.;
- 8) Детский дом № 5 Туркестанского района Южно-Казахстанской области – 127 чел.;

9) Семипалатинский детский дом Семипалатинской области – 45 чел.;

10) Кировский детский дом Кировского района Талды-Курганской области – 85 чел. [45, л. 29].

Самые большими по численности детей-сирот были детские дома в Южно-Казахстанской и Актюбинской области.

В детском доме № 2 Сайрамского района Южно-Казахстанской области числилось 152 человека; в детском доме № 5 Туркестанского района Южно-Казахстанской области – 145 детей; в Актюбинском детском доме Актюбинской области – 135 человек; в остальных семи детских домах численность детей в среднем составляла 80 человек. Детские дома в основном располагались в северных и южных областях Казахстана, куда был направлен большой поток переселенцев.

В Западном Казахстане был один детский дом – в Актюбинской области. Актюбинский детский дом открыт согласно постановлению № 388 Исполкома Областного Совета депутатов трудящихся 1 июня 1944 г. и носил имя Ванды Василевской. (см. прил., Б, фото 2) Рассчитан он был на 70 детей, с утвержденным бюджетом 278,4 тыс. рублей. Первым директором детского дома была назначена Кемиска Елена Марияновна, полька из числа переселенцев, педагог по образованию. Остальной штат сотрудников составлял 16 человек, 13 из них поляки [4, л. 235]. Воспитателей – 7 человек, вспомогательный персонал – 9 человек; с высшим образованием – 5 человек, средним образованием – 8 человек и начальным образованием – 2 человека. С мая 1945 г. директором детского дома назначена Франчукова Анеля Яновна [64, л. 67].

Облоно Актюбинской области обеспечило Актюбинский детский дом помещением, жестким инвентарем и полным штатом воспитателей. Для размещения детского дома было выделено помещение барачного типа в центре города по улице

Красноармейской. С июня 1944 г. в детский дом стали прибывать дети-поляки по путевкам из других детских домов области. Из Джурунского детского дома прибыло самое большое количество детей – 57 человек. В 1942 г. при Джурунском детском доме были открыты ясли для 20 польских детей 1938–41 годов рождения [36, л. 5]. Из Челкарского, Хобдинского, Алгинского детских домов в детский дом им. Ванды Василевской прибыло по 7–10 человек.

На конец 1944 г. численность детей в Актюбинском детском доме составила 87 человек [4, л. 232]. Из колхозов в детский дом направляли сирот, родители которых либо умерли, либо попали в тюрьмы. В 1944 г. со всех колхозов и совхозов в детский дом прибыло 36 человек. Все дети, согласно учетным документам, 1930–39 годов рождения, прибыли с территории Польши – городов Гродно, Вильно, Леско, Лович. У 10-ти воспитанников документы были утеряны. Согласно сведениям о родителях, у большей части детей матерей нет, а отцы в армии или в плену [4, л. 233].

К 1945 г. количество детей в детском доме увеличилось до 135 человек. Большинство из них были школьного возраста и только 20 детей дошкольного возраста. 50% детей нуждались в лечении, основная причина заболеваний – дистрофия, малокровие, заболевания желудка. Несмотря на сложности военного времени, в детском доме проводилась воспитательная работа, работали кружки (хоровой, драматический, танцевальный и т. д.) [4, л. 239].

6 июля 1945 г. было принято советско-польское соглашение о возврате на родину детей польской и еврейской национальностей. В инструкции к соглашению говорилось, что переселению подлежат дети-сироты и те, кто имеет отца в польской армии, а также дети поляки и евреи, находящиеся у граждан, и чьи родители находятся на территории СССР и

желают выйти из советского гражданства.

Переселению не подлежали дети без родителей, не достигшие 14-летнего возраста, а также дети не польской национальности. Заявление от детей на выезд должно было быть в письменной форме, принимали заявления только у детей в возрасте от 14 до 18 лет [64, л. 69].

В соответствии с постановлением СНК СССР от 10 ноября 1945 г. № 2863-830 в областях были созданы специальные комиссии по рассмотрению списков и заявлений детей. В Актюбинской области в комиссию входило 4 человека, возглавил ее заместитель начальника областной прокуратуры С. Г. Лиманский [35, л. 5]. Из всех 135 детей Актюбинского детского дома два ребенка были усыновлены (Богуслав Зеленский и Цевея Химич) жительницей поселка Эмба П. И. Тереховой [64, л. 49]. У троих детей родители находились в заключении (Т. Пенкевич, А. Ярмозик, Б. Шыбловска), поэтому эти три воспитанника детского дома не смогли эвакуироваться. Детский дом был ликвидирован 15 апреля 1946 г. [64, л. 20].

30 июня 1943 г. Совнаркомом СССР принял постановление за № 710 об организации школ для детей-поляков. На основании постановления организацией школ занимался Наркомат просвещения КазССР и исполкомы областных советов. В постановлении были даны четкие распоряжения:

- 1) обеспечить организацию обучения детей-поляков на родном языке;
- 2) школы организовать при наличии учащихся для начальной школы не менее 25 человек, средней школы – 10 человек;
- 3) обеспечить школы учительскими кадрами для преподавания на польском и русском языках;
- 4) для детей, проживающих в отдалении от школы, организовать интернаты;

5) обязать облоно обеспечить финансирование организации школ;

6) включить школы для польских детей в общую сеть школ [40, л. 33].

Содействие в организации школ областным исполкомам оказывал Союз польских патриотов (СПП).

Организация школ проходила крайне медленно, основная причина – плохая укомплектованность классов и недостаток учителей. Школьные здания были не приспособлены к проведению занятий, особенно в зимнее время. Согласно отчетам Наркомата просвещения КазССР, на 1943–1944 учебный год было открыто 56 школ с охватом обучающихся детей в количестве 6687 человек [23, л. 24].

1 июля 1945 г. для подготовки учителей польских школ были организованы курсы, рассчитанные на 2 месяца обучения в Москве. На курсы было направлено 50 учителей из областей, где были открыты польские школы: Алма-Атинской, Талды-Курганской, Джамбульской и Акмолинской [54, л. 12]. Здесь необходимо сделать оговорку, что школы были открыты, в основном, в областях северного и южного Казахстана, где наблюдался наибольший приток переселенцев.

Согласно отчетам по итогам работы первого полугодия 1944–1945 учебного года, лучшие результаты были достигнуты в Джамбульской средней школе для польских детей им. А. Мицкевича.

Приведем выдержку из отчета о состоянии учебно-воспитательной работы в школе:

«1. Занятия в школе ведутся в две смены. За первое полугодие несколько раз менялось расписание из-за изменений в составе учительского коллектива (преподавателя английского языка, а главным образом, военрука, работавшего в школе короткое время).

2. Итоги полугодовой аттестации показывают следующую картину: из общего количества учащихся 545 не аттестованных оказалось 91 учащийся (это объясняется перерывами в занятиях), отличников – 50, с двойками – 61 учащийся.

3. Вследствие продолжительных перерывов в связи с морозами программа по многим предметам не выполнена.

4. Дисциплина учащихся в общем удовлетворительная. Учащиеся ведут себя хорошо на уроках, в школе и вне школы.

У многих ребят школы русский язык стал как бы вторым родным языком. Этот факт, с одной стороны, облегчает обучение русскому языку (подчас у детей, особенно младшего возраста, безупречное произношение и ударение, правильный русский слог), с другой стороны, мешает усвоению польского языка. Преподавание родного языка направлено на борьбу за чистоту польского языка. Появление "Книг для чтения" ("Crytanki") для начальных классов дало возможность улучшить преподавание родного языка. В 5–7 кл. основой преподавания литературы служат сборники избранных произведений польских писателей (Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, Марии Конопницкой). В 8–10 кл. преподаватель проводит работу на основе подробных конспектов.

5. В школе изготавливаются самодельные наглядные пособия (орфографические таблицы, исторические карты, простые приборы по физике).

6. До получения программы по истории Польши и учебника географии Польши эти дисциплины преподавались в довольно скудном объеме. Преподавателям трудно было восстановить в памяти необходимый учебный материал» [25, л. 108].

Кроме польской школы в г. Джамбуле 23 ноября 1944 г. был открыт польский детский сад на 60 детей в возрасте от 3-х до 7 лет. Кандидатуры воспитателей детского сада (3 чел.) были утверждены СПП и имели опыт работы с детьми [25, л. 115].

Открытие детских садов по другим городам было проблемным из-за недостатка финансовых возможностей.

Вся воспитательная работа в детском саду проходила под контролем СПП. Выдержка из отчета по воспитательной работе детского сада в г. Джамбуле свидетельствует о том, что «режим строго соблюдается. Сон не проводится из-за недостатка помещения. Но летом, когда старшая группа отдыхала на воздухе, младшая группа спала на одеялах, расстеленных на полу.

Дети питаются 3 раза в день и получают достаточно продуктов как в качестве, так и в количестве. Прогулки проводятся очень часто. В большинстве дети гуляют на лугу детсада, где проводятся подвижные игры.

Воспитательная работа с детьми заключается в следующем: воспитание в детях организованности, дружеских отношений, уважения к взрослым, любви к труду, гигиенических навыков, обращение с карандашами и другими материалами.

Большое внимание уделяется воспитанию в детях любви к своей Родине и Советскому Союзу. Для развития любви к Польше проводятся частые беседы, рассказы о героях, разучивание стихотворений, инсценировка стихов, народные песни и пляски. Для этого используется детская газета «Огонек» и материалы из «Комполь-Дета» [25, л. 106–107].

Положение поляков решительно ухудшилось после возникновения напряжения в отношениях между правительством Польши в Лондоне и правительством Советского Союза. Сталин требовал, чтобы армия Андерса как можно быстрее была направлена на фронт вместе с Красной Армией. Однако солдаты, большая часть которых бывшие заключенные, были ослаблены, а продовольственные нормы урезались. Голод грозил не только солдатам, но и гражданскому населению, пребывавшему в местах концентрации войска. В этой сложной в политическом и моральном плане обстановке Владислав Ан-

дерс принял предложение англичан о выводе армии в Иран. Советское правительство дало свое согласие на вывод армии, но отношения с Польшей окончательно ухудшились.

В сентябре 1942 г. армия Андерса (119 855 чел., из них 76 100 военнослужащих и 43 755 членов их семей) была выведена с территории СССР в Иран. Впоследствии она доблестно сражалась в Северной Африке, Италии, Франции и Голландии [7, с. 40–45].

С армией Андерса ушли далеко не все. Определить численный состав оставшихся поляков сложно из-за отсутствия их регистрации. Известно только, что с 1941 по 1943 г. из-за болезни в армии умерло 11 516 человек (в Узбекистане и Казахстане недавно восстановлены 14 польских кладбищ, на которых похоронены солдаты армии Андерса). Положение усугубляло еще и то обстоятельство, что после выхода армии Андерса из СССР в Казахстане и Узбекистане осталось много беспомощных стариков, инвалидов, женщин и детей – в основном, членов семей ушедших солдат [7].

После того, как армия Андерса была выведена из СССР, советское командование начало формирование новой, теперь уже полностью подконтрольной коммунистам армии. 8 мая 1943 г. Государственный комитет обороны СССР принял решение о создании польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко, командующим дивизии был назначен Ж. Берлинг.

«Берлинг Жыгмонт Хенрик родился в 1896 г. в Лиманова, близ Кракова. Польский военный деятель, генерал брони. В 1915 г. вступил в Польский легион Ю. Пилсудского, сражавшийся на стороне австро-венгерской армии; первоначально служил во 2-м, затем в 4-м полку, командир взвода, роты. В мае 1918 г. перешел на службу в австро-венгерскую армию, служил в 32-м пехотном полку. В ноябре 1918-го вступил в Войско Польское лейтенантом 4-го пехотного полка. Прини-

Ж. Берлинг

мал участие в советско-польской войне 1920 г.

Офицеры, служившие с ним, впоследствии отмечали полное отсутствие у Берлинга военных талантов. В июле 1939-го вышел в отставку. Во время польской кампании Берлинг оставался в своем доме в Вильно, где и был арестован НКВД и помещен в Старобельский лагерь, где содер-

жалось около 7,5 тыс. польских офицеров. В плену согласился сотрудничать с органами государственной безопасности, и в октябре 1940 г. был переведен в специальный лагерь для польских офицеров, симпатизировавших коммунистам. 22 июня 1941 г. первым подписал письмо 13 польских офицеров к советскому правительству, в котором содержалась просьба предоставить им возможность сражаться против Германии. С 1943 г. член Организационного комитета по созданию Союза польских патриотов».

Дивизия принимала участие в боях в составе советских войск. Нужно отметить, что в этой армии лишь незначительное количество постов занимали поляки, в основном же она была укомплектована гражданами СССР (часто сюда набирали по принципу – фамилия похожа на польскую).

Во вновь созданную дивизию было передано из армии Андерса 36 510 человек. Вскоре дивизия была преобразована в Польский корпус, а затем в первую Польскую армию СССР,

сражавшуюся вместе с советскими войсками и принимавшую участие в освобождении Польши [108, с. 10].

Армия Андерса, выведенная в Иран, в дальнейшем принимала участие в боях за освобождение Италии. Корпус Андерса закончил войну 21 апреля 1945 г. После войны его армия насчитывала 112 тыс. бойцов. В союзных войсках рассматривался вариант использования армии для несения гарнизонной службы в Германии, но в итоге было решено ее расформировать. Сам Андерс и почти все офицеры и 14 тыс. солдат приняли решение не сразу возвратиться в Польшу, а вступить в польский вспомогательный корпус под английским командованием. В сентябре 1946 г. по предложению генерала Жимерского генерал Андерс и военнослужащие вспомогательного корпуса были лишены польского гражданства, это сделало невозможным их возвращение в Польшу.

12 мая 1970 г. Владислав Андерс умер в одной из клиник Лондона и согласно его завещанию был похоронен на военном кладбище в Монте-Кассино, рядом с солдатами его армии, погибшими в мае 1944 г.

По данным из «Особой папки Сталина», в 1943 г. в Казахстане проживало 76 942 поляка из 256 077 поляков, проживавших в СССР [62, л. 382]. По отчетным справкам НКВД, в КазССР на 1 октября 1943 г. поляки в количестве 64 267 человек расселялись по 14 областям Казахстана [37, л. 37–38] (см. *прил. А, табл. 7*).

Такая динамика численности лиц польской национальности была связана с эвакуацией частей армии Андерса и созданием 1-ой Польской армии.

В июле 1944 г. численность поляков в Казахстане увеличилась до 95 742 человек. Значительное изменение в численности происходило в результате переселения поляков из других районов СССР. Так, в соответствии с постановлением

СНК СССР от 5 апреля 1944 г. было произведено переселение 26 885 поляков из некоторых северных районов в южные районы СССР [184, с. 94]. Следует отметить, что к 1944 г. из 159 542 поляков, проживавших во всех республиках Средней Азии, в Казахстане их было больше всего – 95 742 человека [184, с. 88].

С уходом армии Андерса советское правительство прекратило оказание помощи полякам. Полностью были свернуты организации, созданные под патронажем польского посольства, в т. ч. польские делегатуры. Впоследствии из-за враждебности властей спецконтингенту особенно трудно было рассчитывать на помощь, однако следует признать, что советские власти помощь полякам все-таки оказывали.

В мае 1943 г. СНК издал постановление «Об улучшении материальной помощи полякам, эвакуированным в тыловые районы СССР». В соответствии с документом были созданы комиссии общественной помощи эвакуированным полякам. Комиссии были созданы в 11 городах Казахстана, они выявляли семьи остро нуждающихся и оказывали им имущественную помощь в виде единовременного пособия 600 рублей и обеспечение одеждой, обувью, продуктами питания [124, л. 5].

Поляков стали активно призывать в трудовую армию. Рабочие колонны формировались из числа спецконтингента для работы в угольных, металлургических и других стратегически важных отраслях СССР и Казахстана. Мужчин, мобилизованных в трудовую армию, направляли, в основном, в Караганду, Челябинск, Воркуту и другие города, женщин – для работы на фабриках и в артелях стратегического значения [11, с. 46]. Например, в феврале 1943 г. в Актюбинске была открыта артель «Рекорд», в которой работало 85 человек. (см. прил., Б, фото3) Артель представляла собой швейную фабрику по пошиву одежды [11, л. 12–14]. С 1943 по 1945 г. в

Джурунском районе Актюбинской области в поселке Джурун работала сельхозартель «Дружба», которая занималась обработкой сельхозсырья и пошивом обуви и изделий из шерсти (рукавицы, носки, шапки). В артели работало 110 человек: 93 женщины и 17 мужчин. Все они были родственниками польских военнослужащих [5, л. 170].

Впрочем, официальной помощи всё равно не хватало. Как один из примеров, можно привести письмо председателя исполкома Джамбульской области самаркандскому уполномоченному по снабжению эвакуированных поляков от 15 декабря 1943 г., в котором говорится: «В Джамбульской области очень серьезное дело с поляками. Здесь проживает приблизительно 25 тыс. поляков. Материальное их состояние катастрофическое» [28, л. 2–3].

Но несмотря на катастрофическое положение поляки старались сохранить свою веру, национальное самосознание и культуру, проявляя в то же время интерес к окружающей их национально-культурной и природной среде. Известный польский поэт-футурист Александр Ват написал в Казахстане свое знаменитое стихотворение «Ивы в Алма-Ате». Другой польский поэт Ян Хуца пишет в Казахстане свой поэтический сборник. Вместе с тем старожилы вспоминают, что присутствие поляков – и военных, и гражданских – в какой-то степени изменило их быт. Ведь никогда прежде в тамошних городах не звучало столько классической музыки, прежде всего Шопена и Огинского. Кроме того, среди полек было много отличных портних, что тоже определенным образом повлияло на местный «стиль» [113, с. 50].

6 июля 1945 г. было подписано советско-польское соглашение, согласно которому все бывшие польские граждане, имевшие польское гражданство до 17 сентября 1939 г., получили право на возвращение в Польшу. В соответствии с постановлением СНК СССР от 29 ноября 1945 г. за № 791-121сс

в КазССР была организована комиссия по переселению бывших польских граждан на родину. В комиссию были включены: заместитель председателя СНК КазССР А. П. Заговельев (председатель), сотрудник НКВД КазССР П. П. Белюков, прокурор КазССР А. П. Чурбанов, сотрудник НКГБ КазССР Н. П. Володин [113, л. 156]. В областях Казахстана создавались отделы, куда желающие реэвакуироваться должны были написать заявление о выходе из советского гражданства. Согласно сведениям НКВД КазССР, на 7 января 1946 г. всего по республике было принято 35 512 заявлений, передано на рассмотрение комиссии 19 210 заявлений, рассмотрено комиссией 15 703 заявлений [46, л. 32].

С января 1946 г. началась массовая реэвакуация, сопровождаемая торжественными проводами, так как многие поляки обзавелись в изгнании друзьями и знакомыми. Реэвакуация была хорошо организована. Перед отъездом проводился медосмотр, были сделаны прививки против брюшного тифа и оспы и произведена санобработка людей и вещей. В целом, относительно быстрые темпы реэвакуации привели к тому, что к весне 1946 г. основная масса поляков, депортированных в 1940–1941 гг., выехала на родину.

По итоговым данным, на июнь 1946 г. из 55 177 поляков, учтенных в 16 областях Казахстана, в Польшу было отправлено 52 292 человека. Количество реэвакуированных поляков по областям можно проследить по таблице 8 (см. *прил., табл. 8*) [46, л. 24].

Согласно сведениям, указанным в таблице, без учета Джамбульской и Западно-Казахстанской областей, 723 человека (взрослых) не смогли выехать. Самая распространенная причина – отсутствие документов, подтверждающих польское гражданство. Не смогли выехать на родину поляки, которые не знали о реэмиграции либо по состоянию здоровья,

либо находившиеся в то время в лагерях, попав туда «по второму заходу» в 1943–1945 гг.

В октябре 1947 г. Министерство просвещения КазССР приняло постановление об отправке оставшихся в детских домах и на поселении у граждан польских детей. Сборным пунктом для отправки был определен Чкаловский специализированный детский дом, находившийся на станции Чкаловская Московской области Щелковского района [33, л. 154]. В январе 1951 г. в Польшу были отправлены подростки, достигшие 18 лет, на которых имелись запросы о возвращении в Польшу, а в ноябре 1951 г. были отправлены последние пять человек детей, желавших выехать на родину [53, л. 83]. Подростки, достигшие 14 лет, не желавшие выехать в Польшу и написавшие соответствующее заявление, отправке не подлежали.

Оставшиеся после проведения реэвакуации поляки вошли в состав польского населения Казахстана, сформированного в послевоенный период. К ним следует добавить военнослужащих 1-й и 2-й армий Войска Польского из числа бывших ссыльных, вернувшихся в СССР за семьями, но права на выезд в Польшу так и не получивших. На высланных в 1936 г. поляков соглашение о реэвакуации вообще не распространялось. Все они в совокупности составили польское население Казахстана на начало 50-х гг. XX в. Надо отметить, что положение их, как и спецпереселенцев других национальностей, еще целое десятилетие определялось постановлением СНК от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», ограничивавшем не только свободу передвижения, но и возможность получения образования и хорошей работы.

Занятость спецпоселенцев в 1950-е гг. можно проследить, основываясь на документальном фонде 708 Архива Президента Республики Казахстан по Кокчетавской области, которая являлась районом компактного проживания поля-

ков-спецпоселенцев. Согласно информационной справке по Кокчетавской области, на начало 1950 г. большую часть поляков области составляли поляки-выселенцы 1936 г. – 5411 семей или 19 517 человек. Учтено трудоспособных 6763 человека, из них 328 подростков, и 279 человек не трудоустроенных. Дети школьного возраста – 4593 человек, из них в школе не учились 1050 человек [12, л. 24-27]. Обкомы КП(б) К и райкомы партии принимали меры по устройству спецпоселенцев и усилению массово-воспитательной работы с целью привлечения их к работе в колхозах, совхозах, МТС, которые в послевоенный период испытывали нехватку рабочих рук.

В 1951 г. в отчетах о выполнении постановления ЦК КП(б) Казахстана от 20 февраля 1951 г. «О работе среди спецпоселенцев по Кокчетавской области» указывалось, что поляки-спецпоселенцы, в основном расселенные по Келлеровскому, Красноармейскому, Чкаловскому и Айыртаускому районам области, привлечены для работы в сельских советах, работали бригадирами полевых и тракторных бригад, заведующими ферм колхозного животноводства, шоферами, трактористами и комбайнерами.

В 1951 г. Лобановская школа механизации сельского хозяйства Арык-Балыкского района подготовила и выпустила 147 специалистов сельского хозяйства: комбайнеров – 50 человек, поляков среди них 17; трактористов – 97 человек, поляков среди них 13 человек. В отчете также указывалось, что местные партийные и советские организации широко популяризировали лучших передовиков производства среди спецпоселенцев. Так, «комбайнеру Красноармейского МТС т. Женскому Иосифу Адольфовичу 21 августа присвоено звание Героя Социалистического Труда за достижение высоких показателей на уборке урожая в 1950 г.» [27, л. 155].

Передовая часть спецпоселенцев была охвачена социалистическим соревнованием. В приведенной отчетной справке говорится, что «Островский Владимир, работая кузнецом Алабатинского мясосовхоза, дневную норму выполняет на 222%, Синявский Константин – машинист К-6 с начала сенокоса скошил 515 га, за пятидневку – 124 га» [27, л. 163]. В ней также приводятся сведения о спецпоселенцах-поляках – награжденных работниках сельского хозяйства по Чкаловскому району Кокчетавской области: председатели колхозов – всего 10 человек, награжден 1 человек; работники мтс – всего 426 человек, награждено 8 человек; комбайнеры – всего 66 человек, награждено 11 человек; трактористы – всего 130 человек, награжден 1 человек; сельхозотдел с участками – всего 28 человек, награжден 1 человек; ветработники – всего 13 человек, награжден 1 человек; рабочие совхоза – всего 127 человек, награжден 1 человек.

Согласно документу, из 3966 поляков-спецпоселенцев Чкаловского района 24-м было присвоено звание Героя Социалистического Труда [27, л. 95]. Здесь необходимо отметить, что Чкаловский район Кокчетавской области на 1952 г. насчитывал самый большой состав спецпоселенцев-поляков – 6412 человека. Численность спецпоселенцев-поляков по другим районам Кокчетавской области можно проследить по таблице из архивных документов [27, л. 150–154] (см. *прил. А, табл. 9*).

Таблица подтверждает большую численность спецпоселенцев-поляков в Чкаловском и Келлеровском районах Кокчетавской области. В 27 колхозах Кокчетавской области имелось 29 бюджетных культурно-просветительных учреждений, из них 27 изб-читален и 2 сельские библиотеки (Яснополянская и Ново-Гречановская Чкаловского района). Книжный фонд Яснополянской сельской библиотеки составлял 2659 экземпляров книг и Ново-Гречановской – 2680 экземпляров книг.

Избы-читальни имели от 300 до 600 экземпляров книг, большая часть литературы на русском языке и лишь небольшое количество на казахском и польском языках. В системе культурпросветучреждений работало 30 человек из числа переселенцев-поляков, из них 7 человек – члены ВЛКСМ и 2 – члены КП(б)К.

Поляки привлекались для руководящей и комсомольской работы. Согласно информации, по Чкаловскому району среди польских активистов работали: секретари комсомольской организации – 11 человек; члены РК ЛКСМК – 4 человека; заведующие избами-читальнями – 13 человек; старшие пионервожатые – 10 человек; председатели колхозов – 1 человек (Ч. И. Башинский – село Ясная Поляна); председатели сельских советов – 6 человек (С. Поплавский, И. Сидорский, Б. Боровский, Г. Янке, И. Дудковский, К. Лисовский – село Ясная Поляна); секретари сельского совета – 6 человек; депутаты сельского совета – 7 человек; агитаторы – 39 человек; руководители агитколлективов – 3 человека [27, л. 94].

Специальным приказом Министерства просвещения КазССР под особый контроль была поставлена работа с учителями-спецпоселенцами, которые были освобождены от преподавания гуманитарных дисциплин. Данная категория активно была охвачена политехбой в системе политпросвещения.

По Чкаловскому району к 1952 г. в системе просвещения района работало 119 поляков, а именно: аппарат районо – 3 человека; директора школ – 5 человек; завучи школ – 5 человек; заведующие начальной школой – 4 человека; учителя – 102 человека. Все учителя имели образование: 20 человек – высшее, 28 – незаконченное высшее, 45 – среднее и 9 человек – незаконченное среднее образование. Всего по Кокчетавской области числилось 224 учителя-поляка. Работали они учителями математики, физики, химии, рисования или были учителями начальных классов [27, л. 88].

В 50-е гг. среди поляков проводилась активная антирелигиозная политика. В отчетах по областям сообщалось, что во всех спецпоселенческих пунктах существуют молитвенные дома, в которых наряду с религиозными обрядами проводится активная антисоветская агитация, отрывающая молодежь от общественной жизни. Активистов религиозных сект наказывали и привлекали к уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР. Из справки МГБ Кокчетавского обкома КП(б)К «...Среди поляков и немцев распространен религиозный фанатизм, только в Чкаловском районе области в 14 спецпоселенческих селах есть молитвенные дома. В 1951 г. в селе Калиновка ликвидирована религиозная группа, руководимая Шульцом Адольфом Готлибовичем и Вольским Вильгельмом Августовичем, которые собирали для религиозных обрядов до 30–40 человек, а один раз вывели колхозников на кладбище для молебна до 400 человек. Организаторы арестованы и привлечены к уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР» [58, л. 15].

Несмотря на проводимую среди поляков агитационную работу, режим спецпоселения они всё же нарушали, что выражалось в несвоевременной явке на контрольную регистрацию без уважительных причин; самовольных отлучках за пределы спецкомендатуры без разрешения РО МГБ. За нарушение режима спецпоселения поляки наказывались в административном порядке штрафами или арестами. Только за 1952 г. зафиксировано 262 случая нарушений режима регистрации: оштрафован 211 человек, арестован 51 человек [27, л. 140].

Деятельность поляков находилась под строгим идеологическим контролем со стороны МГБ. За антисоветские проявления поляки-спецпоселенцы привлекались к уголовной ответственности и осуждались по ст. 58, ч. 10 УК РСФСР. Приведем выписки из протоколов МГБ по антисоветской деятельности поляков-спецпоселенцев на 1952–1953 гг.:

«Административно ссыльный Чаша Бернольд Аркадьё-

вич, 1906 года рождения, уроженец деревни Тертеж Жлобинского района Гомелевской области, по национальности поляк. Осужденный на 10 лет ИТЛ. Находившийся в ссылке на поселении. После отбывания срока наказания арестован УМГБ КО 11 марта 1952 г. за проведение антисоветской агитации. 19 апреля 1952 г. Кокчетавским областным судом Чаша Б. А. осужден на 10 лет ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет.

Зарицкая Зофия Петровна, 1928 года рождения, полька, работала старшей пионервожатой в селе Казгородок Энбекшильдерского района. Являясь спецпоселенкой, вела пропаганду и агитацию, возводя клевету на советскую власть. Предсказывала неизбежность изменения существующего строя в СССР. За что 2 августа 1952 г. арестована органами МГБ и осуждена по ст. 58, ч. 10 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах.

Петровский Мечислав Станиславович, 1915 года рождения, поляк, работал электриком в Кусепской МТС Кокчетавского района. Будучи враждебно настроенным к советской власти, в период 1949–1952 гг. систематически среди рабочих Кусепской МТС проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, направленную против мероприятий, проводимых партией и советским правительством, опошляя колхозный строй и условия жизни в СССР, восхваляя строй и порядки в капиталистических странах. За что 14 октября 1953 г. был арестован органами МГБ и привлечен по ст. 58, ч. 10 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет» [27, л. 123–124].

Продолжая тему борьбы с антисоветской деятельностью поляков, приведем в пример докладные записки начальника госбезопасности по Кокчетавской области подполковника Исмаила Исмамбетова, на основании которых МГБ принимало меры по уголовному наказанию антисоветчиков:

«Спецпоселенец-поляк Осинский Казимир Николаевич, 1890 года рождения, проживающий в колхозе VIII съезд Советов Чкаловского района, восхваляя жизнь при царском режиме, высказывал следующее: “Люди в Советском Союзе эксплуатируются государством”.

Спецпоселенец-поляк Вансович Филипп Иванович, 1891 года рождения, проживающий в селе Терновка Красноармейского района, касаясь работы XIX съезда партии, в начале октября с. г. среди других спецпоселенцев говорил: “Весь народ ожидает съезд компартии, но я его не ожидаю, так как съезд для меня ничего хорошего не дает. Скоро будет война в 1952 или в 1953 г., согласно Библии она продлится 40 дней и советское государство будет разбито, и снова будет такая жизнь, как до революции”.

Аналогичное мнение выражает и спецпоселенец-поляк Мозалевский Иосиф Францевич, проживающий в селе Раисовка Рузаевского района Кокчетавской области. Последний высказался: “Нам только дожить до весны этого года, весной будем жить вольно, на свободе, так как Америка, Англия и Франция пойдут войной против СССР и в этой войне одержат победу, а нас освободят от спецпоселения”» [27, л. 133].

Тем не менее для нормальной жизнедеятельности спецпоселенцев необходимы были соответствующие условия, только это могло позволить эффективно проводить среди них массово-политическую работу и использовать их труд на благо государства. 5 июля 1954 г. ЦК КПСС принимает постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», согласно которому спецпоселенцам, стоявшим на учете и занимавшимся общественно-полезным трудом, предоставлялось право проживания в пределах области республики. Снимались с учета и дети спецпоселенцев старше 16-ти лет, принятые и направленные в учебные заведения. Им разрешалось выезжать к ме-

стам учебы в любой пункт страны. В целях широкого привлечения спецпоселенцев к общественно-полезному труду в сельском хозяйстве и в промышленности республики, закрепления их в местах расселения и привлечения к общественно-политической жизни было решено принять меры по трудоустройству всех спецпоселенцев и обеспечению условий для обучения работающим подросткам и детям в вечерних и общеобразовательных школах [108, с. 90].

В 1954 г. наметился некоторый приток поляков в Казахстан из других регионов СССР, в основном из Белоруссии. Это происходило в рамках многотысячной миграции по всесоюзной программе освоения целинных земель. Причем поляки сыграли заметную роль в освоении целины. Так, например, в Кокчетавской области среди руководителей районного звена (председателей колхозов, работников местных органов власти и т. д.) они составляли довольно значительную часть.

Тогдашняя миграция поляков в Казахстан происходила параллельно со «второй репатриацией», начало которой положило соответствующее советско-польское соглашение от 1957 г., по которому в Польшу «из-за Буга» прибыло довольно значительное число репатриантов. Например, из Караганды в Польшу был отправлен эшелон в составе 10-ти пассажирских и 2-х товарных вагонов с поляками в количестве 437 человек, в т. ч. 50 детей до 16 лет [39 л. 110].

Снятие с поляков режима спецпоселения произошло благодаря постановлению Совета Министров СССР от 17 января 1956 г., в котором была оговорка о том, что «всем полякам, высланным в Казахстан в 1936 г., под расписку объяснить, что снятие с них ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвратиться в места, откуда они были высланы» [39, л. 110]. Это постановление оконча-

тельно лишило возможности поляков, высланных в Казахстан в 1936 г., вернуться на родину. Связано это было с нежеланием советской власти потерять добротных хозяев, которыми поляки стали к тому времени. Постановление отменило так называемые комендатуры, но поляки не были официально реабилитированы и продолжали находиться под надзором административных органов до 1960 г.

Несмотря на то, что бывшие польские спецпоселенцы считались полноценными советскими гражданами, большинство их до 1959 г. не имело паспортов. При этом необходимо отметить, что крупномасштабная миграция жителей села в город, проходившая в Казахстане в конце 50-х гг., обусловила необходимость паспортизации поляков, проживавших, в основном, в сельской местности. При паспортизации часть поляков предпочла указать другую славянскую национальность: украинец, белорус, русский, что позволяло им избавиться от позорного клейма «враг народа». Такая «корректировка» национальности, а также смешанные браки (в подавляющем большинстве с представителями других «европейских» национальностей) приводили к тому, что «официальных» поляков становилось всё меньше. В некоторых регионах паспорта полякам были выданы только в 1970-е гг., хотя индивидуальная реабилитация их окончательно завершилась в начале 1960-х гг.

В 1962 г. Управление по репатриации и Уполномоченное правительство ПНР по вопросам репатриации были ликвидированы, после чего «народная» Польша фактически забыла о поляках в СССР. Поляки, оставшиеся на постоянное жительство в Казахстане, составили основу польской диаспоры республики.

Согласно переписи 1959 г. в Казахстане польская диаспора составляла 53 102 человека. Из них в городах проживало 14 801 человек, в сельской местности – 38 301 человек.

Перепись подтверждает, что более компактно поляки расселились в Кокчетавской области – 25 232 человека (47,5%) и в Северо-Казахстанской – 24 733 человека (46,6%) [111, с. 11] (см. *прил. А, табл. 10*).

Подводя итоги формирования польской диаспоры в Казахстане в 40–50-е гг., необходимо отметить, что:

1) в годы Второй мировой войны Казахстан по-прежнему рассматривался как полигон для насильственной депортации поляков. С 1940 по 1941 гг. состоялись четыре «волны» массовых выселений поляков разных категорий в Казахстан: «спецпереселенцев осадников-лесников»; административно высланных (члены семей польских офицеров, государственные служащие, жандармы, чиновники госаппарата, помещики, фабриканты, участники повстанческих движений); «спецпоселенцев-беженцев», прибывших с территории западных областей Украины и Белоруссии; «спецпоселенцев» (граждан довоенного Польского государства);

2) в Казахстан, кроме вышеперечисленного контингента, направлялся поток беженцев и эмигрантов с других территорий СССР. Все они получали статус «спецпоселенцев» и расселялись по всем областям, в основном, в сельскую местность и рабочие поселки. Их материальное положение определялось военным временем и качеством дипломатических взаимоотношений между Россией и Польшей;

3) в 1941 г. решением Государственного комитета обороны на территории Казахстана располагались военные подразделения частей польской армии Андерса. В Казахстан направлялся поток амнистированных поляков со всей территории СССР. После вывода армии Андерса в Иран в Казахстане остались семьи военных;

4) советско-польское соглашение от 6 июля 1945 г. предусматривало возврат польских эмигрантов на родину. Процесс

реэмиграции проходил под контролем специальных комиссий. Не все поляки смогли реэмигрировать. Реэмиграции не подлежали в случае отсутствия документов, подтверждающих польское происхождение, по состоянию здоровья и находившиеся в лагерях, попавшие туда по «второму заходу» в 1943–1944 гг., а также военные, вернувшиеся в Казахстан за своими семьями и не получившие разрешения на реэмиграцию. На поляков, депортированных в 1936 г., репатриация вообще не распространялась.

Оставшиеся после реэмиграции поляки составили польское население республики в послевоенный период. Режим «спецпоселения» для них был отменен в 1956 г., но еще долгое время поляки находились под административным надзором;

5) в 1954 г. на казахстанскую целину прибыли поляки из союзных республик СССР, в основном из Белоруссии. Но параллельно прибытию целинников происходила вторая «волна» репатриации в 1957 г. В Польшу реэмигрировали оставшиеся взрослые и дети, отказавшиеся принять советское гражданство. После этой реэмиграции было ликвидировано управление по репатриации, и Польша забыла о поляках, оставшихся в СССР;

6) в конце 50-х гг. в результате крупномасштабной миграции жителей села в город возникла необходимость паспортизации. Поляки, пытаясь избавиться от клейма «враг народа», предпочитали указывать другую славянскую национальность. В результате такой «корректировки» национальности часть поляков перестали быть таковыми. По итогам переписи 1959 г. численный состав польской диаспоры республики составил 53 102 человека. По сравнению с переписью 1939 г. численность польского населения уменьшилась на 1707 человек. Формирование польской диаспоры Казахстана в 50-е гг. XX в. завершилось.

ГЛАВА 4.

ПОЛЬСКАЯ ДИАСПОРА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАЗАХСТАНА

Поляки в социально-культурной и общественной жизни Казахстана

Численность польского населения Казахстана на начало 2020 года составляет 29 728 человек, это 0,16% от всего населения республики.

В Казахстане созданы все условия, чтобы казахстанские поляки наряду с другими этносами смогли сохранить свою национальную идентичность, прежде всего язык, культуру, обычаи и традиции. Гарантом этому является Ассамблея народа Казахстана, которая как политический институт была образована по инициативе Первого Президента Нурсултана Абишевича Назарбаева 1 марта 1995 года.

Правовую основу всей национальной политики в Казахстане составляет совокупность законодательных норм и актов, и прежде всего Конституция РК, согласно которой «признаются неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное согласие». В целом, национальная политика республики, базирующаяся на принципах верховенства закона и разумного сочетания прав наций и прав человека, обеспечивает условие для гармоничного развития народностей проживающих на территории Казахстана.

Изучению, пропаганде культуры и языка польской диаспоры в Казахстане способствуют неформальные объединения и Союз Поляков Казахстана. Первые неформальные объединения поляков появились в конце 80-х годов в Караганде (ини-

циатор Ф. Богусловский), Кокчетаве (А. Касонич), Алматы (А. Левковский). Эти объединения зарегистрировали себя юридически в 1992 году. В мае 1996 года был образован Союз Поляков Казахстана (СПК). Первое объединение юридических лиц состоялось 25 мая 1996 года, инициатором создания Союза Поляков Казахстана и первым его председателем был Франц Богуславский.

14 февраля 1997 года СПК принимает республиканский статус. Он объединяет областные польские организации и представляет интересы польского населения республики в Ассамблее народа Казахстана. СПК поддерживает связь со специальной общественной организацией в Польше «Польское Единство» («*Wspólnota Polska*»), «Помощь полякам на Востоке», которые осуществляют культурно-просветительную, образовательную деятельность и финансово-материальную помощь полякам за рубежом, в том числе и в Казахстане.

С 1999 года СПК поддерживает контакт с обществом «Казахстан - Польша», образованным в Алматы Домом дружбы и Ассамблеей народа Казахстана, и с обществом казахско-польским дружбы «Мой Казахстан», образованным в апреле 2006 года в Польше. В состав этого общества входят 200 человек, председателем является Альберт Левковский (репатриант из Казахстана). Основная цель общества сохранить и преумножить традиции дружбы двух народов, а также развитие культурных и образовательных контактов.

СПК поддерживает связь с городами побратимами: Павлодар - Быдгощ, Нур-Султан - Варшава, Кустанай - Вженья.

На республиканском уровне деятельность СПК осуществляет Республиканский Координационный Совет (РКС) во главе с выборным председателем и двумя заместителями.

В Нур-Султане 15 июня 2019 года прошли выборы. На Координационном Совете Председателем Союза Поляков Казахстана была выбрана Островская Екатерина Викторовна, ее

заместителем стал Червинский Олег Чеславович. Сегодня в состав СПК входит 13 областных организаций, 2 филиала и несколько польских центров.

СПК, поддерживая тесный контакт с Посольством Польши в Казахстане и с Посольством Казахстана в Польше, курирует деятельность 13 областных польских организаций. Каждая из организаций зарегистрирована в юридических органах республики Казахстан и имеет свой Устав и Герб. Во главе организаций – выборные председатели, они подотчётны в своей деятельности перед РКС СПК.

Полонийные организации Казахстана:

- ОО «Павлодарское областное общество поляков «Полония», председатель Свинцицкий Виталий Зифридович.
- ОО «Объединение поляков Акмолинской области», председатель Суховецкий Александр Анатольевич.
- ОО «Карагандинское областное польское общество «Полония», председатель Хмелевский Виталий Альбертович.
- ОО «Северо-Казахстанский польский культурный центр «Коперник», председатель Крашевский Анатолий Антонович.
- ОО «Orszak Polonijny», председатель Островская Екатерина Викторовна.
- ОО «Polacy» в Нур-Султане, председатель Роговская Елена Артемовна.
- ОО «Polska Jedność» в Нур-Султане, председатель Добровольская Анна Васильевна.
- ОО «Костанайское областное польское общество «Nadzieja», председатель Радомский Виктор Леонидович.
- Союз Поляков «Полония» Астраханского района Акмолинской области, председатель Снегурская Руслана Ивановна.
- ОО «Центр польской культуры “Венз”, председатель Славецкая Татьяна Владимировна.
- ОО Польский культурный центр “Ojczyzna”, председатель Мадыбекова Жанна Абльхасановна.

- ОО Жамбылский областной центр языка и культуры польской “Полонез”, председатель Калькова Лариса Викторовна.
- ОНКПЦ «Свято» г. Актюбе, председатель Цыбульская Елена Васильевна.
- ОО Талдыкорганского регионального польского культурно-просветительского общества «Полония», председатель Порсева Елена Петровна.

Польские общественные организации имеют и свою историю. Первое польское общественное объединение было образовано в Москве в 1906 году и называлось оно «Dom Polski» (Польский дом). В 1917 году такое общество было образовано в городе Оренбург.

В состав первого общества «Польский дом» входила интеллигенция. Первыми активистами «Польского дома» были К. А. Василевский, Л. Я. Гадамский, Р.К. Мрынарский, Я. Ф. Ясинский. Общество имело свой Устав.

I. Цели общества.

- 1) Объединение поляков и подчинение столичной администрации. Общество исключает какую-либо партийную агитацию.
 - 2) Для достижения цели Общество имело право:
 - а) Открывать школы для детей и взрослых.
 - б) Открывать библиотеки и читальные залы для проведения собеседований, лекций, танцевальных вечеров и любительских спектаклей.
 - в) Открывать амбулатории, кассы, летние колонии для детей.
 - г) Издавать журналы, книги и брошюры.
- II. Состав общества.
 - 3) Членами общества могут быть все лица, сочувствующие целям Общества, без различия пола, вероисповедания, сословия и рода занятий.

Примечание: В качестве действительных членов Общества не могут быть:

- а) несовершеннолетние,
- б) ученики средних и низших учебных заведений,
- в) низшие воинские чины, состоящие на воинской службе,
- г) ограниченные в правах по суду.

4) Люди, желающие войти в члены общества, пишут заявление и платят по 1 рублю вступительного взноса и 3 рубля годового членского взноса.

Устав, разработанный активистами общества «Dom Polski» в середине XIX века, был первым в истории польских общественных объединений. Он так же, как Уставы этнокультурных объединений, образованных в конце XX века, направлен на объединение поляков и пропаганду польской культуры. Для всех полонийных организаций Устав «Doma Polski» является поучительным и почитается как реликвия.

Полонийные организации на местах серьезно занимаются возрождением польских национальных обычаев и традиций, изучением истории Польши и польского языка. В 1992 году был подписан договор о взаимном сотрудничестве между Министерством образования Республики Польша и Республики Казахстан. Согласно договору, в Казахстане вводится обучение польского языка с перспективой дальнейшего обучения желающих выпускников в вузах Польши.

В этом же году в Университете им. Ш. Уалиханова в Кокшетау было открыто отделение польской философии и польского языка. Первыми преподавателями отделения были учителя из Польши: Станислава Беньковска, Роман Вашховский, Регина Яськовска, Бланка Конопка и Яцек Маклес. С 1995 года в школе №12 и школе-гимназии № 5 города Кокшетау, начинают проходить факультативные занятия по изучению польского языка. Занятия впервые проходили по учебнику Бланки

Конопка. Данный учебник специально рассчитан для обучения польскому языку в воскресных школах.

В этом же году начинают работать школы Национального Возрождения в Павлодаре и Петропавловске, открыты польские классы в Алматинской школе-гимназии №23. 26 марта 2002 года школа-гимназия №23 заключила договор о сотрудничестве с профильной школой в городе Колобжеге (Польша). Преподавание языка в школе-гимназии проводят учителя из Польши. В Алматинской школе-гимназии №23 польский язык изучается с 7 по 9 классы. Ежегодно экзамены на знание языка сдают более 100 человек. Сдавшие успешно экзамен имеют возможность поступить в вузы Польши и получают стипендию от Польского Посольства в Казахстане.

В 2006 году была открыта воскресная школа по изучению польского языка при лингвистической гимназии №5 в городе Нур-Султан.

Лингвистическая гимназия №5 в городе Нур-Султан

Польская воскресная школа была организована в 2006 году на базе лингвистической гимназии №5 при содействии общественного объединения «Polacy», Ассамблеи народа Казахстана и городского управления образования. Деятельность школы и учебный процесс направлены, прежде всего, на изучение польского языка, культуры, истории, литературы и географии Польши.

Для поддержания и пропаганды польской культуры при некоторых областных полонийных организациях созданы песенные и танцевальные фольклорные ансамбли.

**Фольклорный ансамбль
«Степове Квяты»**

«Степове Квяты» – первый фольклорный польский ансамбль в Казахстане. Он был создан в 1991 году при Кокшетавском областном обществе «Полония Пулноцна». Первым руководителем ансамбля была Антонина Касонич.

Ансамбль «Степове Квяты» существует при поддержке Посольства Республики Польша в Алматы. В составе ансамбля свыше 50 человек разных возрастов. В 1993 году ансамбль принимал участие в IX Международном фестивале фольклорных полонийных ансамблей в городе Жешув, в 1994 году – в VIII Международном фестивале хоровых полонийных ансамблей в городе Кошалин. Являясь ровесником Независимой Республики Казахстан, ансамбль активный участник всех республиканских и областных смотров и фестивалей, мероприятий, посвящённых государственным праздникам

Республики Казахстан и Республики Польша.

С 2000 года пропагандой польской культуры через песню, народный танец и национальный костюм занимаются Щучинский фольклорный ансамбль «Сковоронки», Усть-Каменогорский фольклорный ансамбль «Вёсна». Молодёжный фольклорный танцевальный ансамбль «Куявячек» и вокальный ансамбль «Стокротка», руководитель Анна Чукави-

Вокальный ансамбль «Стокротки»

на, были открыты в 2000 году в Нур-Султане при областном польском объединении «Polacy».

Фольклорные ансамбли и танцевальные коллективы – участники фестивалей в городах Нур-Султан, Алматы, Краков, Варшава. В репертуаре фольклорных ансамблей песни на польском, казахском, русском и украинском языках. Солистка ансамбля «Стокротка» Анна Малиновская в составе делегации Мажилиса представляла польскую культуру в Бельгии.

В отличие от других государств в Казахстане оказывается поддержка польским национальным СМИ. Журнал «Głos Polski» (Голос Польский) выходит один раз в квартал на поль-

Журнал «Алматинский Курьер Польский».
Издатель О. Червинский

ском языке. Он поставлен на учёт в Комитете информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан с декабря 2006 года. Журнал печатается в Кокшетау, главный редактор журнала Е. Л. Новицкая. С 2012 года в Казахстане начинает выходить в свет журнал польской диаспоры «Almatynski Kurier Polonijny» (Алматинский Курьер Польский). Журнал печатается на польском и русском языках. Издателем журнала является Олег Червинский. Главный редактор журнала казахстанский

Журнал «Достык» Дружба

писатель польского происхождения Юрий Серебрянский.

С мая 2000 года издаётся общественно-политический журнал «Достык», в редакционную коллегию которого входят все руководители республиканских национально-культурных объединений – члены Совета Ассамблеи.

В Казахстане 44 студии, которые работают на 12 языках. С мая 2002 года в Северо-Казахстанской области начинает вещать польское телевидение TV «POLONIA» («Полония»).

С 2003 года TVP Polonia (TVP Польония) вещает как международный канал Общественного телевидения Польши Telewizja Polska (TVP). Телеканал создан при

поддержке Польского МИДа и вещает из Варшавы.

Ежегодно по государственному заказу выпускаются, только на языках этнических меньшинств Казахстана, до 30 книг общим тиражом более 80 тысяч экземпляров, в том числе учебники для польских воскресных школ Бланки Конопка.

Учебник польского языка. Автор Бланка Конопка

В начале 1990-х годов в Центральном Государственном музее Республики Казахстан была открыта постоянно действующая экспозиция, рассказывающая о культуре народов Казахстана, в том числе и о поляках.

В Усть-Каменогорском областном архитектурно-этнографическом природно-ландшафтном музее-заповеднике в год 70-летия депортации поляков в Казахстан был открыт зал, посвящённый польским ссыльным. В нем представлены фотографии и личные вещи поляков-осадников, выселенных на рудники «Джумба» и «Ретивый» в 40-е годы XX века. Особую ценность в музее представляют картины репрессированного польского художника Франца Иванчука, высланного из Москвы в далёкий Лениногорск (ныне город Риддер). В Риддере

Картины репрессированного художника Франца Иванчука

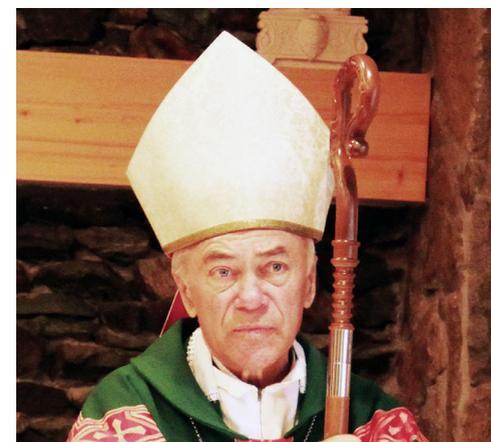
им была открыта впервые в Казахстане изостудия. Он научил рисовать не одно поколение талантливых восточно-казахстанских художников.

Дело отца сейчас продолжает его дочь – самодеятельная риддерская художница Марина Петрачкова, с 1900 года являющаяся бессменным руководителем изостудии.

Сохранению национальной идентичности любого народа способствуют религиозные верования. В Казахстане зарегистрировано 46 религиозных конфессий. Поляки по своему вероисповеданию являются католиками. Появление католичества в Казахстане уходит далеко вглубь истории.

стрировано 46 религиозных конфессий. Поляки по своему вероисповеданию являются католиками. Появление католичества в Казахстане уходит далеко вглубь истории.

Первым поляком католиком, прибывшим в Казахстан, был монах Бенедикт. В 1246 году он вместе с итальянцем Джованни Карпино прибыл в Золотую Орду с целью заключения мира. По мнению историков, это было первое посещение региона европейцами, причём на 25 лет раньше путешественника Марко Поло.

**Его Преосвященство
Ян Павел Ленга**

Первый католический приход в Казахстане был открыт в 1338 году в городе Акмалык (недалеко от села Херсон, Жаркенского района Талды-Курганской области).

Продолжая тему истории религии, необходимо отметить, что в XVIII веке произошла аннексия Казахстана к России. Императрица Екатерина Великая, проявляя заботу о духовном состоянии немецких и польских эмигрантов, была не против распространения католической веры на территории Казахстана. Находясь в состоянии забвения в советский период, возрождение католицизма в Казахстане происходит только в период обретения республикой независимости.

В 1991 году была создана Апостольская администрация Казахстана и Средней Азии. В её состав вошли Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан. Апостольская администрация была расположена в Караганде, а администратором Казахстана и Средней Азии был назначен Его Преосвященство Ян Павел Ленга.

Папа Иоанн Павел II в Казахстане

24 сентября 1998 года произошло историческое событие в жизни католиков Казахстана, Первый Президент РК Нурсултан Абишевич Назарбаев подписал договор на высоком уровне о взаимном сотрудничестве с Ватиканом.

Сильным импульсом к возрождению национального самосознания польской общины, её «воцерковыванию» дал визит в Казахстан папы Иоанна Павла II в 2001 году. В период его визита к лику святых был причислен священномученик Алексей Зарецкий, погибший 30 октября 1963 года в лагере Долинка близ Караганды. Это была первая беатификация поляка священномученика, работавшего в Казахстане.

Римско-католическая церковь в Казахстане насчитывает 4 апостольские администрации, 50 приходов, 70 священников. К Архиепархии Пресвятой Девы Марии относятся Северо-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Акмолинская области. К Карагандинской Епархии – Карагандинская и Восточно-Казахстанская области. К Епархии Пресвятой Троицы – Кзыл-Ординская, Южно-Казахстанская, Жамбульская и Алма-Атинская области. К Апостольской администрации Атырау – Западно-Казахстанская, Актюбинская, Атырауская,

Католические структуры Казахстана

Мангыстауская области. Согласно статистики, католиков в апостольских администрациях – 182 600 человек, что составляет примерно 1,3 % всего населения Казахстана.

Религиозная принадлежность не может быть подтверждением национального состава прихожан, т. к. такой информации в приходах не учитывают. Двери Римско-католических приходов открыты для всех верующих, не зависимо от национальности. Римско-католическая Церковь Казахстана имеет собственную газету «Кредо», которая зарегистрирована Комитетом

Газета римско-католической церкви «Кредо»

информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан 28 марта 1995 года. Это первая католическая газета в Казахстане. На страницах газеты можно познакомиться с новостями деятельности Римско-католической церкви в приходах Казахстана, прочитать статьи из духовной жизни, учения веры, литургические тексты. Газета издаётся в городе Караганде.

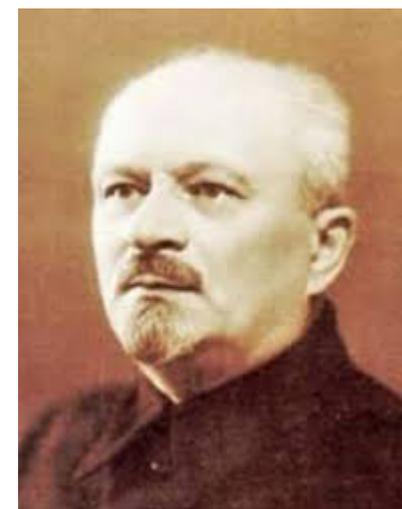
Перепись населения и данные текущей статистики по этническому составу населения Казахстана дают возможность проследить изменение численности польского населения республики. В качестве примера сравним итоги переписи населения с 1959 по 1.01.2020 год, чтобы проследить изменение численности поляков на длительный исторический период. (См. прил. А, табл.1) С 2009 по 2020 год наблюдается уменьшение численного состава поляков на 4 329 человек, т. е. с 0,21% до 0,16%. Это небольшая убыль, если учесть, что с 1 января 2001 года в Польше был принят закон, разрешающий репатриацию поляков на историческую родину. Это показатель того, что в Казахстане созданы все условия для нормальной жизнедеятельности и сохранения польской идентичности – языка, культуры, традиций. Гарантом стабильности межнациональных отношений и дальнейшего процветания республики и национальных диаспор является Ассамблея народа Казахстана.

Польская интеллигенция в культурной, экономической и общественной жизни Казахстана

Свыше 200 лет история Польши своеобразным образом переплетается с историей Казахстана. Поляки, прибывшие в Казахстан по разным причинам, в том числе и насильно депортированные, стали гражданами республики и обрели здесь вторую родину. Оставшись в Казахстане на постоянное жительство, поляки составили национальную диаспору республики.

Представители польской диаспоры, развивая свою самобытную культуру, всегда принимали самое активное участие в общественной, экономической и культурной жизни Казахстана.

Среди выдающихся представителей польской интеллигенции, оставившей свой след в духовной и творческой жизни Казахстана, можно назвать музыканта, этнографа, композитора, народного артиста Каз.ССР Александра Викторовича Затаевича.

**Александр Викторович
Затаевич**

Приехав на службу в 1920 г. в Оренбург, он впервые услышал казахские народные песни и кюи. Вначале это был обычный интерес музыканта к новому. Но затем мелодическое богатство песен и их неизвестность в профессиональной среде подтолкнули Затаевича к решению серьёзно заняться изучением казахского народного творчества. Он записал более 2300 произведений музыкального фольклора Казахстана. Работы Затаевича «1000 песен киргизского народа» и «500 казахских песен и кюев» стали фундаментальными в казахской фольклористике. По своему содержанию собрания Затаевича представляют собой антологию казахской народной музыкальной культуры с древнейших времён до 30-х гг. XX века. Он разработал классификацию основных жанров казахской народной песни по темам, выделив из них былинные, исторические, бытовые, состязательные, юмористические и шуточные.

Впервые в истории казахской музыки Затаевич дал характеристику выдающимся казахским композиторам – Курмангазы, Жаяу Мусе, Биржану-салу, Мухиту, Даулеткерейу, Ибраю.

Большое познавательное значение имеют проникновенные характеристики мастерства, которые дал Затаевич казахским исполнителям – Амре Кашаубаеву, Габбасу Айтпаеву, Кали Байжанову и др. Кроме того, сборники Затаевича представляют большую этнографическую ценность, так как в них наряду с записями музыки собраны сведения об укладе жизни казахского народа, о традициях, характере, быте, которые свидетельствуют об исследователе как о тонком наблюдателе жизни народа.

Александр Затаевич – один из основателей казахской профессиональной фортепьянной музыки. Он является автором музыкальных сборников «Казахские песни в форме миниатюр для фортепиано», «Казахские инструментальные пьесы и напевы» [64, с 94-95]. Одна из улиц города Нур-Султана носит имя А. Затаевича.

Укреплению связи культур Польши и Казахстана также способствовали и польские поэты Александр Ват и Ян Хуца, отбывавшие тюремное заключение в Казахстане в годы Великой Отечественной войны.

Александр Ват (настоящая фамилия Хват) польский поэт, прозаик и переводчик. Один из создателей польского футуризма. Был сослан в Казахстан в 1943 году. Сюда же были сосланы его жена Ольга и сын Анджей. По пути из Казахстана в Варшаву в 1953 году он заболел, невыносимая боль привела его к самоубийству в 1967 году.

Александр Ват

В 1990 году в Варшаве вышла в свет книга Александра Вата

«Мой век» с комментариями к тюремным стихам, написанным в Казахстане, и к знаменитому стихотворению «Ивы в Алма-Ате».

Ивы в Алма-Ате

Моей пропавшей семье

Ивы всюду ивы...

В инее как ты красива, алма-атинская ива.

Но если тебя забуду, сухая ива с улицы Розбрат,
Рука моя пусть отсохнет!

Горы всюду горы...

Тянь-Шань предо мною плывет лиловый –

Пена из света, камень из красок, блекнет и тает –
но если тебя забуду, вершина Татр далеких,

Белый Поток, где с сыном о плаваньях мы мечтали,
а нас провожал улыбкой наш добрый домашний ангел, –

Пусть превращусь я в тянь-шаньский камень!

Если я вас забуду,

Если Тебя забуду, город ты мой родимый...

Ночь в Варшаве, дождь и гроза в Варшаве, где

«нищий просит у ворот,
пес ему лохмотья рвет» ...

Спи, мой Ендрусь...

Раскину горестно руки, как плакучая польская ива.

Если я вас забуду,

Газовые лампы Журавьей – крестный путь моей любовной муки,
Светлые сердца, что крылись в темную стыдливость листьев,

И шепот, шорох, дождь, в аллее стук пролетки,

И златоперый рассвет голубой...

Если тебя я забуду, борючаяся Варшава,

Омытая кровью Варшава, хранящая свято могилы...

Если Тебя я забуду...

Если я Вас забуду...

Алма-Ата, январь 1945

На основании мемуаров и воспоминаний о ссылке его жены Ольги Ват, в 1992 году Роберт Глинский снял игровой фильм «Самое главное», получившем 4 премию на Польском кинофестивале.

Ян Хуца был сослан в Казахстан в 1940 году. Он написал поэтический цикл, посвященный Казахстану, который впервые был опубликован Ярославом Ивашкевичем и Земовитом Федецким в журнале «Творчасть» («Творчество») в 1989 году. Писать о депортации поляков было нельзя, поэтому стихи Яна Хуца были посвящены красоте казахстанского пейзажа, мудрости народа и беседам с казахами у костра.

Ян Хуца

Над Иртышем

Над грозною водою Иртыша
я мысль о Вилии в себе лелеял:
она влекла, скромна и хороша,
в ней отразиться, наклоняясь над нею.
А тут еще про чудные глаза
под струны бряцанье кто-то пел по-русски.
Чуть зелена небес голубизна,
погожий будет день. А столько грусти...

IV 42

Польские спецпереселенцы, сосланные в Казахстан в 30-40-е гг. XX века и оставшиеся в Казахстане на постоянное жительство, органично вписались в многонациональный состав

населения республики. Они внесли весомый вклад в развитие многих отраслей народного хозяйства республики. Сегодня в Казахстане гордятся лучшими представителями польской диаспоры, среди которых герои труда: Н. Головацкий, П. Томаровский, П. Чижевский, Г. Левандовский, В. Домалевская, Г. Поляковская, Т. Островская, а также заслуженный механизатор Казахстана Б. Гольчинский. Многие поляки избирались депутатами высшей законодательной власти республики, возглавляли министерства и организации в важных отраслях.

Бернад Николаевич Дворецкий в прошлом заместитель Председателя Совета Министров Казахской ССР.

Родился в 1923 году в селе Рудня. Член КПСС с 1947 года.

Бернад Николаевич Дворецкий

Участник Великой Отечественной войны. С 1945 года – на хозяйственной, общественной и политической работе. В 1945-1986 гг. – колхозник, зоотехник, старший зоотехник, директор Мамлютского совхоза, первый заместитель председателя Совета министров – министра производства и

заготовок Казахской ССР, министр хлебопродуктов Казахской ССР, заместитель министра заготовок Казахской ССР, директор Всесоюзной школы мастеров-техников-технологов.

Избирался депутатом Верховного Совета СССР VI-го созыва. Делегат XXII съезда КПСС. Живёт в Алматы.

Николай Иванович Рипинский депутат Алма-Атинского городского Совета X созыва, член правления Союза архитекторов Казахстана с 1956 года. Имя Н. И. Рипинского вошло в Ка-

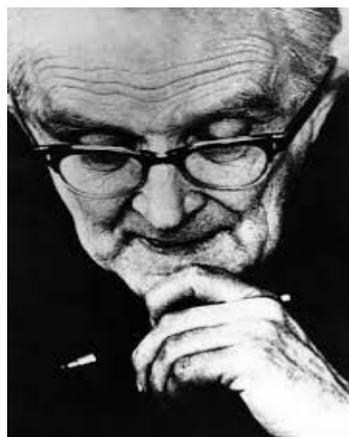
захскую Советскую энциклопедию «Алма-Ата», изданную в 1983 году.

Николай Иванович Рипинский самый известный архитектор второй половины прошлого столетия. Он является основоположником советской казахстанской архитектурной школы.

Н. И. Рипинский был репрессирован, а затем в 1949 году сослан в Казахстан, где сумел обрести вторую родину. В 1931 году после окончания Киевского архитектурно-строительного института Н.И. Рипинский принял участие в проекте театра оперы и балета в г. Алма-Ате (ныне Алматы), за что был удостоен второй премии на Всесоюзном закрытом конкурсе.

Окончательно сформировавшийся как зодчий в Москве в 1950 году, уже известный и признанный архитектор Рипинский работает в Казахстане – вначале в Усть-Каменогорске, а затем в Алма-Ате на ответственной должности главного архитектора крупнейшего в Казахстане Республиканского проектного института «Казгорстройпроект» (ныне – проектная академия «Kazgog»). Николай Рипинский оставил свой неповторимый почерк в городском пейзаже Алматы: гостиницы «Интурист», «Алматы», санаторий «Каменское плато», кинотеатры «Мир», «Спутник», здания Казахского ТЮЗа, Дворец Республики, застройка проспекта «Достык» и других улиц.

За всё время проживания в республике, несмотря на все сложности, которые пришлось пережить депортированным полякам, их развитие сопровождалось ростом польской интеллигенции, многие представители которой стали учёными,

**Николай Иванович
Рипинский**

Альберт и Станислава Левковские

учителями, художниками, знаменитыми людьми диаспоры, которые вносили и продолжают вносить весомый вклад в общественную жизнь Казахстана. Среди них ответственный работник Министерства образования республики Казахстан, персональный пенсионер и первый председатель общества поляков в Алма-Аты Альберт Григорьевич Левковский.

Он родился в 1928 году на Украине (Житомирская область). В 1936 году вместе с родителями был выслан в Казахстан. Окончил Петропавловский педагогический институт и прошёл путь от простого учителя математики до члена коллегии Министерства образования, где и проработал 23 года. Был инициатором организации добровольного общества поляков «Вензь» (Связь) в городе Алма-Ате (ныне Алматы), которым Альберт Григорьевич Левковский руководил в течение 10 лет. Это были годы наиболее плодотворной и активной работы общества благодаря умелому руководству и энтузиазму А. Левковского.

Стараниями А. Г. Левковского, в тесном контакте с Посольством Республики Польша в Казахстане, в Алматинской средней школе №23 были открыты классы по изучению польского языка, а также организовано общество помощи полякам на Востоке – «Wspolnota Polska» (г. Варшава). Помимо рабо-

ты в «Вензь», он проводил большую общественную работу с представителями деловых кругов, приезжавших из Польши в Казахстан, в том числе организацию обучения студентов из Казахстана в вузах Польши.

За свои заслуги перед Казахстаном А. Г. Левковский был награждён орденом «Курмет» Первым Президентом Казахстана Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Сейчас А. Г. Левковский проживает в Варшаве и является председателем общества «Мой Казахстан», организованного в апреле 2006 года поляками-выходцами из Казахстана.

Союз Поляков Казахстана (СПК) активный участник общественно-политических мероприятий Ассамблеи народов. В разные периоды его возглавляли достойные представители польской интеллигенции.

**Иван Бернольдovich
Зинкевич**

С 1999 по 2007 год председателем СПК был Иван Бернольдovich Зинкевич – профессор, доктор юридических наук. Его родители в 1936 году вместе с детьми были депортированы в Казахстан из Житомирской области Украины. Иван Бернольдovich родился в 1939 году в селе Краснокаменка Келлеровского района Кокчетавской области. После окончания средней школы служил в Советской армии в Забайкалье. В 1963 году поступил учиться на техническое отделение Алма-Атинской специальной школы милиции. После выпуска работал экспертом-криминалистом в УВД Кокчетавской области. В 1973 году окончил следственный факультет Московской высшей школы МВД,

где сразу поступил в аспирантуру. С 1976 года Зинкевич И. Б. переходит на преподавательскую работу в Карагандинскую высшую школу МВД. В 1980 году – в Академию МВД СССР. Успешно защитил кандидатскую диссертацию по проблемам развития криминалистики в Польше. С 1989 по 1997 гг. работал доцентом, заведующим кафедры основ права, затем профессором в Талды-Курганском университете. Одновременно работал научным консультантом в органах внутренних дел и в Государственном следственном комитете. С 1997 года – научным консультантом в центральном аппарате Государственного следственного комитета Республики Казахстан. С октября 1997 года – проректором по научной работе в Университете им. Д. А. Кунаева и Академии экономики и права. Тремя казахстанскими университетами ему присвоено учёное звание профессора. В 2000 году по сумме опубликованных работ по проблемам криминалистики Министерство национального образования Польши присвоило Зинкевичу И.Б. учёную степень доктора права.

1 декабря 2007 года в Павлодаре состоялась V отчетно-выборная конференция Союза Поляков Казахстана. Четвертым председателем СПК был выбран Свинцицкий Виталий Зифридович.

Он из семьи польских депортированных спецпереселенцев. Родился в 1955 году в селе Зелёный Гай Чкаловского района Кокчетавской области. С 1999 года являлся председателем

**Виталий Зифридович
Свинцицкий**

Павлодарского областного общества поляков «Полония», с 2000 года заместителем председателя СПК.

Возглавляет фирму ТОО «ТОПС», одно из стабильно работающих предприятий города Павлодар. Занимается благотворительной деятельностью. Один из инициаторов движения «Подумай о детях». Оказывает финансовую поддержку детям Павлодарской школы-интерната. Активно занимается нравственным и творческим воспитанием молодёжи. По его инициативе 11 ноября 2005 года при областном обществе поляков «Полония» была открыта театральная студия «Промень» («Луч»). Студия была создана на базе театрального кружка, который существовал при Католической церкви в городе Павлодар.

За большой личный вклад в возрождение и пропаганду национальной культуры и языка, укрепление межнационального согласия, мира и дружбы награждён юбилейной медалью к 10-летию независимости Казахстана.

Поляки активные участники экономических и политических преобразований, проводимых в республике. В трудные 90-е годы переходного периода для Казахстана был особенно ценен опыт экономической трансформации Польши. Ведущие польские экономисты, включая творца польских реформ, бывшего главу польского Центробанка Лешека Бальцеровича, в течение нескольких лет оказывали консультативную помощь казахстанскому правительству.

В 90-е годы Республика Казахстан отставала от других индустриальных стран мира по производству сельскохозяйственной продукции. Для решения этой проблемы в 1991 году начинается перестройка сельскохозяйственной структуры.

На 1 мая 1998 года в республике уже было образовано 138 сельхоз.ассоциаций. В апреле 1999 в Северо-Казахстанской области было образовано АО «Холдинг Казэкспортастык». В феврале 2010 года в АО «Холдинг Казэкспортастык» вошли

две компании: компания ТОО «Агрофирма Кзылту-НАН» и компания ТОО «Тайынша Астык». Данные компании являются крупнейшими сельскохозяйственными предприятиями, занимающимися производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. ТОО «Тайынша Астык» занимается разведением КРС мясной породы – казахстанская белоголовая и канадской породы Голштин.

Компания ТОО «Тайынша Астык» была образована в 2005 году. Центром данной компании является село Ясная Поляна Тайышинского района Северо-Казахстанской области. Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Польша в Казахстане Здислав Новицкий (2000-2004 гг.) назвал Ясную Поляну маленькой Варшавой в Казахстане, и неслучайно. Село было основано в 14 июня 1936 года польскими переселенцами из Украины. Все жители села в основном поляки по национальности, из 183 семей переселенцев поляки составляли 127 семей [140, с. 15]. На сегодняшний день в селе проживает уже третье поколение поляков.

Из воспоминаний старожилов села Ясная Поляна Л. Марчевской и М. Заинчковской:

«Наше село было основано в 1936 году. По началу оно названия не имело, село называли просто – Пятой Точкой. Наверное, потому что так было написано на колодеце, куда нас привезли. Название селу Ясная Поляна дали всем миром. Кто первым предложил такое название, не помним. Только оно сразу всем понравилось. А колодец, с которого началось наше село, почитали всегда. Он было вырыт ещё до нашего приезда, в 1935 году бригадой прибывших на новые земли раньше нас, которой руководил Николай Шандра, житель села Николаевка. С какой целью вырыли колодец, трудно сказать, то ли для людей, то ли для того, чтобы поить скот, который перегоняли на мясокомбинат в Петропавловск. В любом случае мы считали, что село наше началось именно с него. В колодеце вода

всегда была хорошей. Раньше знали, как находить в степи хорошую воду. Сейчас он как памятник, который напоминает о трудных годах, которые пережили селяне в 30-е годы. Селу нашему уже 70 лет, в нём осталось только 10 человек старожил, кто помнит, с чего село наше начиналось. Село наше гордится не только своей историей, но и своими людьми, которые бережно её хранят».[140,с.101]

**Рафальский Анатолий
Брониславович**

Генеральным директором ТОО «Тайынша Астык» является Рафальский Анатолий Брониславович. Поляк, уроженец села Ясная Поляна, по профессии агроном, окончил Целиноградский сельскохозяйственный институт.

Село Ясная Поляна является особо показательным в Северо-Казахстанской области. Здесь есть своя больница, школа, дом культуры, магазины, костёл, животноводческие фермы, тракторный парк, оборудованный по последнему слову техники. Но больше всего село гордится своими людьми. Многие уроженцы села Ясная Поляна стали достойными представителями польской интеллигенции, работающей на благо процветания Республики Казахстан.

Бочковский В.С. – аким Энбекшильдерского района, Маковский В. П. – аким Тайыншинского района Северо-Казахстанской области, Галицкий Ф.А. – доктор медицинских наук, Заичковский В.И. – кандидат ветеринарных наук, Малиновский А.И. – кандидат сельскохозяйственных наук, Островский Ф.И. – кандидат педагогических наук, Анджиев-

ская В.А. – кандидат медицинских наук.

Антон Иосифович Малиновский – кандидат сельскохозяйственных наук, родился в 1956 году в селе Ясная Поляна Чкаловского района Кокчетавской области, в семье поляков, высланных из Украины в 1936 году. В 1983 году занялся селекцией казахской белоголовой породы крупного рогатого скота. Работы по выведению породы проводились в совхозе Алабота. В 1985 году выведенная порода скота получила название «Алабота», а Малиновский А. И. звание «Лучший селекционер Республики Казахстан»[140,с.67].

Уроженцем села Ясная поляна является и Галицкий Франц Антонович – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины Казахской государственной медицинской академии (г. Нур-Султан).

Он является автором двух сборников научных работ по судебной медицине, 14 патентов на изобретение, 90 научных работ и учебно-методических пособий. В 2002 году Галицким Ф.А. был создан единственный в Казахстане и республиках Средней Азии диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности 14.00.24.-судебная медицина, он был избран его председателем [140,с. 87].

Многие представители польской интеллигенции сегодняшнего дня – это дети бывших польских спецпереселенцев.

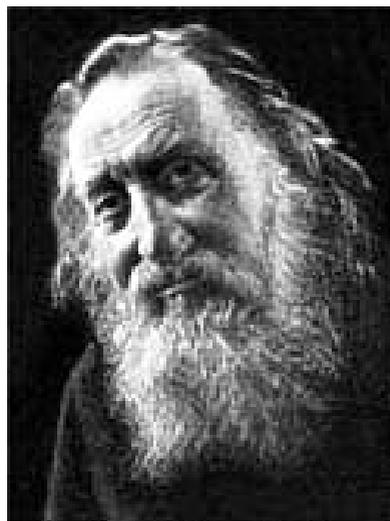
Галицкий Франц Антонович

Они родились и получили образование в Казахстане. Сохраняя свою этническую принадлежность, работают на благо процветания республики Казахстан. Среди них учёные: Э. Любчанский, С. Лучинский, В. Марчевский, О. Пузанов, Ю. Кульевская, художники: П. Реченский, А. Кулановский, К. Зубрицкая, педагоги: Т. Химич, А. Мокрецкий, врачи: С. Прусова, Н. Лукьянец, журналисты: Л. Крыжановская, С. Синицкая и другие. На творческой и общественной деятельности некоторых из них остановимся подробнее.

Творческая общественность считает Павла Ивановича Реченского талантливым художником-самородком, а его картины отражением боли и страдания – бесценных спутников бытия человеческого.

Павел Иванович родился в 1924 году в России, но с восьми лет с родителями был депортирован в Казахстан, в город Караганду. В 1930 семью раскулачили и выслали в Карагандинскую область поселки № 7, потом № 8 и № 10. После 1956 года жил и работал в Караганде. Ему пришлось пережить все сложности и лишения, через которые прошли поляки в период сталинских репрессий.

Член Союза художников с 1961 года. Тонкий рисовальщик, создал много проникновенных евангельских образов. В выставках участвует с ноября 1955 г. В 1994 состоялась персональная выставка в Москве. Как художник Павел Реченский выплескивает на холст все свои переживания и чувства. Картины Реченского П.И. – золотой фонд галереи современного

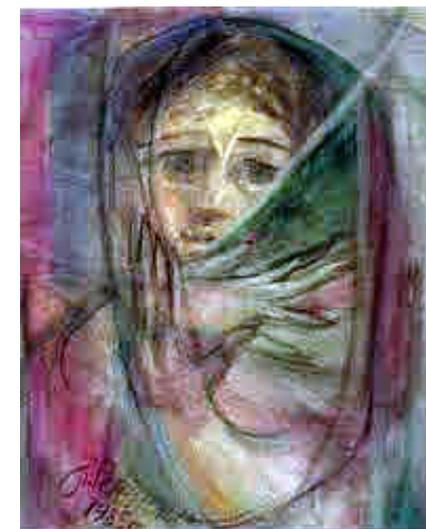
**Павел Иванович
Реченский**

искусства «Тенгри – Умай».

Полная выставка его картин состоялась в августе 2006 года и была посвящена 70-летней годовщине депортации поляков в Казахстан. Павел Иванович Реченский один из организаторов Союза художников Казахстана. Его картины находятся в частных коллекциях в Польше, России, Германии.

Юзефа Григорьевна Кульевская родилась в Сибири, в городе Омск. Окончила физический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова по специальности «ядерная физика». Вся трудовая жизнь Ю. Кульевской связана с наукой. После окончания университета была оставлена для работы научным сотрудником на кафедре радиоактивных излучений. Дальнейшей сферой ее интересов стала физическая химия, органический катализ. Более 20 лет проработала в Институте органического катализа и электрохимии Академии наук Республики Казахстан. Кандидат химических наук. С 1995 года работает в Национальном центре научно-технической информации Республики Казахстан начальником управления формирования инновационных ресурсов.

Юзефа Кульевская удивительная личность не только с научным складом ума, но и с огромным творческим потенциалом. В мае 2000 года на выставке «Прекрасные порывы души» впервые были представлены её работы как художника. С 2003 года, не имея художественного образования, она серьёзно занялась живописью. Основной жанр её работ – натюрморт

**«Женский портрет».
Реченский П.И. 1985 г.**

Юзефа Григорьевна Кульевская

и пейзаж. Работы Ю. Г. Кульевской принимали участие на выставках казахстанских художников-поляков в Ассамблее народов Казахстана в ноябре 2003 года, Алматы. В апреле 2006 года на выставке «Мой Казахстан свет и цвет» были представлены лучшие пейзажи «Пестрые горы Алатау», «Сосновый бор», «Кок-Жет-пес», «Березовая роща», а также портреты цветов – «Чернобривцы», «Сентябринки», «Нарцисы и гиацинты», «Ирисы», «Белые лилии». Данная выставка была юбилейной для Юзефы Кульевской и посвящалась памятной для польского народа дате – 70-летию депортации поляков в Казахстан. Здесь же на выставке были представлены картины «Замок под Краковом» и «Краков Вавель». Можно бесконечно восхищаться ее картинами, которые не оставляют нас равнодушными, вселяют в каждого любовь и веру в жизнь.

Картины Юзефы Григорьевны Кульевской находятся в частных собраниях в Польше и в США.

Химич (Криковская) Татьяна Васильевна родилась в 1960 году в городе Якутске Республики Саха. Отец – Криковский Василий Ка-

зимирович по национальности поляк, католик, очень плохо говорил по-русски, мама – Зарубина Пелагея Семеновна – русская, православная христианка. В 1953 году отец был осужден по политическим мотивам и выслан из Польши в город Якутск для отбывания срока наказания. С 1966 года Татьяна с родителями проживает в городе Усть-Каменогорск. Педагог высшей квалификации. В 1997 году была приглашена для работы в Республиканскую Экспериментальную Площадку начальной гимназии «Арина» учителем рисования.

Работает с одаренными к рисованию детьми. В 2001 году вместе с детьми принимала участие в Олимпиаде по ИЗО в городе Москва. В 2004 году на Международной выставке в Японии в городе Токио были экспонированы работы лучших юных художников Казахстана, студией руководила Химич Т.В. Работы учеников заняли четвертое место.

Рисунок «Слон» Тургумбаева Ильеса, написанный акварелью, экспонируется в музее Первого Президента Республики Н.А. Назарбаева в Нур-Султане.

В 2002 году по рекомендации Министерства образования Республики Казахстан была издана «Азбука-тетрадь» по художественной литературе, как учебное пособие для дошкольных классов. Пособие украшено рисунками Татьяны Васильевны Химич. В 2007 году ГорОно Усть-Каменогорска присвоило Химич Т.В. звание «Учитель года».

Химич (Криковская) Татьяна Васильевна

Химич (Криковская) Татьяна Васильевна

Портрет цветов - «Ирисы», Ю. Кульевская

**Зубрицкая Ксения
Валентиновна (портрет
работы Р. Бояриной,
Алматы, 2009 г.)**

Большим творческим даром обладает казахстанская художница польского происхождения Ксения Зубрицкая.

Она родилась на родине Д.А. Кунаева в Алматинской области в 1975 году. В 2002 году окончила Московский Государственный Гуманитарный Университет по специальности «искусствоведение». Долгое время занималась картинами из натуральной кожи – текстильной пластикой. Некоторое время занималась разработкой и изготовлением женских украшений из натуральной кожи и натуральных

камней. Неоднократно проводились выставки её ювелирных изделий и картин, посвящённых многочисленным датам Полонии в Казахстане. Также проводились выставки в Национальном Государственном Музее им. А. Кастеева, в частных галереях Казахстана и Киргизии. Многие работы находятся в частных коллекциях в Казахстане, Киргизии, Польши, Германии, США, Италии.

Основная специализация работ Ксении Зубрицкой – это текстильная пластика, но у неё есть работы акварелью, маслом (иконоживопись), а также работы в стиле смешанной техники и неформальной пластики. Работы просты, но в то же время создают теплую зрительную обстановку, влияющую на человека положительно. Это пригодилось и на период её работы как арттерапевта с детьми-инвалидами.

Воспоминания Ксении Зубрицкой о своей семье.

«Как попала семья в Казахстан, в семье не любили вспоминать, потому как связано со страданиями и потерями близких, особенно детей. В 1943 из Украины (Житомир) были сосланы дед и бабушка в Казахстан (Семипалатинск), откуда длительное время не выезжали, так как документов не было. Уже в постсталинский период смогли сделать нормальные документы, где выходило, что фамилия была переделана с некоторой ошибкой, так как в русском языке нет возможности ставить -рз- рядом, получилась другая фамилия. Как бы другие люди, но с теми же лицами и национальностью. В семье долгое время говорили вполголоса, потому что боялись, что могут услышать, что говорят на польском языке. Но это дело прошлое – хоть и тяжелое, но благодаря вере в Бога семья смогла выстоять. На протяжении всех лет в семье трепетно хранили все маленькие останки от той Родины, которая была как заветная мечта, куда не попадешь, в том числе и родной язык. Но на первом месте стояла религия, в семье сохранился Отче наш на польском языке. Я рада, что сейчас у меня есть шанс осуществить заветную мечту и сказать – да, я ПОЛЬКА, живущая в Казахстане!»

К вышесказанному следует сделать заключение, поляки, прибывшие в Казахстан путем насильственной депортации, в основном составляют национальную диаспору республики. На сегодняшний день отношение между Казахстаном и Польшей имеет человеческое выражение – 30 тысяч казахстанцев это этнические поляки. Являясь национальной диаспорой, казахстанские поляки вносят свой весомый вклад в социально-общественную, экономическую и культурную жизнь Казахстана. Поддерживают авторитет Республики Казахстан на мировой арене и дружеский микроклимат во внутренней политике страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Республика Казахстан – государство многонациональное и многоконфессиональное, в настоящее время переживает решающий этап реформирования всей социально-экономической структуры. Для нас сохранение межэтнического согласия, создание в обществе атмосферы диалога и взаимопонимания – важнейшая составляющая гражданского мира и политической стабильности. Полиэтнический и поликультурный Казахстан рассматривает единство и согласие как необходимую ценность, обогащающую спектр возможностей для устойчивого развития страны, ускоренной системной модернизации. Казахстан сохранил характер дружелюбия и активного сотрудничества населяющих его многочисленных этносов. Республика обрела уникальный опыт межэтнического согласия и мирного сосуществования народов. Об этом с новой силой говорится в Послании главы государства Н. А. Назарбаева народу страны 18 февраля 2005 г.: «Мы известны миру своей толерантностью, межэтническим, межконфессиональным согласием и диалогом. Растущий миротворческий потенциал нашей страны должен и дальше бережно сохраняться и развиваться» [185а].

Процесс формирования полиэтничного населения Казахстана на сегодняшний день является объектом изучения многих наук. Современная историческая наука проявляет особый интерес к формированию многонационального населения Казахстана и изучает этапы их формирования в историческом контексте. Изучение вопросов формирования и развитие диаспор представляет не только научный интерес, но и общественно-политическую значимость. Изучению истории формирования польской диаспоры Казахстана посвящена данная диссертационная работа.

В результате проведенного исследования по формированию польской диаспоры в Казахстане за период с XIX в. до 50-х гг. XX в. можно сделать следующие выводы.

1. Начальный этап формирования польской диаспоры Казахстана связан с насильственным переселением польских политических ссыльных с территории Речи Посполитой, а именно:

- ссылка в Оренбургскую губернию участников польских конфедераций в конце XVIII в.;
- ссылка на Южный Урал и в Сибирь под надзор полиции польских военнопленных – участников войны 1812 г. на стороне Наполеона, а также лиц, подозревавшихся в сношениях с подданными Франции;
- ссылка в Оренбургскую губернию и в Сибирь на поселение и на службу в Оренбургский отдельный корпус участников национально-освободительных движений 1820–1830-х гг. («филоматов», «черных братьев», участников ноябрьского восстания 1830–1831 гг.);
- ссылка участников польского национально-освободительного движения 1840–1850-х гг.;
- ссылка в Сибирь, Оренбургскую и Уфимскую губернии участников январского восстания 1863–1864 гг.;
- ссылка на Южный Урал, в Сибирь и на Алтай участников революционного движения из Царства Польского в конце XIX – начале XX вв.;
- переселение в Юго-Западную Сибирь и Казахстан военнопленных и беженцев периода первой империалистической войны;
- экономическая миграция поляков в Казахстан во второй половине XIX – начале XX вв.;
- крестьянское переселение в конце XIX – начале XX вв.

Польские политические ссыльные отбывали наказание рядовыми Оренбургского отдельного корпуса и Сибирского линейного казачьего войска. Расселяясь по редутам и фор-постам Оренбургской и Ишимской пограничных линий, они заселяли территории северного, центрального и восточного Казахстана. Они благотворно повлияли на жизнь «патриархального аула».

После получения амнистии часть политических ссыльных не стала возвращаться на родину и осталась в местах отбывания ссылки на постоянное жительство. Основной причиной этого было принятие православия и женитьба на местных девушках. Эта категория поляков положила начало формированию польской диаспоры Казахстана.

Наряду со ссыльными на Урал, в Сибирь и Казахстан прибывали добровольные польские переселенцы – интеллигенция, инженерно-технические и хозяйственные кадры. Одной из причин миграции являлось отсутствие достаточного количества специалистов среди местного населения и как следствие – возможность хорошего заработка.

В конце XIX в. немногочисленные польские крестьяне в массовом потоке крестьянской колонизации Казахстана расселялись по северному, южному Казахстану и другим территориям с плодородными землями. Первая Всеобщая перепись 1897 г. подтверждает наличие польского населения в разных количествах во всех областях Казахстана.

Значительно пополнилась местная колония новыми членами с началом Первой мировой войны, когда на территорию Казахстана хлынул поток беженцев и военнопленных. В 20-е гг. XX в. не все они смогли репатриировать на родину по причине отсутствия документов, подтверждающих их польское происхождение, и препятствий, чинимых советскими властями.

Анализируя данные Первой Всесоюзной переписи 1926 г., можно сделать вывод об увеличении численности польского населения в структуре этносов Казахстана. Следует отметить, что большая часть польского населения проживает в северных и восточных областях Казахстана, который является приграничным с Россией регионом и удобным местом ссылки.

2. Большая часть современной польской диаспоры была сформирована в 30-40-е гг. XX в. в период сталинских репрессий и насильственной ссылки «наказанных народов», а именно:

- депортация в 1936 г. 15 тыс. польских и немецких хозяйств с Западной Украины в Казахстан;
- депортация 1937 г., связанная с антипольской политикой против лиц польской национальности, проживавших в СССР и обвиненных в шпионско-диверсионной деятельности;
- депортация 1939 г., связанная с политикой «советизации» Польши и вновь присоединившихся территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, и выселение «осадников» и членов их семей;
- депортация 1940 г. членов семей содержащихся в лагерях военнопленных и офицеров польской армии, полицейских, жандармов и чиновников бывшего польского госаппарата – «спецпоселенцев»;
- депортация в мае 1941 г. из южных воеводств Восточной Польши на 20-летнее спецпоселение членов семей участников контрреволюционных украинских и польских организаций;
- июнь 1941 г. – польские беженцы как «социально чуждый элемент» переселялись на территории Казахстана.

Польские и немецкие переселенцы, сосланные в 1936 г., были расселены по территориям Северо-Казахстанской и Карагандинской областей. Выбор данного региона для поселения был обусловлен низкой плотностью заселенности, климатом, благоприятным для земледелия и наличием железнодорожных соединений, позволяющих перебрасывать сюда в краткие сроки большое количество переселенцев. Контингент высланных более чем на 55% составляли взрослые, а по национальному составу более 77% поляки. Потеряв надежду вернуться на родину, они обустроивали новые места, разбивая поселки, строили жилье, школы, впоследствии костёлы, что позволило им лучше других переселенцев ассимилироваться и сохранить родной язык, обычаи и традиции. Данная категория переселенцев не подходила под указ об амнистии, принятый в 1946 г., и это дает все основания полагать, что эти переселенцы составили основу польской колонии в Казахстане и в данном регионе.

Сосланные в 1937 г. за шпионскую деятельность поляки по решению «троек» либо были расстреляны, либо отбывали длительные сроки заключения в исправительных лагерях ГУЛага. В Карлаге, самом крупном из всех лагерей в Казахстане, отбывал наказание 1351 заключенный польской национальности.

Накануне Второй мировой войны начинается новая «волна» репрессий по отношению к полякам «осадникам». В Казахстане «осадники» расселялись по территориям центрального, восточного и южного Казахстана. Поляки, сосланные в 30-е гг. сталинских репрессий, пополнили число польского населения Казахстана. Согласно переписи 1939 г. численность поляков по сравнению с 1926 г. увеличилась на 51 067 человек.

В годы Второй мировой войны в Казахстан, как в удобный плацдарм для депортаций, продолжают прибывать поляки разных социальных категорий: спецпоселенцы, беженцы, административно высланные. По архивным данным – 61 092 человека. Они расселялись по всем областям Казахстана и работали в трудовых лагерях. Положение их во многом зависело от дипломатических взаимоотношений СССР и Польши.

В 1941 г. советское правительство приняло указ об амнистии польских военнослужащих, находящихся в исправительных лагерях, в надежде, что они войдут в состав частей армии Андерса. Однако выведение армии в Иран в 1942 г. привело к разрыву дипломатических взаимоотношений между государствами, и советское правительство аннулировало принятый ранее указ. Поляки вновь получили статус советских граждан.

После войны судьба поляков была определена соглашением от 6 июля 1945 г., которое позволяло им вернуться на родину. Хорошо организованная репатриация к 1946 г. была завершена, но не все поляки смогли вернуться на родину. Основными причинами отказа в выезде было отсутствие документов и состояние здоровья. К тому же на момент репатриации некоторые поляки еще находились в заключении, а на депортированных в 1936 г. соглашение не распространялось. Вернуться на родину не смогли и польские военные, прибывшие в Казахстан за своими семьями. Из-за недостаточности документальной информации произвести подсчет всех оставшихся поляков сложно.

3. В начале 50-х гг. в Казахстан начинают прибывать поляки в основном из союзных республик на освоение целины.

Отмена специального режима в 1956 г. привела к мигра-

ции поляков из села в город, что подтолкнуло поляков к необходимости паспортизации. При паспортизации, проведенной в 1959 г., многие поляки изменили свою национальность, перестав быть этническими поляками. Как результат, при сравнении итогов переписей за 1939 и 1959 гг. наблюдается уменьшение численного состава поляков в Казахстане на 1707 человек. По итогам переписи 1959 г. польское население Казахстана составляло 53 102 человека.

4. Анализируя итоги дальнейших переписей с 1959 по 2009 гг., можно проследить незначительные изменения численного состава поляков. Таким образом, можно сделать вывод, что активное формирование польской диаспоры Казахстана происходило начиная с XIX в. и завершилось в 50-е гг. XX в. [152, с. 33–39]. По итогам переписи населения 2009 г. в Казахстане проживало 34 057 поляков, что составляет 0,2% населения Казахстана [136, с. 10].

Локальными регионами компактного проживания польской диаспоры в Казахстане являются Тайыншинский район Северо-Казахстанской области, граничащий с югом с Зерендинским и Бурабайским районами Акмолинской области, и город Кокшетау. В Казахстане созданы все условия для гармоничного развития польской диаспоры. Казахстанские поляки принимают активное участие в социально-общественной, экономической и культурной жизни республики, способствуют укреплению дружеских взаимоотношений Польши и Казахстана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Архивные документы и материалы

1. Ведомости учёта польских ссыльных – участников восстания 1863–1864 гг., находящихся под гласным надзором в Оренбургском уезде в 1864–1865 гг. [Текст] // Гос. арх. Оренбург. обл., ф. 6, оп. 18, д. 604, л. 10.
2. Докладная записка начальника «отдела оседания» Алма-Атинской области земледельческого управления о направлении переселенческих хозяйств в районы для выращивания технических культур [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 74, оп. 11, д. 251, л. 47.
3. Докладная записка начальника Турксиба об эпидемии на станции Чокпак [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 6/2, д. 124, л. 100.
4. Документация Актюбинского польского детского дома им. В. Василевской [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 28, оп. 7, д. 7, л. 232, 233, 235, 239.
5. Документация Актюбинской польской сельхозартели «Дружба» [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 6п, оп. 1, д. 326, л. 170.
6. Документация делегатуры польского посольства в Актюбинской области [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 504, оп. 1, д. 5, л. 16.
7. Документация из «особой папки Сталина» о численности поляков в СССР и Казахстане на 1943 г. [Текст] // Гос. арх. РФ, ф. р. 940, оп. 2, д. 64, л. 382.
8. Информационная справка о поляках-переселенцах, прибывших в Казахстан в 1936 г. [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 141, оп. 1, д. 12289, л. 63.
9. Информационная справка о расселении польских переселенцев областными земельными отделениями в

- 1936 г. [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 141, оп. 1, д. 12263, л. 30, 167.
10. Информационная справка о составе спецпоселенцев-поляков по Кокчетавской области на начало 1950 г. [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 16/2, д. 54, л. 24–27.
11. Информационная справка об открытии в Актюбинске польской артели «Рекорд» [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 504, оп. 1, д. 14, л. 12–14.
12. Информационная справка ЦК КПК о хозяйственно-трудовом устройстве польских выселенцев в Кокчетавской области на 1949 г. [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 13, д. 203, л. 24–27.
13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года // Гос. арх. РФ, ф. 1562, оп. 336, д. 388–402.
14. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. 1558, оп. 21, д. 4, л. 1–42.
15. Итоги второй Всероссийской переписи, проведенной Временным правительством 30 сент. 1917 г. (сельскохозяйственная перепись) // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 1, оп. 1, д. 354, л. 16.
16. Итоги призыва в польскую армию поляков-переселенцев в Казахстане в апреле 1942 г. [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1146, оп. 1, д. 287, л. 267.
17. Материалы Второй Всероссийской переписи, проведенной Временным правительством 30 сент. 1917 г., о социальном составе и занятости поляков в селе Броиловка Тургайской области // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 3, оп. 1, д. 587, л. 30.
18. Материалы Карагандинского областного земельного отдела о размещении и устройстве польских хозяйств с Украины на территории областей Казахстана и организация условий для их устройства на новых

- местах [Текст] // Гос. арх. Караганд. обл., ф. 906, оп. 1, д. 27, л. 179.
19. Оренбургская губерния. – 1897. – 1 нояб. // Гос. арх. Оренбург. обл.
20. Оренбургская жизнь. – 1914. – 26 авг., 1915. – 5 сент. // Гос. арх. Оренбург. обл.
21. Оренбургский листок. – 1889. – 16 апр. // Гос. арх. Оренбург. обл.
22. Оренбургское слово. – 1916. – 29 июля, 2 авг. // Гос. арх. Оренбург. обл.
23. Отчёт Наркомата просвещения КазССР за 1943–1944 учебный год о состоянии школ и детучреждений в КазССР [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1692, оп. 1, д. 953, л. 24.
24. Отчет о поляках-нацменах среди партийных служащих (1924 г.) [Текст] // Материалы о работе с нацменами в КАСССР // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 141, оп. 1, д. 966, л. 12.
25. Отчёт о состоянии учебно-воспитательной работы в школе для польских детей им. А. Мицкевича за первое полугодие 1944–1945 учебного года [Текст] // Гос. арх. Жамбыл. обл., ф. 234, оп. 1, д. 36, л. 106, 107, 115.
26. Отчет об организации школ для детей нацменов (1924 г.) [Текст] // Материалы о работе с нацменами в КАСССР // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 141, оп. 1, д. 966, л. 115.
27. Отчеты о выполнении постановления ЦК КП(б) КазССР от 20 февр. 1951 г. «О работе среди спецпоселенцев по Кокчетавской области» [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 16/2, д. 54, л. 88–163.
28. Письмо председателя исполкома Джамбульской области о тяжелом положении эвакуированных поляков (15 дек. 1943 г.) [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 8, д. 156, л. 2–3.

29. Письмо секретаря Северо-Казахстанского областного комитета КП(б)К о проблемах трудоустройства репрессированных поляков [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 4/2, д. 95, л. 42, 304.
30. План переселения поляков в СССР на 1930 год [Текст] // Арх. Президента РФ, ф. 53, оп. 1, д. 73, л. 56.
31. Положение о Бюро доверенного лица при делегатуре польского посольства Актюбинской области [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 504, оп. 1, д. 35, л. 1.
32. Постановление Государственного комитета обороны СССР от 25 декабря 1941 г. «О польской армии на территории СССР» [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 1, д. 4, л. 51.
33. Постановление Министерства просвещения КазССР об отправке на родину польских детей, оставшихся в детских домах и на поселении у граждан (окт., 1947 г.) [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1692, оп. 1, д. 1258, л. 154.
34. Постановление Министерства просвещения КазССР об отправке польских детей, оставшихся в детских домах и на поселении у граждан, на родину (окт., 1947 г.) [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 16/2, д. 54, л. 154.
35. Постановление о создании в Актюбинской области комиссии по закрытию польского детского дома [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 85, оп. 1, д. 1624, л. 5.
36. Постановление Облоно Актюбинской области об открытии яслей для 20 польских детей в Джурунском детском доме [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 504, оп. 1, д. 111, л. 5.
37. Постановление СНК «Об улучшении материальной помощи полякам, эвакуированным в тыловые районы СССР» (май, 1943 г.) [Текст] // Алматинс. обл. гос. арх., ф. 685, оп. 6с, д. 70, л. 5.

38. Постановление СНК СССР от 28 апреля 1936 г. № 776-120сс «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области КазАССР 15 тыс. польских и немецких хозяйств» [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 30, оп. 10с, д. 8, л. 118.
39. Постановление Совета Министров СССР от 17 янв. 1956 г. и информация о снятии со спецучета поляков-спецпереселенцев [Текст] // Гос. арх. Караганд. обл., ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 110.
40. Постановление Совнаркома СССР от 30 июня 1943 г. за № 710 «Об организации школ для детей-поляков» [Текст] // Гос. арх. Жамбыл. обл., ф. 399, оп. 1, д. 370, л. 33.
41. Постановление Южно-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана от 22 января 1942 г. о расположении польских военных дивизий на разъезде Чокпак [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 6/2, д. 80, л. 26–28.
42. Приказ № 2 Актюбинского Исполнительного комитета от 24 июля 1920 г. по вопросу расселения поляков-беженцев [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 3, оп. 1, д. 7, л. 25, 54.
43. Приказ ОГПУ-НКВД №00485 о процессуальном порядке осуждения обвиненных в шпионаже [Текст] // Арх. Президента РФ, ф. 3, оп. 58, д. 6, л. 2.
44. Приказ Реввоенсовета, Наркома путей сообщения и ВЧК от 20 апр. 1921 г. № 877606 «О порядке приема и передачи эшелонов с пленными, беженцами и прочим контингентом при обмене с Польшей» [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 141, оп. 1, д. 970, л. 35.
45. Распоряжение Наркомпроса КазССР об открытии детских домов [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1692, оп. 1, д. 1073, л. 29.
46. Сведения НКВД КазССР на 7 января 1946 г. о заявках

- и желающих выйти из советского гражданства [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1137, оп. 18, д. 139, л. 24.
47. Сведения о выселении поляков в Казахстан накануне Великой Отечественной войны [Текст] // Гос. арх. Караганд. обл., ф. 18, оп. 1, д. 165, л. 35.
48. Сведения о количестве польских граждан в Казахстане на 1941 г.; о количестве амнистированных польских граждан на 1941–1942 гг. [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1137, оп. 18с, д. 33, л. 1–4.
49. Сведения о расселении польских ссыльных – участников восстания 1963–1964 гг. в Западной Сибири [Текст] // Гос. арх. РФ, ф. 109, оп. 4, д. 171, л. 16.
50. Сведения о расселении поляков в Северо-Казахстанской области [Текст] // Гос. арх. Север.-Казах. обл., ф. р. 22, оп. 2, д. 1521, л. 115–116.
51. Сведения о расселении поляков-ксендзов на Алтае и их материальном положении [Текст] // Гос. арх. РФ, ф. 1286, оп. 1, д. 139, л. 92.
52. Сведения о расселении спецпереселенцев на территориях Северо-Казахстанской и Карагандинской областей [Текст] // Гос. арх. Караганд. обл., ф. 62, оп. 2, д. 458, л. 29, 30.
53. Сведения о репатриации последних детей-поляков на родину [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1987, оп. 1, д. 45, л. 83.
54. Сведения об организации курсов повышения квалификации учителей польских школ [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1692, оп. 1, д. 839а, л. 12.
55. Сведения об осужденных в период «польской операции» [Текст] // Гос. арх. РФ, ф. 8131, оп. 28, д. 33, л. 53, 93, 120.
56. Социальный состав польских спецпереселенцев [Текст] // Гос. арх. Караганд. обл., ф. 11, оп. 1, д. 39, л. 5, 44.

57. Список сотрудников Представительства польского посольства в Алма-Ате [Текст] // Алматинс. обл. гос. арх., ф. 685, оп. 6с, д. 62, л. 11.
58. Справка МГБ Кокчетавского обкома КП(б)К о привлечении спецпоселенцев-активистов религиозных сект к уголовной ответственности [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 16/2, д. 54, л. 15.
59. Справка Наркома здравоохранения КазССР о результатах проверки санитарного состояния на разъезде Чокпак [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 6/2, д. 124, л. 101.
60. Справка НКВД КазССР о трудоустройстве поляков, высланных с территорий западных областей Украины и Белоруссии (нояб., 1940 г.) [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 4/1, д. 199, л. 122, 177.
61. Справка НКВД КазССР по результатам проверки трудоустройства поляков-спецпереселенцев (нояб., 1940 г.) [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1137, оп. 18с, д. 139, л. 24, 29, 32.
62. Справка НКВД о наличии польских спецпереселенцев в Казахской ССР на 1 октября 1943 г. [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 7/1, д. 145, л. 37–38.
63. Справка НКВД о размещении польских граждан на территории Казахской ССР на 28 января 1942 г. [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1146, оп. 1, д. 287, л. 9.
64. Справка о составе педагогического коллектива детского дома им. В. Василевской [Текст] // Гос. арх. Актюбинск. обл., ф. 281, оп. 7, д. 8, л. 49, 67, 69.
65. Справка о трудоустройстве польских спецпереселенцев в Павлодарской области [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 708, оп. 4/2, д. 55, л. 104–115.
66. Справка об организации в КазССР комиссии по

- репатриации поляков на родину [Текст] // Центр. гос. арх. Респ. Казахстан, ф. р. 1137, оп. 1, д. 48, л. 156.
67. Справка об устройстве польских переселенцев с Украины [Текст] // Материалы о работе с нацменами в КАССР // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 141, оп. 1, д. 122, л. 19, 21, 29, 30.
68. Справка политического отдела национальных меньшинств о расселении поляков-нацменов в КАССР в 1924 г. [Текст] // Материалы о работе с нацменами в КАССР // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 141, оп. 1, д. 967, л. 8.
69. Указ Киргизского Краевого управления по эмиграции населения от 18 ноября 1921 г. «О снятии польских репатриантов с военного учета» [Текст] // Арх. Президента Респ. Казахстан, ф. 141, оп. 1, д. 967, л. 1.

Специальная литература

70. Абуов, Н. А. Депортация народов в Казахстан (1936–1957) (На материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей) [Текст] / Н. А. Абуов // Караганда, 2008. – 176 с.
71. Абылхожин, Ж. Б. История Казахстана: белые пятна [Текст] / Сост. Ж. Б. Абылхожин. – Алматы, 2002. – 208 с.
72. Абылхожин, Ж. Б. Народы Казахстана [Текст] / Ж. Б. Абылхожин. – Алматы: Арыс, 2003. – 352 с.
73. Алексеенко, А. Н. Население Казахстана в дореволюционный период [Текст] / А. Н. Алексеенко. – Алма-Ата: Казахстан, 1981. – 165 с.
74. Алексеенко, А. Н. Этносы Казахстана: Историко-демографический справочник [Текст] / А. Н. Алексеенко, Н. В. Алексеенко, М. К. Козыбаев, Ю. И. Романов. – Астана: Елорда, 2001. – 168 с.

75. Андреев, С. М. Об истории Арык-Балыка [Текст] / С. М. Андреев. – Алма-Ата, 1989. – 109 с.
76. Асылбеков, М. Х. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980) [Текст] / М. Х. Асылбеков, А. Б. Галиев. – Алматы, 1994. – 346 с.
77. Базанова, Ф. Н. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 г. – декабрь 1936 г.) [Текст] / Ф. Н. Базанова. – Алма-Ата: Казахстан, 1959. – 285 с.
78. Базанова, Ф. Н. Формирование и развитие структуры населения [Текст] / Ф. Н. Базанова, – Алма-Ата: Казахстан, 1986. – 156 с.
79. Бекмаханова, Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии [Текст] / Н. Е. Бекмаханова. – М.: Наука, 1980. – 278 с.
80. Бломквист, Е. Э. Бухтарминские старообрядцы [Текст] / Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринькова. – Л., 1930. – 105 с.
81. Бломквист, Е. Э. Кто они такие, бухтарминские старообрядцы [Текст] / Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринькова // Материалы комиссии этнографических исследований. – Вып. 17. – Л., 1930. – С. 156.
82. Бородин, Н. А. Уральское казачество [Текст] / Н. А. Бородин // Казачество в истории России: Сб. науч. тр. – Анапа, 1993. – 280 с.
83. Бугай, Н. Ф. Берия – Сталину: «Согласно вашему указанию» [Текст] / Н. Ф. Бугай. – М.: Наука, 1995. – 320 с.
84. Витевский, В. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года [Текст] / В. Н. Витевский. – Казань, 1897. – 292 с.
85. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 8. Казахская АССР. – М.: Наука, 1928. – 153 с.
86. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. – М.: Наука, 1991. – 120 с.

87. Галиев, В. З. Влияние политической ссылки на культурную и общественную жизнь Казахстана [Текст] / В. З. Галиев. – Алма-Ата: Казахстан, 1965. – 126 с.
88. Гвоздиков, И. М. Оренбургская политическая ссылка на дворянском этапе освободительного движения в России [Текст] / И. М. Гвоздиков // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX вв.: Сб. науч. тр. – Уфа, 1992. – С. 185.
89. Герасимов, Б. Ссылные поляки в Семипалатинской области: Краткий исторический очерк [Текст] / Б. Герасимов // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Русского географического общества. – Вып. 12. – Семипалатинск, 1918. – С. 209.
90. Гладышева, Е. Взаимодействие миграций и национального состава населения (на материалах Казахстана) [Текст] / Е. Гладышева // Статистика миграции населения. – М.: Наука, 1973. – 222 с.
91. Гладышева, Е. О взаимодействии миграции и национального состава населения [Текст] / Е. Гладышева. – М.: Наука, 1970. – 223 с.
92. Гурьянов, А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. [Текст] / А. Э. Гурьянов // Мемориал: Исторический справочник. – Вып. 1. – М.: Звенья, 1997. – С. 105–117.
93. Двоскин, Б. Я. Экономико-географическое районирование Казахстана [Текст] / Б. Я. Двоскин. – Алма-Ата: Казахстан, 1986. – 248 с.
94. Дельманова, С. Д. Исправительно-трудовые лагеря на территории Казахстана (1930–1956 гг.) [Текст] / С. Д. Дельманова. – Алматы, 2002. – 170 с.
95. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы [Текст] / Сост.: Г. Анес, А. К. Кекилбаев и др. – Алматы: Арыс-Казахстан, 1998. – 413 с.

96. Дыбровская, А. История Польши с древнейших времен до наших дней [Текст] / А. Дыбровская, М. Жарын, Я. Жарын. – Варшава: Из-во ПВН, 1995. – 360 с.
97. Дымов, О. Г. Тепло казахстанской земли [Текст] / О. Г. Дымов. – Алматы: Арыс, 1999. – 267 с.
98. Дьяков, В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1854–1865 годов [Текст] / В. А. Дьяков // Библиографический словарь. – М.: Наука, 1967. – С. 234.
99. Дьяков, В. А. Оренбургский заговор 1833 г. [Текст] / В. А. Дьяков. – Саратов, 1977. – 230 с.
100. Дьяков, В. А. Освободительное движение в России 1825–1861 гг. [Текст] / В. А. Дьяков. – М.: Наука, 1979. – С. 105.
101. Дьяков, В. А. Очерки революционной связи народов России и Польши (1815–1917 гг.) [Текст] / В. А. Дьяков, Р. А. Ермолаева. – М.: Наука, 1976. – 601 с.
102. Дьяков, В. А. Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847–1850 гг. [Текст] / В. А. Дьяков // Славянская историография и археология. – М., 1969. – С. 170.
103. Дьяков, В. А. Тарас Шевченко и его польские друзья [Текст] / В. А. Дьяков. – М., 1964. – 128 с.
104. Есимова, А. Б. Демографические процессы в Казахстане в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А. Б. Есимова. – М., 1999. – 130 с.
105. Зайцев, В. М. Социальный состав участников восстания 1863–1864 годов на территории Царства Польского (по материалам аудиторского департамента Военного министерства) [Текст] / В. М. Зайцев. – М.: Наука, 1970. – 228 с.
106. Зайцев, Е. А. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических

- репрессий [Текст] / Е. А. Зайцев. – М.: Наука, 1993. – 190 с.
107. Земсков, В. Н. Спецпереселенцы (1930–1960-е годы) [Текст] / В. Н. Земсков. – М.: Наука, 1994. – 256 с.
108. Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.): Сб. док. [Текст] / Сост.: Абылхожин Б. Ж., Дегитаева Л. Д. – Алматы: Казахстан, 2000. – 344 с.
109. История Казахстана, народы и культуры [Текст] / Сост.: А. Н. Алексеенко, Ж. Б. Абылхожин, Г. С. Баратова, И. В. Ерофеева, Н. Э. Масанов. – Алматы: Дайк-пресс, 2001. – 608 с.
110. Итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года. Т. 8. Казахская АССР. – М.: Наука, 1928. – 153 с.
111. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. – М.: Наука, 1962. – 106 с.
112. Кадыралина, Ж. У. Спецпереселенцы и трудармейцы в Западном Казахстане в 1917–1941 гг. [Текст] / Ж. У. Кадыралина. – Алматы, 2000. – 158 с.
113. Калишевский, М. «Полония» на Востоке: Об истории польской диаспоры в Центральной Азии [Текст] / М. Калишевский. – М.: Наука, 2009. – 180 с.
114. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя [Текст] / А. Каппелер. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 344 с.
115. Ковальская, С. И. Проблемы историографии миграции [Текст] / С. И. Ковальская. – М.: Наука, 1998. – 130 с.
116. Латыпова, В. В. Из истории польской диаспоры на Южном Урале [Текст] // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (28–29 июня 1996 г.). – Уфа, 1996. – С. 82–84.
117. Латыпова, В. В. Поляки на Южном Урале XVII–XVIII вв. [Текст] / В. В. Латыпова. – СПб., 1996. – 104 с.
118. Латыпова, В. В. Ссылные поляки на Южном Урале в

- XVII–XIX вв. [Текст] // Оренбургской губернии – 250 лет (проблемы истории и культуры): Тезисы докладов и сообщений исследователей Башкортостана на конф., посвящ. 250-летию Оренбургской губернии. – Уфа, 1994. – С. 43–46.
119. Латыпова, В. В. Ссылные поляки на Южном Урале в XVII–XIX вв. [Текст] // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: Тезисы докладов и сообщений к междунар. науч. конф. (16–17 нояб. 1993 г.). – Уфа, 1993. – С. 173–175.
120. Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 5. [Текст] / Ред. А. Я. Разумов. – СПб.: Изд-во РНБ, 1996. – 804 с.
121. Лысоченко, О. Б. Польские ссылные на Алтае в XIX веке [Текст] / О. Б. Лысоченко. – М., 1976. – 87 с.
122. Мадестов, Н. Н. Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге [Текст] / Н. Н. Мадестов. – Оренбург, 1913. – 280 с.
123. Материалы по истории политического строя казахов (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1 [Текст] / Сост. М. Г. Масевич. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 441 с.
124. Машимбаев, С. М. Проблема истории польских переселенцев в Казахстане (1936–1946) [Текст] / С. М. Машимбаев, Л. Т. Исаева. – Алматы, 2001. – 140 с.
125. Машимбаев, С. М., Исова Л. Т. Проблема истории польских переселенцев в Казахстане (1936–1946 гг.) [Текст] / С. М. Машимбаев, Л. Т. Исаева. – Алматы, 2000. – 146 с.
126. Мергенов, А. А. Военнопленные «великой армии» на службе в Сибирском линейном казачестве [Текст] / А. А. Мергенов. – М.: Наука, 1990. – 175 с.
127. Моравский, З. И. Ватикан издали и вблизи [Текст] / З. И. Моравский. – М.: Наука, 1989. – 128 с.

128. Ничуговская, Л. Р. Поляки в Оренбуржье [Текст] / Л. Р. Ничуговская // Южный Урал: историко-культурные проблемы: Сб. науч. тр. – Оренбург, 1995. – С. 47 с.
129. Ничуговская, Л. Р. Поляки в таможенном ведомстве [Текст] / Л. Р. Ничуговская. – Оренбург, 1996. – 128 с.
130. Новикова, В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства [Текст] / В. А. Новиков. – Уфа, 1897. – 64 с.
131. Ольшанский, П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение [Текст] / П. Н. Ольшанский. – М.: Наука, 1959. – 269 с.
132. Пекарский, П. П. Известие об Уфимских дворянах [Текст] / П. П. Пекарский // Справочная книга Уфимской губернии на 1882–1883 гг. – Уфа, 1983. – С. 299.
133. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – СПб., 1904. – Т. 81. Акмолинская область. – С. 136; Т. 82. Закаспийская область. – С. 104; Т. 84. Семипалатинская область. – С. 102; Т. 85. Семиреченская область. – С. 130; Т. 86. Сыр-Дарьинская область. – С. 207; Т. 87. Тургайская область. – С. 103; Т. 88. Уральская область. – С. 103.
134. Первая Всеобщая перепись населения 1897 года. Вып. LXXXIX. – М.: Изд. ЦСК МВД, 1904. – 305 с.
135. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 год. Распределение населения по родному языку / Под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1905.
136. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года: Краткие итоги. – Астана, 2010. – С. 10.
137. Перетяткович, Г. С. Поволжье в XVII – начале XVIII вв. (Очерки из истории колонизации края) [Текст] / Г. С. Перетяткович. – Одесса, 1882. – 85 с.
138. Пилсудский, Б. Поляки в Сибири: Очерк [Текст] / Б. Пилсудский – Иркутск, 1980. – 120 с.

139. Писарек, Г. О. Роль русских и украинцев в жизни и творчестве Эдварда Желиговского [Текст] / Г. О. Писарек // Связи революционеров России и Польши в XIX – начале XX вв. – М.: Наука, 1968. – С. 218–220.
140. Полянский, К. А. Ясной поляне – 70 лет [Текст] / К. А. Полянский. – Омск, 2006. – 166 с.
141. Самсонович, Г. О. История Польши до 1795 г. [Текст] / Г. О. Самсонович. – Варшава, 1987. – С. 126.
142. Самсонович, Г. О. Тысячелетняя история [Текст] / Г. О. Самсонович, Я. М. Тазбир. – Варшава, 1999. – 121 с.
143. Сапаргалиев, Г. С. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане [Текст] / Г. С. Сапаргалиев, В. А. Дьяков. – Алма-Ата, 1971. – 283 с.
144. Сафонов, Д. А. История Оренбуржья [Текст] / Д. А. Сафонов // Экспериментальное учебное пособие. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – 115 с.
145. Сафонов, Д. А. Оренбургский заговор 1833 г. [Текст] / Д. А. Сафонов. – Оренбург, 1989. – 109 с.
146. Сдыков, М. Н. История населения Западного Казахстана [Текст] / М. Н. Сдыков. – Алматы, 2004. – 415 с.
147. Семенов, В. И. Иностранцы и инородцы в Оренбургском казачьем войске [Текст] / В. И. Семенов. – Оренбург, 2008. – 118 с.
148. Симонов, Н. И. Краткие истории первого Сибирского казачьего полка Ермака Тимофеева [Текст] / Н. И. Симонов. – Омск, 1907. – 105 с.
149. Сифман, Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1916 гг. [Текст] / Р. И. Сифман. – М.: Наука, 1977. – 208 с.
150. Снытко, Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение [Текст] / Т. Г. Снытко. – М.:

- Наука, 1986. – 186 с.
151. 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) // История СССР. Т. 1 – М.: Наука, 1992. – 338 с.
152. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей 1959, 1970, 1989 гг. – Алматы, 1991.
153. Хаустов, В. Н. Фрагменты «закрытого письма» [Текст] / В. Н. Хаустов. – М.: Наука, 1992. – 280 с.
154. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении [Текст] / В. М. Черемшанский. – Уфа, 1859. – 120 с.
155. Шаймуханов, Д. С. Карлаг [Текст] / Д. С. Шаймуханов, С. Д. Шаймуханова. – Караганда, 1997. – 175 с.
156. Шевченко, Т. Г. Документы и материалы [Текст] / Т. Г. Шевченко. – Киев, 1963. – 202 с.
157. Шейнман, П. П. От Пия IX до Павла VI [Текст] / П. П. Шейнман. – М.: Наука, 1979. – 118 с.
158. Шостакович, Б. С. Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века [Текст] / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири. – Вып. 9. – Иркутск, 1985. – С. 158.
159. Шостакович, Б. С. Политические ссылки поляки и декабристы в Сибири [Текст] / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. ст. – Вып. 1. – Иркутск, 1973. – С. 258–260.
160. Шотбанова, Л. К. Национальный аспект переселенческой политики и коренизация в Казахстане 1914–1917 гг. [Текст] / Л. К. Шотбанова. – М.: Наука, 1995. – 190 с.

Литература на иностранных языках

189. Badowski, P. Polscy piewcy Kazachstanu [Текст] / P. Badowski. – Warszawa, 2004. – 190 s.
190. Bogdan, H. From Warsaw to Sofia: A History of Eastern Europe [Текст] / H. Bogdan. – Mexico, 1989. – 203 p.
191. Castles, S. The Age of Migration, Fourth Edition: International Population Movements in the Modern World [Текст] / S. Castles, M. Miller. – London, 1996. – 148 p.
192. Compedium polonicum Orenburgensi (История, знаменитые личности, фольклор) [Текст]. – Оренбург: Центр польской культуры, 2002. – 40 с.
193. Gawęski, M. W Stepie dalekim: Polacy w Kazachstanie [Текст] / M. Gawęski, J. Jaskulski. – Poznan, 1997. – 130 s.
194. Gawęski, M. Polacy z Ukrainy w Kazachstanie: Etniczność a historia: Etniczność a Historia [Текст] / M. Gawęski. – Kazachstan – Połonia: [Polskie Towarzystwo Ludoznawcze](#), 1992. – 148 s.
195. Cieśliński, S. Polacy W Kazachstanie: Historia I Współczesność [Текст] / S. Cieśliński, A. Kuczyński. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996. – 398 s.
196. Harris, J. R. Tordaro M. J. Migration unemployment and development: A two-sector analysis [Текст] / J. R. Harris, M. J. Tordaro // American Economic. Review. – 1970. – № 60. – P. 126–142.
197. Ianik, M. Dzieje Polaków na Syberji [Текст] / M. Ianik. – Wrocław, 1991. – 235 s.
198. Jewśiewicki, W. Na syberyjskim zesłaniu [Текст] / W. Jewśiewicki. – Warszawa, 1959. – 124 s.
199. Kasonicz, A. Wszystko co pamięć zachowuje – jest sercu

- bardzo drogie = Касонич, А. Всё, что память хранит, – сердцу дорого очень [Текст] / А. С. Касонич. – Казахстан–Польша, Кокшетау, 2008. – 205 с.
200. Kuczyński, A. Syberia. Cztery lata polskiej diaspory: Antologia historyczno-kulturowa [Текст] / А. Кучыński. – Wrocław, Warszawa, Kraków, 1993. – 148 s.
201. Kuczyński, A. Syberyjskie szlaki [Текст] / А. Кучыński. – Wrocław, 1972. – 158 s.
202. Librowicz, Z. Polacy w Syberji [Текст] / Z. Librowicz. – Wrocław, 1992. – 344 s.
203. Miłosz, H. Rodzina Europa [Текст] / H. Miłosz. – Kraków, 1959. – 201 s.
204. Morawska, E. This sociology and historiography of immigration Reconsidered [Текст] / E. Morawska // History, Sociology and Politics. – New-York, 1990. – P. 187–240.
205. Śliwowska, W. Materiały do historii zesłańców syberyjskich [Текст] / W. Śliwowska // Pamiętnik Literacki, 1990. – T. LXXXI. – № 1.
206. Śliwowska, W. Polskie drogi do emancypacji (Oudzialek kobiet w ruchu niepodległościowym w okresie międzypowstaniowym 1833–1856) [Текст] / W. Śliwowska // Losy Polaków w XIX-XX w.: Studia ofiarowane profesorowi Stefanowi Kieniewiczowi w osiemdziesiątą rocznicę jego urodzin (Polish Edition). – Warszawa, 1987 – 430 s.
207. Стронський, Г. Злет і падіння. Польський національний район в Україні у 20–30-і роки. – Тернопіль, 1992. – 101 с.
208. Zaleski, B. Wygnańcy polscy w Orenburgu // Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu. Rok 1866. – Paris, 1866.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Таблица 1 – Польское население Туркестанского и Степного генерал-губернаторства в разрезе областей на 1897 г., тыс. чел.

№	Область	Всего по переписи	Всего в пределах современных территорий	Поляки
1.	Акмолинская	682,6	582,1	0,2
2.	Семипалатинская	684,6	684,6	0,2
3.	Семиреченская	957,8	663,7	0,1
4.	Сырдарьинская	1478,4	835,4	0,3
5.	Тургайская	453,4	453,4	0,1
6.	Уральская	645,1	654,1	0,2
7.	Букеевская орда	214,8	214,8	0,006
8.	Мангышлакский уезд	68,5	68,5	0,038
Всего		5185,2	4147,7	1,2

Таблица 2 – **Численность польского населения в разрезе городов и уездов по итогам переписи 1897 г., чел.**

<i>Области</i>	<i>Муж.</i>	<i>Жен.</i>	<i>Всего</i>
Акмолинская	122	74	196 (16%)
в городах	66	33	99
в уездах	56	41	97
Семипалатинская	128	67	195 (15,4%)
в городах	113	66	179
в уездах	15	1	16
Семиреченская	111	44	155 (12%)
в городах	72	35	107
в уездах	39	9	48
Сырдарьинская	295	17	312 (25%)
в городах	271	11	282
в уездах	24	6	30
Тургайская	93	8	101 (8%)
в городах	76	8	84
в уездах	17	–	17
Уральская	199	51	250 (20%)
в городах	161	31	192
в уездах	38	20	58
Букеевская орда	4	2	6 (0,5%)
в городах	2	1	3
в уездах	2	1	3
Мангышлакский уезд	37	1	38 (3%)
в городах	37	–	37
в уездах	–	1	1
Во всех городах	798	185	983
Во всех уездах	191	79	270
Всего	989	264	1253

Таблица 3 – **Численность польских беженцев Николаевской волости Актюбинского уезда Тургайской области (сельскохозяйственная перепись 1917 г.)**

<i>Николаевская волость</i>	<i>Кол-во семей</i>	<i>Численность, чел.</i>	<i>Муж.</i>	<i>Жен.</i>
Браиловка	150	396	200	196
Грозный	22	44	22	22
Лазовский	10	20	11	9
Николаевка	6	12	5	7

Таблица 4 – **Расселение поляков по губерниям и уездам (данные Всесоюзной переписи населения 1926 г.)**

<i>Губерния/уезд</i>	<i>Абсолютная численность, чел.</i>	<i>Доля, %</i>
Казахстан	3742	100,0
Акмолинская	1017	27,2
Актюбинская	739	19,7
Джетьысуйская	248	6,6
Семипалатинская	759	20,3
Сырдарьинская	496	13,3
Уральская	94	2,5
Адаевский уезд	4	0,1
Кустанайский округ	385	10,5

Таблица 5 – **Расселение поляков по областям**
(данные Всесоюзной переписи населения
1939 г.)

<i>Область</i>	<i>Абсолютная численность, чел.</i>	<i>Доля, %</i>
Актюбинская	811	1,5
Алма-Атинская	3 142	5,7
Восточно- Казахстанская	944	1,7
Гурьевская	426	0,8
Джамбульская	564	1,0
Карагандинская	2 562	4,7
Кзыл-Ординская	565	1,0
Кустанайская	814	1,5
Павлодарская	481	0,9
Северо-Казахстанская	29 171	53,2
Семипалатинская	551	1,0
Уральская	554	1,0
Целиноградская	12 016	21,9
Чимкентская	1670	3,0
г. Алма-Ата	538	1,0
Итого	54 809	100,0

Таблица 6 – **Итоги призыва поляков в польскую армию**
по областным военкоматам на апрель 1942 г.

<i>Наименование облвоенкоматов</i>	<i>Офицеры</i>	<i>Унтер- офицеры</i>	<i>Рядовые</i>
Алма-Атинский	2	28	91
Джамбульский	43	599	1269
Восточно- Казахстанский	52	523	1079
Кзыл-Ординский	1	24	182
Северо-Казахстанский	10	19	44
Карагандинский	2	15	40
Акмолинский	28	103	494
Павлодарский	31	115	492
Семипалатинский	44	87	371
Южно-Казахстанский	2	8	48
Итого	215	1511	4110

Таблица 7 – Наличие польского спецконтингента по областям Казахской ССР по состоянию на 1 октября 1943 г.

№	Области	Поляки, чел.
1.	Акмолинская	9098
2.	Алма-Атинская	1596
3.	Актюбинская	5218
4.	Восточно-Казахстанская	702
5.	Гурьевская	142
6.	Джамбульская	12 791
7.	Западно-Казахстанская	145
8.	Карагандинская	499
9.	Кзыл-Ординская	1765
10.	Кустанайская	5545
11.	Павлодарская	5600
12.	Семипалатинская	3943
13.	Северо-Казахстанская	8196
14.	Южно-Казахстанская	9027
	Всего	64 267

Таблица 8 – Данные о реэвакуации польских граждан и членов их семей в Польшу на 25 июня 1946 г.

Области	Учтенные поляки	Поданные заявления	Взрослые	Дети до 14 лет	Итого	Отправлен-ные	Оставшиеся	Причины
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Алма-Атинская	2816	1943	1922	373	2295	2052	131	4 чел. умерло; 22 чел. отказ. выехать; 2 чел. заболело; 95 чел. выбыло в неизв. направлении
Акмолинская	3584	3370	2525	530	3055	3027	20	Отказ. выехать
Актюбинская	2132	1753	1704	351	2055	2048	7	Отказ. выехать
Восточно-Казахстанская	1118	897	893	225	1118	1106	12	2 чел. заболело; 8 чел. арестовано за растрату; 2 чел. отказ. выехать
Гурьевская	320	293	293	27	320	316	4	Отказ. выехать
Западно-Казахстанская	278	180	180	98	278	278	-	

	1950	1373	1259	314	1573	1565	8	Отказ. выехать
Карагандинская	4363	2446	2419	1907	4326	4309	17	Отказ. выехать
Кокчетавская	1023	745	724	291	1015	998	17	Выбыли в неизв. направлении
Кзыл-Ординская	2530	1722	1649	805	2454	2440	14	Отказ. выехать
Кустанайская	6131	3747	3588	2434	6022	5908	114	56 чел. отказ. выехать; 13 чел. умерло; 11 чел. заболело; 7 чел. выехало в др. обл.
Павлодарская	6763	4994	4845	1418	6263	5756	114	18 чел. умерло; 17 чел. арестовано; 76 чел. отказ. выехать; Остальные выехали в др. обл.
Северо-Казахстанская	5123	3524	3518	1578	5096	4897	51	39 чел. отказ. выехать; 12 чел. умерло
Семипалатинская	2030	1500	1499	530	2029	1991	21	13 чел. отказ. выехать; 8 чел. умерло
Талды-Курганская	7703	5262	5224	2441	7665	7443	217	159 чел. выбыло в неизв. направлении; 36 чел. отказ. выехать
Южно-Казахстанская	55527	40118	38610	15107	53717	52287	723	
Итого:								

Таблица 9 – Наличие спецпереселенцев-поляков и местных поляков в Кокчетавской области на 1952 г.

Наименование районов	Поляков-спецпоселенцев, чел.	Местных поляков, чел.
1. Айыртауский	248	–
2. Арык-Балыкский	358	–
3. Зерендинский	10	–
4. Кокчетавский	235	–
5. Келлеровский	5650	103
6. Красноармейский	1099	24
7. Рузаевский	244	–
8. Чкаловский	6212	21
9. Щучинский	157	–
10. Эңбекшілдерский	8	–
12. г. Кокчетав	127	–
Всего:	14 548	148

Таблица 10 – Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. по областям Казахстана

Области	Численность поляков, чел.	Доля, %
Восточно-Казахстанская	550	1,0
Кокчетавская	25 232	47,5
Северо-Казахстанская	24 330	45,8
Целиноградская	2 990	5,7
Итого:	53 102	100,0

Таблица 11 – Численность польского населения
Казахстана – 1959-2020 гг.

Год учета	Численность поляков, чел.	Доля, %
1959 г.	53.102	0,57%
1970 г.	61.335	0,48%
1979 г.	61.136	0,42%
1989 г.	59.956	0,36%
1999 г.	47.297	0,32%
2009 г.	34.057	0,21%
На 1.01.2020 г.	29.728	0,16%

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.

Архивные фото -1

**ДЕЛЕГАТУРА ПОЛЬСКОГО ПОСОЛЬСТВА
В ГОРОДЕ АКТЮБИНСКЕ
(Фото из архива делегатуры
Польского посольства – Ф.504)**

ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.106

Копия 4416

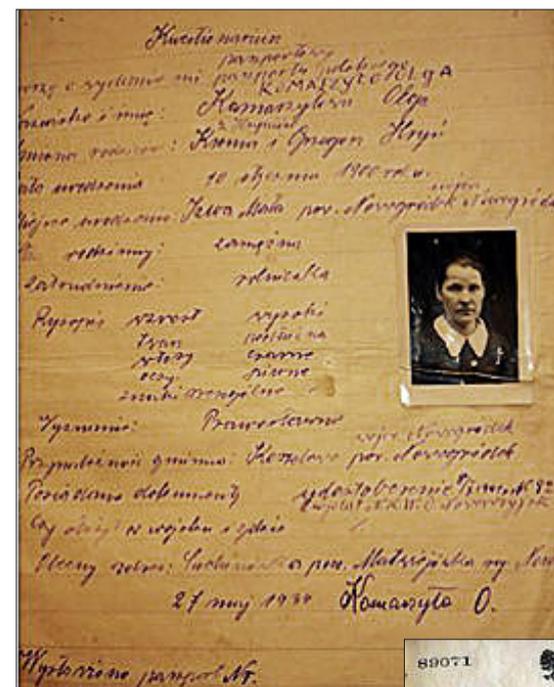
Делегатура Польского
Посольства г. Антверпена.

Список лиц работающих
при Посольстве.

Фамилия Имя	Работает в качестве	Кол-во лиц
Мускус Греула	Делегат	4.
Керский Збигнев	Секретарь	3.
Бункевич Анна	Кассир	3.
Зрептович Ольга	Воен. резервист	1.
Лятавец Кароль	Дене. станица	1.
Лятавец Николай	" " "	3.
Лятавец Ян	" " "	2.
Чункевич Стрест	" " "	1.
Капуцета Ян	Напизан Карман	1.
Скопович Ипполит	Воен. врач	2.
Блауцак Юзер	Поземельный	3.

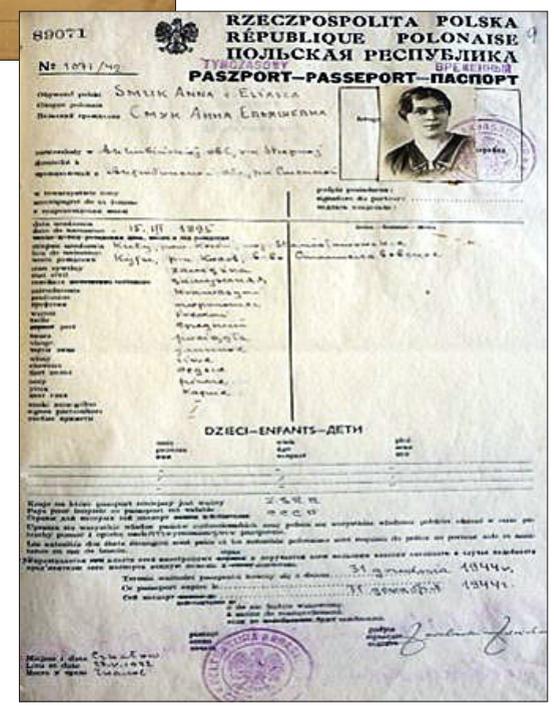
Делегат Польского
Посольства:

Списочный
состав
делегатуры
ГAAкTO. Ф.504.
Оп.1. Д.53. Л.16

Временные паспорта
ГAAкTO. Ф.504.
Оп.1. Д.108. Л.9

ГAAкTO.
Ф.504. Оп.1. Д.107

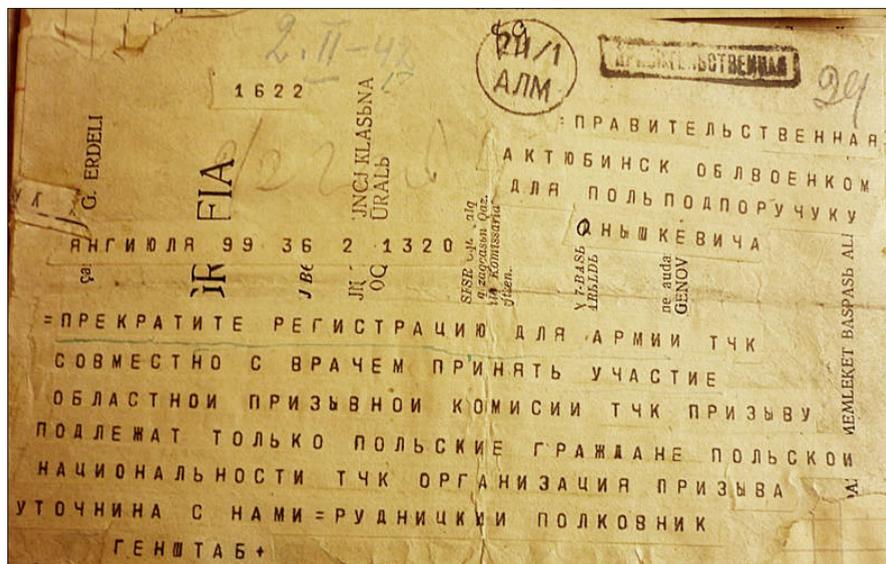
ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.107

Архивные фото -2

ПОЛЬСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ ИМЕНИ
В. ВАСИЛЕВСКОЙ В ГОРОДЕ АКТЮБИНСКЕ

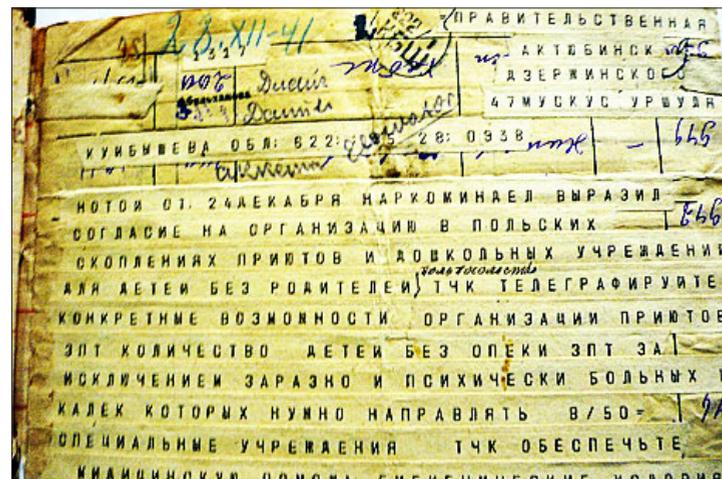

ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.107

Правительственная телеграмма по призыву в армию.

ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.3. Л.24

Правительственная телеграмма об открытии детского

приюта в Актюбинске. ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.5. Л.9

ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.107

Доверенное лицо
Томского Госсовет.
Актыбинск Лубкинцев
Тел. 1-26.

Копия: Магалинский
Александров
Пов. Келамову.

Подаю Вам список открытых приютов
и инвалидов. Домов Томским Госсоветом
с просьбой Район районных комитетов рай-
потребсоюзам о включении их для
снабжения продуктами.

Район Маршук адрес: Дет-дом (Кочин).
открыт 2) Прием для детей на 80 человек
инвалидов на 30 человек

Район Ола (Кочинский) ст. Аккемир.
1) Прием для детей на 40 человек
инвалидов на 30 человек

Район Стенная - Кос-Цетек - Дом для детей на 40 человек
Доверенное лицо по ком. Госсовету: С.И. Келамов

Список открытых детских приютов в Актыбинской области.

ГААктО. Ф.281. Оп.7. Д.8. Л.8

ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.107

Список сотрудников
Актыбинского польского детского дома
подготовивших репатриацию в Польшу.

Грановицкая Анеля Ивановна
Вяця Ольга Владимировна
Трановель Мария Эдвардовна
Зелинская Цесляна Адамовна
Мивецка Стефалия Викторовна
Абласкей Геновеска Юлиановна
Кучицка Антонина Францовна
Кучицка Ольга Францовна
Райчик Эдвина Осиповна
Луровска Станислава Михайловна
Мижко Антон Антониович
Петрицкая Эмилия Андреевна
Кванек Эдвина Петровна
Адамчик Мария Петровна
Адамчик Мария Стефановна
Цицковская Раиса Терпавовна

Список сотрудников польского детского дома.

ГААктО. Ф.281. Оп.7. Д.8. Л.74

Архивные фото -3

ПОЛЬСКИЕ ТРУДОВЫЕ АРТЕЛИ
«РЕКОРД», «ДРУЖБА»

ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.107

7. Анкетные листы работников
машиностроительного завода на Срединной
ул. - 1945 года - Артели «Рекорд»

Имя	Иск	долж.
Свешникова У.В.	исх	долж.
Дадлеу С.	и	прес.
Петровская К.	—	прив.
Тамаревна В.	—	заб. бу.
Бусько С.А.	—	касс.
Торшвец М.И.	—	учет.
Свешникова М.	—	—
Курьер	—	заб. хоз.
Кривин И.	механ.	заб. бр.
Канюшевская Э.	—	—
Кафис С.	—	касс.
Сонгар Ю.	—	—
Тонко И.А.	—	—
Таша А.В.	—	—
Виндак Л.С.	—	—
Зелфес Э.	—	—
Черная С.	—	—
Лашен К.И.	—	—
Босско П.	—	—
Антонисер С.	мех.	—
Танис И.В.	—	—

Списочный состав работников артели «Рекорд».

ГААктО. Ф.504. Оп.1. Д.44. Л.33

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Селим Хазбиевич,

**Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польша
в Республике Казахстан**

ПОЛЯКИ В КАЗАХСТАНЕ

Польская эмиграция в Казахстане, польская община либо диаспора, которую историки, путешественники, исследователи и общественные активисты называют по-разному – это одно из самых крупных в мире скоплений Поляков, людей польского происхождения. Она отличается от других тем, что это была недобровольная эмиграция. Если в США, Бразилию, Южную Африку, Австралию, Канаду и еще многие другие места мира Поляки ехали по доброй воле, то в Казахстан нет. Поляки были сосланы на территорию современного Казахстана властями Российской Империи, а затем Советского Союза. Ехали как заключенные, как солдаты, сосланные в так называемые «солдаты» царским режимом, как каторжники, «спецпереселенцы» в советские времена, никогда не находились они по своей воле в этих обширных, ветреных и морозных степях.

Очень часто они оставались здесь насовсем. Заводили семьи, вращались в эти земли, в этот пейзаж, в эти условия. Их внуки и правнуки стоят сегодня в очереди в консульский отдел Посольства Польши в Нур-Султане в ожидании визы, подавая документы на получение так называемой «Карты Поляка», которая облегчает пребывание и трудоустройство в Польше. Наиболее часто поданный пакет документов не является полным, так как «польские бумаги» пропали либо были уничтожены из-за страха перед ревизией.

Национальное сообщество Поляков в Казахстане – это также истории людей, которые оставили свой след в общественной, политической и культурной жизни Казахстана в период до обретения независимости, когда он был союзной республикой с полукOLONИальным статусом.

Польская диаспора – это в большинстве своем деревенские жители, малообеспеченные, не всегда образованные, чем «обязаны» национальной политике советов. Сегодня ситуация постепенно меняется. Молодые люди польского происхождения обучаются в Казахстане или в Польше, многие из них хорошо зарабатывают, Поляки становятся все более обеспеченными и образованными. Они образуют мост между Азией и Европой, будучи частью Польши в Центральной Азии. Это, несомненно, является также для них возможностью в экономическом и культурном смысле.

Во многих случаях казахстанские Поляки лингвистически русифицированы. Это также является следствием произошедшего, следствием политики царского и советского режима. Исповедуемая ими католическая религия практически удерживала их при региональной идентичности, польскости. В Казахстане только Поляки и частично Немцы были католиками. Север страны в основном был православным, юг в большей мере мусульманским. В период советской власти любая религия, в том числе и католическая, была под запретом в принципе, в Казахстане в пятидесятых и шестидесятых годах среди Поляков существовала «подпольная церковь» в частных квартирах, при плотно закрытых окнах и тщательно спрятанных молитвенниках и священных изображениях. Героем этой «подпольной церкви» был блаженный о. Ксендз Владислав Буковинский. Это касалось также и других религий.

Историю Поляков в Казахстане можно разделить на опре-

деленные периоды. Первым, несомненно, будет период с XVIII века, со времен Барской конфедерации до подавления Январского восстания 1864 года. Это был конец романтизма, период, когда Россия завоевывала эти территории, а Поляки часто были сосланы в «солдаты», то есть на принудительную, карательную военную службу в армии захватчика, оказывались на территориях казахских орд, изучая их обычаи, записывая песни и пословицы, описывая их жизнь. С 1864 по 1905 гг. был период заключения в тюрьмы, принудительных работ, то есть «каторги» январских повстанцев, их семей и тех, кто помогал повстанцам. Их также отправляли на «принудительное поселение», оставляя свободу передвижения, социальных контактов и охоты в пределах определенного, территориально большого пространства.

Следующим периодом были 1905-1914 гг., когда на территорию нынешнего Казахстана были сосланы участники Революции 1905 года, которая большей частью проводилась на этнически польских землях тогдашнего российского раздела.

Потом наступил период первой мировой войны и большевистской революции, гражданской войны, которая привела к огромной волне возвращения Поляков на свою родину, что так красочно и убедительно описал Стефан Жеромский в своем романе «Весна идет». С территории Казахстана были родом государственные деятели возрожденной Польши, такие как Тадеуш Голувко, близкий соратник маршала Юзефа Пилсудского, уроженца города Семипалатинска.

Следующий период – это межвоенные годы, период советской власти, когда в 1936 году начали ликвидировать польские автономные регионы, образовавшиеся в двадцатые годы на Востоке Беларуси и Украины. Один из регионов был назван в честь Феликса Дзержинского и был основан в Минской области Белорусской АССР, другой был назван в честь Юли-

ана Мархлевского на Украине, на Волыни. Оба польских коммуниста были описаны Стефаном Жеромским как предатели Польши в повести под названием «Приход в Вышкове».

Оба региона были созданы в 1925 году и должны были стать примером тогдашней советской политики «коренизации» или «укоренения». По этому принципу создавались округа и регионы, населенные отдельными нациями, что должно было служить примером открытости национальной политики СССР в соответствии со Сталинской концепцией «территориальной автономии», а не культурной или языковой. Культура была одна – советская. Действующий язык – русский. Оба региона, в народе называемые «Мархлевщина» и «Дзержинщина», были ликвидированы, первый в 1935 году, второй в 1937 году. Польское население, особенно с территории «Дзержинщины», подвергалось большему террору НКВД в 1937-1938 гг. Большинство Поляков было депортировано в Казахстан и Сибирь. Северный пояс современного Казахстана – географически Южная Сибирь. Морозные ветреные зимы, нехватка средств к существованию привели в кратчайшие сроки к гибели значительной части депортированных. Первые перевозки начались уже в 1936 году после ликвидации «Мархлевщины».

Также следует помнить о том, что во времена сталинской ночи, во время голода, арестов и репрессий, во время ссылки в Казахстан очень часто этнические Казахи, также подвергавшиеся репрессиям, помогали ссыльным Полякам. Об этом говорят свидетельства многих очевидцев событий.

Следующей и последней волной депортаций Поляков стал период Второй мировой войны и время сразу после окончания войны, то есть 1939-1947 гг. В то время люди с восточных окраин Польши были отправлены в северный Казахстан, депортированные после вступления Красной Армии на терри-

торию Речи Посполитой 17 сентября 1939 года, а также солдаты Армии Крайовой и их семьи, польская интеллигенция.

Поляки не создали на территории Казахской АССР единой организации или структуры, потому что не могли. Их репрессировали в административном порядке до конца существования этого государства, то есть СССР. Большинство из них не были приняты на учебу, не могли занимать более высокие должности в администрации и не получали повышения. Разве что ценой русификации и отречения от своих национальных корней. Они работали чаще всего сельскохозяйственными рабочими в колхозах, не имея возможности покинуть места жительства. Отсюда часто возникающая социальная деградация старшего поколения, которая способствовала меньшей, чем это потенциально возможно, социально-культурной и экономической активности этого населения.

Только независимый Казахстан создал возможности для организации Поляков и сотрудничества с Родиной. Самое молодое поколение Поляков в Казахстане уже не сталкивается с ранее описанными ситуациями. Смело вступает в жизнь, обучается в Польше, получает квалификацию, соответствующую его способностям и возможностям. Польское Государство заботится об изучении польского языка среди казахстанских Поляков, многие из них также научились самостоятельно говорить по-польски посредством чтения и средств массовой информации.

Союз Поляков в Казахстане – это организация, имеющая перед собой будущее, несмотря на различные проблемы, затрагивающие это сообщество. Стоит также отметить, что современные казахстанские Поляки – верные граждане Республики Казахстан, вместе строящие современное государство.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АЛЖИР	–	Акмолинский лагерь жён изменников родины
АОГА	–	Алматинский областной государственный архив
АПРК	–	Архив Президента Республики Казахстан
АПРФ	–	Архив Президента Российской Федерации
ГААктО	–	Государственный архив Актюбинской области
ГАЗО	–	Государственный архив Жамбылской области
ГАЗКО	–	Государственный архив Западно-Казахстанской области
ГАКО	–	Государственный архив Карагандинской области
ГАОО	–	Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ	–	Государственный архив Российской Федерации
ГАСКО	–	Государственный архив Северо-Казахстанской области
ГУГБ НКВД	–	Главное управление государственной безопасности НКВД
ГУЛаг	–	Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения
ИТЛ	–	Исправительно-трудовой лагерь
Карлаг	–	Карагандинский исправительно-трудовой лагерь
КАССР	–	Киргизская АССР (так назывался Казахстан до 1925 г.)
КазАССР	–	Казакская АССР (здесь название Казахстана до 1936 г., затем – Казахская ССР)
НКВД	–	Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКГБ	–	Народный комиссариат госбезопасности СССР
НКВД	–	Народный комиссариат иностранных дел СССР

- ОГПУ НКВД – Объединенное государственное политическое управление НКВД
- ПОВ – Польская военная организация
- РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
- РО МГБ – Районный отдел Министерства госбезопасности
- СПП – Союз Польских Патриотов
- СЛКВ – Сибирское линейное казачье войско
- СНК – Совет народных комиссаров СССР
- ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
- СПК – Союз Поляков Казахстана.

Степаненко Надежда Васильевна

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ
В КАЗАХСТАНЕ**

Издатель:

Посольство Республики Польша в Нур-Султане

Ведущий редактор:

Агнешка Марчак

Дизайн обложки:

Агата Юсковяк

Подписано в печать 27.10.2020 г.
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага офисная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать цифровая. Объем 15,0 п. л.
Тираж 275 экз. Заказ № 1511

ТОО «Костанайский печатный двор»
110003, г. Костанай, ул. Темирбаева, 39
Тел./факс: (8-714-2) 53-54-60
E-mail: kpdvor@yandex.kz